

ISSN 2309-1584

НАЗИРОВСКИЙ
АРХИВ

№1 (11), 2016

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема»

НАЗИРОВСКИЙ АРХИВ

Научный журнал

Основан в 2013 г.

Выходит 4 раза в год

№1 (11), 2016

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПРИАМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА»

Главный редактор:

Б. В. Орехов, кандидат филологических наук (Москва)

Зам. главного редактора:

С. С. Шаулов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

Редакционная коллегия:

В. В. Борисова, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

Е. А. Выналек, кандидат филологических наук (Вроцлав)

А. А. Галлямов, кандидат филологических наук, доцент (Уфа)

П. Н. Толстогузов, доктор филологических наук, профессор (Биробиджан)

С. М. Шаулов, доктор филологических наук, профессор (Уфа)

дизайн — Д. Муслимов

Адрес журнала в Интернете:

<http://nevmenandr.net/nazirov/journal.php>

Адрес редакции:

450000 г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32. к. 420

e-mail: nevmenandr@gmail.com

Ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 30.3.2016. Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 9,31.

Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема
679015, г. Биробиджан, ул. Широкая, 70-А

© ФГБОУ ВПО «ПГУ им. Шолом-Алейхема», 2016

© Редакция журнала, 2016

Назировский архив
2016 № 1 (11)

Содержание

Место романа «Звезда и совесть» в творческом наследии Р. Г. Назирова. Предисловие	7
<i>С. С. Шаулов</i>	
Публикации	16
Звезда и совесть. Фантастический роман	16
<i>Р. Г. Назиров</i>	
Фрагменты ранних редакций	115
<i>Р. Г. Назиров</i>	
Два Иуды (вариант 3)	130
<i>Р. Г. Назиров</i>	
Заметки к роману «Звезда и совесть»	153
<i>Р. Г. Назиров</i>	
Исследования	179
Сложное впечатление	179
<i>А. П. Власкин</i>	
«Звезда и совесть» как учёная проза	181
<i>Б. В. Орехов</i>	

Не научный отзыв	191
<i>М. А. Перепёлкин</i>	
Реплика	193
<i>В. В. Борисова</i>	
Обсуждение романа Р. Г. Назирова «Звезда и совесть»	194
Роман «Звезда и совесть» и исторические события	219
<i>А. Л. Полян</i>	
Библиография	233
Дополнения к библиографии Р. Г. Назирова	233
Правила для авторов	234

Место романа «Звезда и совесть» в творческом наследии Р. Г. Назирова. Предисловие*

Сергей С. Шаулов

Башкирский государственный университет

Неоконченный роман «Звезда и совесть» — первый образец крупной прозы Назирова, публикуемый нами в полном объеме¹. До этого в «Назиревском архиве» вышли первые главы «Романа о Пушкине»²), продолжения эта публикация пока еще не получила, так что в предлагаемом номере мы используем относительно новую для нас структуру издания, подчиненную «монографической» задаче максимального представления архивных материалов, связанных с романом «Звезда и совесть», и первоначальных попыток его интерпретации и оценки (поэтому в номере нет традиционного биографического отдела³).

Большинство крупных повествовательных произведений Назирова тем или иным образом варьируют жанровые принципы исторической прозы. При этом «Звезда и совесть» погружает читателя в наиболее далекую историческую эпоху, остальные тексты (мы намеренно избегаем жанровых определений — они не всегда ясны) относятся к Новому времени, VIII — XX векам. Опять же, как большинство образцов назировской прозы, «Звезда и совесть» соотносится с научным творчеством автора, в данном случае, — с исследованиями мифа, научным и преподавательским интересом Назирова к истории религии, а также к его концепции философии истории. Итоговым трудом, соединяющим в себе эти линии творческой биографии Назирова, является, по всей видимости, написанная в конце XX века и изданная посмертно книга «Становление мифов и их историческая жизнь»⁴. «Звезда и совесть», датируемая серединой 1970-х⁵, вполне может оказаться хронологически первым крупным результатом развития этих интересов. Сама по себе возможность проследить растянувшийся на целую треть века интеллектуальный и творческий путь уже заставляет отнестись к публикуемому тексту со всей серьезностью и — по крайней мере для редакции «Назиревского архива» — закрывает вопрос о необходимости / возможности обнародования этого художественного опыта.

*Статья подготовлена в рамках научных проектов РГНФ № 15-14-02001 и № 16-04-02008

¹Материалы этого номера журнала «Назиревский архив» подготовлены в рамках проекта РГНФ № 16-14-02008.

²См.: Назиревский архив. 2014. № 4. С. 7–58.

³С другой стороны, отчетливо мемуарные ноты слышатся в обсуждении романа, стенограмму которого мы публикуем в этом номере; вполне можно полагать, что и сейчас мы не обошли личность и биографию Назирова положенным вниманием.

⁴Назирев Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа, 2015.

⁵О датировке «Звезды и совести» см.: Зарипов А. Р. Роман Р. Г. Назирова о Христе: степень завершенности и творческая история текста // Назиревский архив. 2014. № 4. С. 157–158.

В определенном смысле новой для нас стала и текстологическая задача, связанная с этой публикацией. С одной стороны, устройство архива таково, что у нас не было необходимости сортировать материалы, в поисках относящихся к роману документов: роман «Звезда и совесть» со всем своим «конвоем» собран в одной папке, состав и порядок документов в которой носит осмысленный и, по нашим представлениям, авторский характер.

Папка № 89 на титульной обложке имеет надпись: «Звезда и совесть. Материалы и размышления». Внутри папка содержит три очевидно отдельных друг от друга части:

1. Пачка листов А4, завернутая в оберточную бумагу, также имеющая собственную надпись: «Etoile⁶ et Conscience». Больше нигде в папке название романа на французский не переводится; остается предположить в этой помете игровую дань автора собственной галломании, хорошо известной его ученикам. Внутри находится машинопись пролога, рукописи первых восьми глав романа (причем, каждая из них представляет собой отдельную небольшую пачку, завернутую в закладки к этой главе)⁷ и сравнительно небольшой фрагмент одной из предыдущих редакций⁸.
2. Россыпь заметок к роману и фрагментов предыдущих редакций, среди которых выделяются две тетради (под литерами «2» и «3»), содержащие большой связный текст, видимо, дающий наиболее полное представление о предполагаемом сюжете романа.
3. Помещенные на дне папки справочные и исторические материалы:
 - вырезки из польских и русских научно-популярных журналов и книг;
 - карты античного Средиземноморья и Ближнего Востока;
 - советская брошюра о неврозах⁹;
 - сделанные еще школьным почерком¹⁰ конспекты учебников и книг по древней истории и даже, например, такие документы, как «Тетрадь по истории ученика 6 «А» класса 18-й семилетней мужской школы Назирова Ромэна».

Таким образом, в папке сохранена относительно завершенная начальная часть романа, фрагменты нескольких черновых редакций и некоторая часть подготовительных материалов.

Первые текстологические наблюдения над романом были сделаны А. Р. Зариповым¹¹. В частности, он указывал, что так называемые «готовые главы» романа на самом деле

⁶Такое написание слова использует Назиров.

⁷См. в разделе «Заметки к роману» фрагменты №№ 23–43.

⁸См. «<Проповедь Иоханана>» в разделе «Фрагменты ранних редакций».

⁹Бамдас Б. С. Неврозы (лечение и предупреждение). М.: Медгиз, 1963.

¹⁰О типах почерков Назирова см.: Орехов Б. В. Текстология Назировского архива // Назировский архив. 2013. № 1. С. 146–149.

¹¹См.: Зарипов А. Р. Указ. соч. С. 156–159.

не являются целиком его последней редакцией. Если следовать устоявшимся представлениям о творческом процессе Назирова¹², то полностью соответствующим последней авторской воле может быть признан только машинописный «Пролог», предшествующей ему редакции надо считать рукопись первых восьми глав на листах А4, а содержимое тетрадей тогда следует отнести к более ранним стадиям истории текста. С этой точки зрения, перед нами три редакции — машинописная, рукописная и «тетрадная». Есть, впрочем, и другие важные нюансы.

К примеру, рукописных редакций было несколько: сохранились фрагменты предшествующей рукописи с директивными рабочими записями («переделать», «убрать», «сократить» и пр.), результаты которых очевидны в сохранившейся рукописи. При этом машинописный «Пролог» с минимальными отличиями совпадает с фрагментами рукописного, что позволяет до некоторой степени отождествить две эти стадии работы Назирова над романом; редакций в этом случае остается только две: машинописно-рукописная (пролог + первые восемь глав) и «тетрадная».

«Тетрадная редакция» представлена двумя ученическими тетрадями, помеченными номерами «2» и «3». Тетради № 1 в папке не обнаружено. Очевидно, она была изъята из нее автором, после того, как творческая нужда в ней отпала. При этом действие в сохранившейся тетради № 2¹³ начинается с главы, помеченной номером «VII», которая сюжетно соответствует третьей главе последней редакции. Видимо, уничтоженная автором тетрадь № 1 содержала более обширную экспозицию, занимавшую большее количество глав, чем это получилось в итоговой машинописно-рукописной редакции. В предлагаемой публикации мы устраним этот сбой нумерации, и именно здесь подходим к наиболее спорному текстологическому вопросу.

Надо сказать, разница между двумя этими «машинописно-рукописной» и «тетрадной» редакциями на самом деле заметна¹⁴. Кроме того, любому филологу известно из университетского курса текстологии известно, что «недопустимо в любом издании смешивать различные тексты, различные слои текста, различные редакции. Сводные тексты, в которых текст якобы восстанавливается в его первоначальном или авторском виде, должны быть решительно отвергнуты»¹⁵.

Не оспаривая неоспоримое, обратим все же внимание на то, что термин «редакция» имеет некоторые семантические различия в применении к авторской и неавторской (например, средневековой, древнерусской) литературе. В последнем случае редакции могут быть отделены друг от друга веками, сотнями и тысячами километров, принципиально разными историческими контекстами и литературно-идеологическими целями книжников-состави-

¹²См.: Орехов Б. В. Текстология Назировского архива // Назировский архив. 2013. № 1. С. 156.

¹³Публикуется нами отдельно под авторским заголовком, видимо, отражавшим какой-то этап развития замысла, — «Два Иуды (вариант 3)».

¹⁴См. в публикации материалов семинара, посвященного роману «Звезда и совесть», реплику А. П. Власкина, справедливо заметившего противоречия в различных главах.

¹⁵Лихачев Д. С. Текстология. Краткий очерк. М., 2006. С. 137.

телей. Говорить о единстве «авторской» мысли в этих случаях, конечно, не приходится, а идея реконструкции частично утраченного текста действительно оборачивается недопустимым с научной точки зрения «пересозданием» произведения.

Но значит ли это, что реконструкция утраченного или фрагментизированного текста никогда не может быть объективно необходимой и оправданной? Разумеется, — нет¹⁶, и подобные текстологические операции не единожды производились отечественными литературоведами. Приведем два хорошо известных примера: «Война и мир» Л. Н. Толстого и «Бесы» Ф. М. Достоевского.

В первом случае сложность эволюции авторской мысли и воли привела к необходимости того самого «недопустимого» совмещения «редакций» 1868–1869 (и 1886) годов, откуда берется основной текст, и 1873 года, откуда берется деление романа на четыре части и стилистические правки¹⁷.

В истории «Бесов» сложная издательская судьба текста вступила в противоречие с изначальным авторским замыслом, и возникла проблема, решение которой далеко не очевидно. Во всяком случае, и публикация знаменитой главы «У Тихона» в приложениях к роману, и включение ее в основной текст романа одинаковым образом формируют некое «совмещение» редакций, порождающее споры. Неслучайно В. Н. Захаров, под чьим началом издается в наше время собрание канонических текстов Достоевского, ответил в итоге на вопрос «как издавать» таким образом: «Обе редакции имеют право на существование. <...> в журнальной и в книжной редакции, с главой и без главы “У Тихона”». ¹⁸.

Обратим внимание на то, что и в том, и в другом случае речь идет о текстах, опубликованных при жизни, то есть в той или иной степени верифицируемых публично зафиксированной авторской волей (опустим вопросы о степени ее свободы, окончательности, ответственности etc.) В случае же с Назировым мы имеем дело с текстом, степень формальной завершенности которого вызывает вопросы, а авторскую волю можно усмотреть только том, какие именно документы сохранены в соответствующей папке.

Ясно, что папка с французской пометой содержит хронологически последнюю редакцию романа. В то же время эта редакция вряд ли может считаться окончательной, поскольку в папке есть тетрадь № 2, дублирующая ее содержание, но, видимо, сохранившая в сознании автора некую самостоятельную ценность.

Тетрадь № 3 содержит в себе сюжетное продолжение «машинписно-рукописной» редакции, которое больше не дублируется. Очевидная цель ее сохранения — представление дальнейшего развития событий, хотя бы даже в непереработанном, недовершенном виде.

¹⁶См., например, выразительную полемику с Лихачевым в следующей статье: Азбелев С. Н. Об узловых темах текстологии (законсервированный ответ Д. С. Лихачеву) // Исторический формат. 2015. № 2. С. 198–215.

¹⁷Мы, разумеется, упрощаем давно описанную проблему; см.: Зайденшнур Э. Е. «Война и мир» Л. Н. Толстого. Создание великой книги. М., 1966. С. 382; Кандиев Б. И. Роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир». Комментарий. М., 1967. С. 58 и далее.

¹⁸Захаров В. Н. «Бесы»: два романа, как издавать // Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М., 2013. С. 352.

Кроме того, материал распределен по тетрадям, не механически, а согласно плану, предусматривавшему деление романа на части¹⁹. В предлагаемой публикации мы это деление не воспроизводим, поскольку на него нет указаний в последней редакции, однако учитывать его при осмыслении романа, вероятно, нужно.

Почему Назиров не закончил свою работу — вопрос праздный. У нас, во-первых, нет фактов, которые могли бы пролить свет на эту проблему. Во-вторых же, применительно к назировскому архиву интереснее был бы вопрос, почему некий художественный текст все-таки получил завершение. Дело в том, что ни один известный нам (то есть прочитанный, а не существующий только в строке описи) крупный прозаический текст Назирова не доведен автором до стадии, которую можно было бы считать окончательной. Таких текстов, между прочим, в 2016 году стало гораздо больше, чем раньше:

1. Роман (повесть?) «Охота на человека». Обширный, сохранившийся в нескольких редакциях, но не сведенный в окончательный вариант текст из истории французской революции и наполеоновского царствования.
2. «Раздорожье» (или «Неудачный эксперимент») — по всей видимости, не очень удачный эксперимент Назирова в области фантастической прозы, отчасти напоминающий ранних Стругацких. Повесть не окончена, однако сохранились крупные фрагменты нескольких редакций, из которых один, видимо, — почти полный.
3. «Провинциальный часовщик» — неоконченная (просто не доведенная до конца) детективная повесть Назирова. Работа с ней облегчается тем, что она существует в архиве только в одной редакции.
4. «Тайноведы» — повесть, главными героями которой являются Пушкин и Гоголь. В архиве лежит несколько фрагментизированных редакций, содержательно дополняющих друг друга. Замысел этой вещи явным образом соотносится с «Хроникой Александровской эпохи». Возможно, также, что еще одна неоконченная повесть — «Хранитель тайн» — является предшествующей (или последующей) редакцией «Тайноведов». А возможно, — нет.
5. «Отказ от наследства» — историческая повесть из XIX века.
6. «Тысячу лет назад» — попытка повести из древнерусской истории. В архиве сохранена машинопись первых двух глав.
7. «Десять лет русской жизни (1850–1860)». Насколько можно судить по сохранным Назириным материалам, это, скорее, большое беллетризованное эссе, чем полноценная повесть.

¹⁹См. в разделе «Заметки к роману» заметку № 16 «Дальнейший план».

8. Исторический роман «Хроника семьи Початковых», посвященный первой четверти XX века. Сохранилось довольно много материалов, связанных с этим замыслом (по авторскому определению — «эпопеей»), однако степень его завершенности не ясна.
9. Большой автобиографический (?) роман «Далеко упавшее яблоко», сюжет которого разворачивается, по всей видимости, в середине XX века. Папки с ним (их несколько) содержат, на первый взгляд, связный рукописный текст, однако завершающая стадия работы над замыслом у Назирова обычно идет в машинописи. . .

Относительно завершенным (по крайней мере, при беглом взгляде на архивные материалы) выглядит только «Хроника Александровской эпохи» («роман о Пушкине»). При этом сохранившийся в архиве план включает недошедшие до нас или вовсе ненаписанные главы, которые должны были расширить имеющийся в нашем распоряжении текст. Возможно, относительная законченность этого романа — видимость, следствие его мозаичной композиции²⁰.

В жанре предисловия вряд ли уместно большое размышление о поэтике прозы Назирова. Поэтому сформулируем только два соображения, не претендующих ни на безошибочность, ни на эксклюзивность²¹.

Во-первых, неоконченность вполне может быть творческим принципом, который Назиров-прозаик, вполне осознанно (хотя бы иногда) применял. На фоне модернистских и постмодернистских экзерсисов литературы XX века это не выглядит чем-то необычным. Конечно, можно предположить, что Назиров просто не умел завершать свои прозаические опыты (а потому и не респался их печатать). Однако в этом случае объем и количество этих материалов формирует образ неукротимого графомана, знающего, что дописать не получится, но несмотря на это продолжающего бессмысленную деятельность. . . Думается, что представить Ромэна Гафановича в таком образе не сможет ни один лично знавший его человек. Скорее, можно предположить в этой прозе некий эксперимент, художественно проверяющий какие-то идеи Назирова-литературоведа. В этом случае неоконченность и фрагментарность некоторых вещей действительно получила бы объяснение.

Во-вторых, незавершенность «Звезды и совести» — намеренная и иллюзорная. То есть вполне возможно, что по первоначальному замыслу роман так и не завершен. Однако, достигнув некой важной точки, автор остановился, сформировав готовый к восприятию объект. Кстати, такая идея коррелирует с поставленной им задачей «кафкодждойсизации метода Вальтера Скотта»²²; более того, она объясняет и узаконивает даже совмещение формально разных редакций. Впрочем, здесь мы переходим уже от представления издания к интерпретации романа; вернемся лучше в жанр предисловия. . .

Итак, в предлагаемой публикации соединены машинописно-рукописная редакция текста (пролог и первые восемь глав) и вторая половина «тетрадной» редакции (тетрадь № 3). Ав-

²⁰Последнее соображение подсказано Б. В. Ореховым.

²¹Близкие мысли высказывались и некоторыми коллегами во время обсуждения романа.

²²См. в разделе «Заметки к роману» заметку № 19.

торская нумерация в этой тетради начинается с главы XIII; мы в предлагаемой публикации используем сквозную нумерацию глав. Сознавая несовершенство подобной реконструкции, мы тем не менее полагаем, что это — наиболее возможное приближение к авторскому представлению о романе.

Р . S . Позволю себе выйти из связанного жесткими рамками «научности» литературоведческого дискурса и высказать несколько «определенно-личных» мыслей.

Считаю, что Назирова-писателя следует судить «по законам, им самим над собой признаваемым». Ромэн Гафанович относился к своему литературному творчеству вполне серьезно, уделив этому труду не один десяток лет и тщательно сохранив его результаты. Тайна, в которой пребывала большая (и, на мой взгляд, лучшая) часть этого художественного наследия, говорит не о низкой, а о *высокой* ценности этих материалов для автора (что не отменяет знакомой многим писателям специфической неуверенности в себе). Уже одно это соображение заставляет меня воспринимать художественную часть архива Назирова не как «довесок» к его научным трудам, а как вполне самостоятельную ценность (степень этой ценности — вопрос второй; не мне его решать, точнее, — не мне одному).

Не скрою, мне было бы с определенной точки зрения легче и удобнее опубликовать папку № 89 в жанре «материалов к роману»²³. Однако то, что создавалось как литературное произведение, должно, по моему убеждению, получить шанс на жизнь не только в качестве объекта научного интереса. Особенности сохранения материалов к роману искушают возможностью восстановить его в виде целостного текста. Этому искушению я решил поддаться.

С. Ш.

²³Как уже было сделано с недописанной монографией Назирова о «Бесах». См.: Назировский архив. 2013. № 2. С. 6–83.

Публикации

Публикации

Звезда и совесть

Фантастический роман*

Р. Г. Назиров

Пролог

Тиберий установил в империи железную строгость, однако в восточных провинциях не прекращалось брожение. Под видом купцов или волхвов сюда проникали парфянские агенты; подстрекаемые разными подрывными элементами, мятежно шевелились жители Иудеи, которая подчинялась администрации сирийского легата императора.

Иудейского царства фактически уже не существовало. Последним царём был Ирод великий, союзник Октавиана Августа, известный своей страстью к архитектурным сооружениям большого размаха; родом идумеянин и типичный политический парвеню. Желая связать свою династию с Домом Давида, он женился на прекрасной Мариамне, дочери первосвященника Симона и внучке последнего царя из законной династии Асмонеев. Однако все усилия римского ставленника были напрасны: евреи его ненавидели и крепко помнили, сколь недавно презренное племя *эдом* (идумеяне) приняло обрезание и Закон Моисея.

Дошло до того, что *хевра* фарисеев (известное религиозно-политическое братство) отказалась присягнуть на верность идумейскому узурпатору.

Тогда он перешёл к политике террора. Казни произвели опустошение в иудейском обществе и в самой семье Ирода; незадолго до смерти он планировал одним ударом перебить всю еврейскую знать в ипподроме Иерихона, но не успел этого сделать.

Завещание Ирода утвердил Октавиан Август, как покровитель союзной страны. Полцарства унаследовал с титулом *этнарха* (народоправца) любимый младший сын Ирода — Архелай: он получил собственно Иудею, Самарию и Эдом. Он царил девять лет, и весьма жестоко; частые восстания против него методически подавлялись римлянами, но это вводило казну в расходы. Поэтому Август низложил Архелая и сослал его в Галлию, его области присоединил к провинции Сирия, а личные владения конфисковал.

Из другой половины царства по завещанию Ирода Великого богатая область Галилея и Перее достались Ироду Антипе с титулом *тетрарха* (четверовластный). Антипа (то есть

* Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16 – 14 – 02008.

Антипатр) был седьмым сыном Ирода Великого, в гареме которого до политической чистки, устроенной им в собственном доме, насчитывалось восемь жён.

Брат Архелая и Антипы, Ирод Филипп, получил заиорданскую тетрархию — области Итурею, Трахонитиду и прочие восточные окраины, граничившие с арабскими землями. Из сыновей Ирода Великого только Филипп снискал относительно расположение евреев: государь был миролюбивый и правосудный, правил долго и спокойно. Столицей его была Панада при истоках священной реки Иордан: он перестроил город, великолепно украсил и в честь божественного Юлия Цезаря назвал Юлией, но все звали её Цезареей (Кесарией) Филипповой, в отличие от других Цезарей, раскиданных по всей империи.

Вернёмся к Антипе. Монарх честолюбивый и грек в душе, он мечтал присоединить к галилейской тетрархии Иудею и Самарию, выпросить у Тиберия царский титул и тем придать своей зависимости от Рима более импозантный вид. В этих целях он афишировал дружеские чувства к Риму, созидал храмы в честь Тиберия и свою новую столицу на берегу Геннисаретского (Галилейского) озера назвал Тибериадой.

К сожалению, Ирод Антипа был женолюбив (удивительно постоянная черта во всей идумейской династии).

Во время одного церемониального визита в Рим (с соболезнованием Тиберию по поводу смерти его матери Ливии) Антипа остановился в доме ещё одного своего брата — тоже Филиппа, но не тетрарха, а изгнанника. Этот Филипп был сыном Ирода Великого и красавицы Мариамны, которая была задушена по приказу супруга, хотя он любил её больше, чем всех иных жён. Лишённый титула и наследства, Филипп жил в Риме как частное лицо; последний царевич, в жилах которого ещё текла кровь Асмонеев, он был женат на своей племяннице Иродиаде, красивой внучке Ирода Великого (все идумейские княжны славилась красотой); у них росла дочь. На родине этому Филиппу докучали тайные симпатии врагов идумейской династии и некрасивые поползновения родственников; поэтому он предпочитал скромно жить в Риме на вспоможение Тиберия.

Она насмотрелась на царскую пышность галилейского дядюшки и приняла решение. Покидая берега Тибра, Антипа в благодарность за гостеприимство брата увёз с собой его жену, свою племянницу и невестку.

Кстати, у Антипы была жена — аравитянка, дочь одного из царей пустыни, но тетрарх поклялся Иродиаде развестись с женой.

Аравитянка не стала ждать развода. Она бежала в родную Каменистую Аравию. Отец её, эмир Хамет, разорвал дружеские отношения с бывшим зятем, а впоследствии объявил ему войну и нанёс жестокое поражение. Так или иначе, в Тибериадском дворце воцарилась Иродиада.

Итак, жена бросила мужа и ушла к другому. В Афинах или Александрии подобный великосветский скандал не имел бы особого резонанса: чем выше культура, тем легче нравы. Но евреи под тонкой оболочкой внешнего эллинизма хранили верность своему неименуе-

мому Богу (имя его оставалось табуированным) и верили, что за грехи властителей кару несут народы.

Разумеется, логики тут не было никакой. Почему боги должны вмешиваться в семейные дрязги идумейских принцев, а тем более карать за них ни в чём не повинное население. Логика в этом не было ни на драхму, но политический смысл был.

Иродиане (партия идумейской династии) считались друзьями Рима. Суровые законы империи и строгое налогообложение, непривычное для Востока, оставались предметом жгучей ненависти евреев. Но Рим был несокрушим, а гнев Тиберия грозен. Народы, угнетаемые слишком сильными иноземцами, обращают свою ненависть прежде всего на своих собственных предателей.

Прелюбодеяние тетрарха галилейского давало законный повод этой ненависти. С момента прибытия Иродианы народные смутьяны не переставали осыпать её бранью, как женщину, забывшую Закон и стыд, как двумужницу и прелюбодейку. Но никто не смел громко выразить общее порицание.

И вдруг такой человек нашёлся.

Его звали *Иоханан*, что на древнем храмовом языке (в обиходе уже исчезнувшем) обозначало «Благодать Божия». Он был бродячий проповедник, каких в Палестине были тысячи. Но он отличался от всех других.

Иродиане считали его проходимцем и шарлатаном. Фарисеи, послушав его, пожимали плечами: «В нём бес!» Добросовестные скептики, начитавшиеся греческих философов, подтверждали, что это обыкновенный безумец, страдающий бредом величия. Простой же народ Галилеи почитал Иоханана пророком Божиим.

Самые ретивые его сторонники доходили до утверждений, что в лице Иоханана на землю вернулся сам Илия, который, как известно, никогда не умирал, а живым вознёсся на небо в огненной колеснице.

В пророческой книге Малахии было указано, что пророк Илия явится предтечей самого *Мессии* («Малка Машиах», Царя-Помазанника), то есть великого Избавителя. Напряжённое ожидание Мессии составляло суть духовной жизни евреев. Они верили, что Мессия сломает ярмо на шее избранного народа Божия; он станет на берегу в Иопнии и повелит морю выбрасывать жемчуг к своим ногам; он оденет свой народ в багряницу, украшенную драгоценными камнями, и будет питать его манной ещё более сладкой, чем какая ниспосылалась в пустыне после Исхода. Все эти легендарные пророчества были только формой поэтической экспрессии, без которой не умел мыслить этот упрямый и мечтательный народ. Главное же в иудейском мессианизме — пламенная вера в национальное освобождение и всемирное торжество. Поэтому дорогое имя Илии заставляло учащённо биться сердца людей. Так неужто он вернулся?

Вернулся Илия или нет, а Иоханан жил и действовал. Этот грубый человек отличался большой силой характера, поразительной внешностью и неслыханным бесстрашием. Не в тёмных конурах, а на равнинах он проповедовал всенародное покаяние, скорое при-

шествие Мессии, истинного царя Израиля, и Божию кару предателям, отступникам веры и распутникам. ОН НАЗЫВАЛ ИМЕНА. Галилейский пророк происходил из колена Иудина (одного из самых видных племён израильского народа), был сыном священника Захарии и принадлежал к числу *назореев*, или нозрим.

Назореем (от слова *назир* — священный обет) назывался аскет, человек святой жизни, давший обет воздерживаться от вина, всякого хмельного питья и от всего нечистого *и не стричь волос*, а это означало — не предаваться печали и не входить к умершим (острижение волос составляло часть траурного ритуала евреев). Назорейство могло быть временным или пожизненным.

Иоханан жил в пустыне, но проповедь его заселила эту пустыню: к нему стекались тысячи галилеян. Он воскресил в них давнюю гордость и жажду свободы, ибо стыд за грехи — возрождение достоинства. Ругая своих слабых и малодушных соплеменников, угрожая им карой, Иоханан тем самым заставлял их чувствовать себя людьми.

Всех приходивших к нему он подвергал омовению в водах Иордана, придав этому обряду новый символический смысл — очищения от грехов и рождения для новой жизни. В своих проповедях он неистово нападал на тех евреев, которые повиновались установленным порядкам и жили с римлянами в духе сотрудничества, что по латыни называется *collaboratio*.

Могучий голос «льва, вопиющего в пустыне» дошёл до слуха властителей Тибериады. Там Антипа, любивший языческую роскошь, задавал пиры, о которых писали даже римские поэты. Новая жена усиленно настраивала его на достижение царской короны. Она отличалась умом, но ум её служил только честолюбию и страсти к наслаждениям. Иродиада имела на Антипу большое влияние, обычное для таких пар, где сильная женщина сочетается с изнеженным мужчиной.

Однако это уже выходит за границы пролога, призванного лишь очертить исторические рамки нашего повествования.

Благосклонный читатель! Автор этой книги не скрывает своего дилетантизма в исторических вопросах. Вместе с тем он надеется найти немного правды за пределом имеющихся научных данных. Ведь в истории много тёмных промежутков, и каждому дозволено пытаться осветить их собственным разумом и фантазией.

Итак, прошу вас мысленно перенестись в Иудею на пятнадцатом году принципата Тиберия, и посмотрим, куда это нас приведёт.

Глава I. Трое на осенней дороге.

Тёплым осенним днём трое путников шли по узкой каменистой дороге среди скал в восточной части Иудеи, направляясь в Иерихон в сторону реки Иордан. Судя по их одежде иговору, они были не иудеями, а галилеянами (северными евреями). В Иерусалиме Галилею считали косной окраиной, а галилеян — «людьми земли», а впрочем, презрительным прозвищем «ам га-арец» («человек земли») обозначали всякого тёмного и неписьменного

поселянина. В Антиохии, резиденции сирийского легата императора, Галилея считалась беспокойным краем: именно в ней Иуда из Гамалы вскоре после смерти Ирода Великого поднял восстание «ревнителей» (канаим), поводом которого послужила всеобщая оценка имущества в провинции Сирия, организованная легатом Квиргинием в целях правильного налогообложения.

«Канаим» вели малую войну против римлян, пока мятеж не был подавлен и сам Иуда не погиб в бою; путь карательной экспедиции был отмечен крестами, на которых хрипели распятые мятежники. Но отдельные группы продолжали сопротивление, и римляне научились остерегаться короткого кинжала, называемого *sica*, которым пользовались при покушениях эти отчаянные мстители. В городах они образовали влиятельную партию.

Трое галилеян беседовали на ходу. Один из них, высокий и жилистый Симон, очень смуглый, с красноватыми крыльями носа и курчавыми волосами, был шумен и многоречив; в его поджарой фигуре чувствовалась сила. Речь шла о жестокостях Ирода и о жуткой, позорной его смерти в том самом Иерихоне, который они утром покинули. В связи с Иродом и его казнями Симон вспомнил об отце своей матери, который был жителем Иерусалима и подвергся мучительной смерти по воле Ирода.

Эту историю знали все в Иудее. Славный своим красноречием законоучитель Матафия, сын Маргало, и с ним ещё сорок два иерусалимца попытались снять золото римского орла с решётки Храма, ибо Закон Моисея запрещает изображения людей и животных, не говоря уж об оскорбительности для Храма этой птицы ненавистного Юпитера.

Ирод Великий, понимая, что эта попытка может раздражить Рим, повелел сжечь заживо всех сорока трёх человек: в их числе был и дед Симона; вдова его с детьми покинула столицу.

— С тех пор моя матушка не могла есть жареного мяса и не выносила его запаха, — закончил Симон.

— Она была права, — заметил самый юный из путников, отрок с красивым лицом и длинными ресницами. — Мы, ушедшие от мира, вообще не вкушаем мяса.

— Ты ещё молод, Иоханан, — покровительственно заметил Симон. — Знаешь ли ты, чего стоит лежать всю ночь в засаде, наносить удары, пробивающие кожаный нагрудник, бегать по горам и перепрыгивать через пропасти? Можно ли делать всё это, питаясь одной чечевицей?

— Симон, мне кажется, что размышление и молитва на правых весах весят не меньше, чем умение убивать людей, — ответил мальчик с иронией. — Чем меньше люди едят, тем больше думают.

На уродливом лице третьего путника промелькнула улыбка, но он ничего не сказал.

Симон театральным жестом воздел руки к небу:

— Как мне разговаривать с тобою? Всем понятно, что молитва и размышление важнее. Но пойми и ты — не должно всем уходить от мира! Если весь народ предастся посту и молитвам, то наследие Господа истребят необрезанные псы.

Нежное лицо юноши покраснело.

— Где львы Израиля? — спросил он с горечью. — Куда привели нас пути бранной славы? Господи, пошли нам *мудрых*!

Симон остановился на дороге и в бешенстве топнул ногой. Третий путник сказал:

— Перестаньте ссориться.

И тотчас наступило молчание.

Третьему было на вид двадцать восемь-двадцать девять лет. Тело его было слабым и худо сложенным, лицо дурно, нос красноват, во рту заметно не хватало двух-трёх зубов. На нём был простой плащ поселянина; как и у его спутников, голову покрывал обычный белый *кефье* — плат, ниспадающий на плечи и перехваченный *агалом* (тесьмой) вокруг головы. В руке он держал большой посох. Но это безобразное лицо, запylённое лицо бедняка, освещалось глубокими карими глазами и отмечалось строгой выразительностью — не богатством мимики, нет, но постоянным присутствием душевной работы.

Его нестриженные волосы, выбивавшиеся из-под кефье, изобличали в нём назорея. Он один из троих шёл без поклажи.

Трое в молчании продолжали путь, как вдруг вдали закурилось облачко пыли. В нём блеснула медная искорка, вторая, третья. . . Симон приставил ладонь козырьком к глазам.

— *Римляне!* — хрипло выдохнул он.

Юноша с девичьими ресницами заглянул в лицо назорею.

— Учитель мы успеем укрыться от них среди скал.

— А зачем? Нам ничто не грозит.

И они пошли навстречу патрулю.

Вскоре стал слышен топот копыт и различимы кони и всадники. Солнце мерцало на копьях и шлемах; римляне переговаривались на скаку своими медными и наглыми голосами.

Три еврея сближались с тремя римлянами. Иоханан казался бледен, Симон одеревенел от напряжения, назорей поглядывал на небо и шурился, словно прикидывая, успеют ли они за день дойти до цели. Появление римлян в этих местах было явлением исключительным. Гарнизоны кесаря в провинции Сирия не слишком-то многочисленны. Рим правил провинцией, опираясь в основном на местные военные формирования. Поскольку Иудея входила непосредственно в состав Сирийской провинции, римляне разместили в ней свои войска, но немного.

Вот евреи сошли с дороги, уступая путь, но передовой всадник, явно старший по званию, начал осаживать коня, а за ним и два его воина.

— Кто вы такие? — крикнул он на довольно сносном *койнэ*.

Надо заметить, что Сирия и Палестина говорили тогда на двух языках: на арамейском (общесирийском, родственном древнееврейскому) и на койнэ (общегреческом). После завоеваний Александра Македонского и сложения эллинистических царств на месте его огромной, но недолговечной державы, *койнэ*, что означало «всеобщий» (в основе его лежал упрощённый аттический диалект Греции), стал языком всего Ближнего Востока. В иудей-

ских селениях почти не знали койнэ, но в Галилее было очень смешанное население — много эллинов, финикийцев, арабов. Галилейские евреи общались с иноверцами на койнэ, а в некоторых городах он полностью преобладал.

Три наших путника говорили между собой, разумеется, на арамейском. Но койнэ они понимали.

Когда римлянин задал свой вопрос, назорей быстро пробормотал по-арамейски:

— Симон, опусти глаза!

Затем, подняв лицо к вопрошателю, ответил на дурном, ломаном койнэ:

— Достойный военачальник, мы люди мирные, держим путь к мудрецу за важным советом. Этот мой товарищ — виноградарь, сам я плотник, а этот юноша — сын моего брата.

Что-то непонятное в безобразном лице плотника привлекло внимание римлянина, и он подъехал вплотную к путникам. Конь его фыркнул в лицо назорея, и тот отёлся равнодушным жестом.

Именно это спокойствие не нравилось декуриону — грузному человеку с широко расставленными зелёными глазами и жирными губами распутника. Ремни на его груди были украшены блестящими бронзовыми фалерами, отличиями за храбрость, а пальцы рук унизаны еврейскими перстнями. Вглядываясь с недоверием в лица путников, он холодно спросил об их именах.

— Меня зовут Симон, — ответил высокий галилеянин, глядя себе под ноги.

— Йешуа, сын Иосифа, — назвался плотник.

— Иоханан, — сказал подросток, хмурясь и краснея под взглядом декуриона, который рассматривал его с подлой улыбкой.

— Мы не те, кого вы ищете, — наивно добавил плотник.

— Откуда ты знаешь, длинноволосый, кого мы ищем?

— Простых разбойников не ловят воины кесаря. Если вас послали на край пустыни, значит случились беспорядки.

— Может быть, тебе ведомо, какие именно, о разговорчивый еврей?

— Скорее всего из-за Ионы, которого называют потомком царя Давида. Может быть, он пришёл в Иудею.

— Который сам себя назвал потомком Давида, — с издёвкой поправил римлянин.

— Пусть будет по-твоему, достойный предводитель.

— Клянусь Венерой, ты всё знаешь, о краса Иудей!

— Ты сказал, декурион, — невозмутимо ответил Йешуа бар Иосиф.

Римлянин молча смерил его глазами. В этот миг один из воинов, подъехав поближе, указал декуриону на Симона и заговорил со своим начальником по-латыни; евреи поняли только, что декуриона зовут Максимом Анцием — так обращался к нему воин. Он упоминал также Тибериаду, а один раз сделал жест, словно рубил мечом сверху вниз.

— Эй, Симон Черномазый, поди-ка сюда! — приказал декурион.

Галилеянин приблизился: лицо его стало пепельным, глаза горели, как угли. Декурион сказал воину по-гречески, чтобы поняли евреи:

— Но у него нету никакого шрама.

— Может, он прикрыл этим паллионом, который они накидывают на голову?

Воин, склоняясь с седла, сорвал с головы Симона агал (тесьму), стащил с него плат и схватил его за волосы. Он повернул голову Симона направо и отогнул назад. Брови воина изумлённо поднялись.

— Клянусь Вакхом, я почувствовал тогда под мечом его зубы! — вскричал он в детском недоумении.

— Не могла же эта харя так зарастить за два года, — ответил декурион и добавил ещё несколько слов тоном лёгкого выговора.

Воин пожал плечами и тоже ответил по-латыни, как бы извиняясь или признавая свою ошибку. Евреи с бесстрастными лицами внимали этому диалогу, наполовину не понятному для них.

Разговорчивый воин отпустил Симона и вытер ладонь, осквернённую прикосновением к еврею, о гриву своего коня.

С минуту декурион сверлил взглядом непроницаемые лица евреев, но с таким же успехом он мог бы буравить гранит Синай. Затем, поворачивая коня, бросил несколько слов на своём медном латинском языке. Евреи не поняли слов, но дикий, самодовольно-наглый смех, каким умеют смеяться только римляне, всё пояснял без перевода.

Конский топот стих вдали; путники шли своей дорогой.

— Учитель, ты неосторожен, — сказал бледный Иоханан.

— В чём ты видишь мою неосторожность?

— Зачем ты выдаёшь сынам тьмы, что ты всё знаешь?

— Это говорил римлянин, а не я.

— Но ведь ты подтвердил!

— Ожидающий лжи не верит правде.

Тем временем Симон разжал кулаки и перевёл дух:

— У пса крепкая память, — сказал Симон, — он помнит всех, кого кусал.

— Но ведь у тебя нет шрама, — с тихой улыбкой заметил Йешуа.

— Благословение на твою голову, учитель! Если бы не ты...

— Оставим это. О чём мы говорили?

— Об Ироде Старшем.

— Да, я как раз хотел сказать тебе, Симон, что первое наказание жестокого есть его жестокость.

— Как это понять, учитель?

— Ирод имел восемь жён и четырнадцать детей. По наветам и ложным подозрениям он предал смерти трёх сыновей и многих родственников.

— Говорят, он сильно горевал о Мариамне, — вставил Иоханан.

— Это правда, — сумрачно подтвердил Симон. — Он положил её в гранитную раку и залил мёдом, чтобы она лежала в меду, словно спящая, и он приходил любоваться на неё и плакать. Что ж из того? Зверь тоже любит свою самку!

— Ещё бы не плакать — такая красавица! — заметил назорей. — Зачем же было пресекать её дни, законной супруги и царицы?

— Бог помянул его ум, — решил Симон.

— Ты полагаешь, Бог насылает мрак на тех, кого желает погубить? Это греческая мысль.

— Но почему же, учитель? — запротестовал обиженный Симон.

— Бог Израиля любит, чтобы грешники узнавали его удары. Безумие грешника делает его бесчувственным к вышней каре. Греки никогда не понимали по-настоящему, что такое страдание. . .

Спутники его задумались. Стоял жаркий день, скалы разогрелись от солнца. Проехали навстречу несколько загорелых дочерна земледельцев на ослах, поздоровались с тремя путниками. Несколько далее они увидели близ дороги колодец под ветхим навесом, стадо овец и двух пастухов, которые черпали воду из колодца. Путники приблизились к пастухам.

— Мир вам, добрые пастыри! — сказал Йешуа.

— И вам мир, путники.

Назорей сел на камень у колодца и опёрся на свой посох. Иоханан уселся близ него, прислонясь спиной к камню. Симон достал из дорожной сумы хлеб, сушёную рыбу, немного маслин.

Пастухи с молчаливой предупредительностью принесли путникам холодной воды в кувшине. Йешуа пригласил их к трапезе.

Они обменялись между собой несколькими словами, закрыли колодец и нерешительно подошли, предлагая путникам овечий сыр. Доля их была принята.

Йешуа прочёл короткую молитву. Пастухи были приятно удивлены, и старший из них сказал:

— Мы думали, что вы перушим, а вы молитесь по-простому.

Трапеза совершалась в молчании.

В то время Иудею переполняло множество сект, они возникали, распадалась и возникали вновь. Прочнее всех держались немногочисленные, но гордые саддукеи (потомки Цадока), секта храмовой аристократии, наиболее затронутой влиянием эллинизма; с ними издавна враждовали перушим («отделившиеся»), воинствующие враги эллинизма, буквалисты обрядности, известные долгими молитвами и презрением к черни, «не знающей Закона»; в койнэ слово «перушим» превратилось в фарисеев; отпавшие от фарисеев мятежные кананим («ревнители», по-гречески зелоты). Особую и совсем не похожую ни на кого секту образовали ессеи — люди мирные, но таинственные. Они бросили города и жили в пещерах на берегу Мёртвого моря; в своих общинах они ничего не делили на «твое» и «моё», отвергали телесные наслаждения, презирали стяжательство и все усердно трудились. Народ уважал ессеев за праведную жизнь, но попасть к ним было очень трудно. Само слово ессей

(сирийское «*асайя*») означало «врачеватель» и на койнэ переводилось как «*терапевтос*». В своей открытой деятельности среди народа ессеи занимались врачеванием телесных и душевных недугов; они изучали врачебные книги и хранили немало тайн этой великой науки.

По формулам молитв, по омовениям, по одежде, даже по еде и питью опытный человек мог распознать принадлежность любого еврея к тому или иному течению распатанного бурями иудаизма. В молитве Йешуа пастухи почуяли нечто близкое. Само приглашение пастухов к трапезе горожан говорило о многом.

Запив трапезу колодезной водой, путники заговорили с пастухами об их жизни, о траве для овец; расспрашивали, суров ли хозяин. Поскольку трое происходили с берегов Геннисаретского озера, разговор с неизбежностью коснулся последних новостей из Тибериады.

— Здоров ли ваш царь? — политично спросил старый пастух.

— *Тетрарх* здоров, — лаконично ответил Йешуа.

В арамейской речи этот греческий титул прозвучал с особенной выразительностью.

Слыхано было от нелживых людей, — сказал Симон, — что он вместе со своей Иезавелью появился на конных ристалищах в греческой одежде.

— А на ней что было?

— А на ней был *непλος* без рукавов.

Пастух всплеснул руками. Но он простодушно не заметил, что гость его колодца назвал Иродиаду издревле позорным именем царицы Иезавели Сидонянки, которую изобличал в нечестии великий пророк Илия и которая была разорвана собаками. Оба пастуха восприняли именование тибериадской двумужницы Иезавелью как нечто само собой понятное.

Солнце стояло невысоко над горами. Пастухи поднялись, чтобы гнать стадо далее, как вдруг Йешуа заметил, что старый пастух хромает.

— Что у тебя с ногой? — спросил он.

— Вчера старая львица хотела зарезать ярку, но я метнул в неё копьё и прогнал огнём от костра. Она посмела только раз оцарапать меня. Однако рана делается хуже.

— Сядь на камень и покажи твою ногу, — велел Йешуа.

Пастух смущённо повиновался и поднял одежду: чуть выше колена зловеще цвела нехорошая рана. Нога вокруг неё уже опухала.

— Хорошо, что я заметил твою хромоту!

— Царапины были неглубокие, — извиняющимся тоном ответил старик.

— Знаешь ли, что от этих царапин ты бы умер завтра вечером?

— Почему, добрый странник?

— Потому что у старых львов под когтями скапливаются остатки всех животных, которых эти львы терзали и пожирали за свою жизнь, и остатки эти гниют, вызывая зуд; иногда от этого у львов выпадают когти. Это тухлое мясо под когтями может источать скверные соки, и тогда малая царапина львиных когтей становится подобна укусу ехидны. Но лучше помолчим, а ты потерпи.

Вокруг стояли спутники Йешуа и молодой пастух. Они зачарованно наблюдали, как Йешуа сильными и ловкими движениями выдавливает гной из раны старика.

— Иоханан, дитя моё, подай посох! — попросил Йешуа.

Он взял свой посох, и тут все увидели, что ручка его несколькими поворотами отделяется от древка, оно же внутри полое, подобно стволу камыша, и заполнено зеленовато-жёлтой мазью с запахами горных трав.

Этой мазью Йешуа обильно смазал рану и даже втёр её в язвы от когтей: при этом старый пастух зажмурился, и закричал.

— Терпи! — сказал Йешуа. — Мазь будет припекать, но ты не смывай её. Завтра твоя рана засохнет, потом покроется чёрной коркой; она отпадёт дней через пять, и ты будешь здоров.

— Благослови тебя Бог! Ты накормил нас и не пожалел своего зелья для такого бедняка, а мне даже нечем тебя благодарить.

— Я исцеляю не ради награды, — отвечал Йешуа, обтирая руки песком.

— Значит, ты ессей.

— Я такой же бедняк, как ты, — ответил Йешуа, — а бедняки должны помогать друг другу.

Пастух с сомнением покачал головой; Йешуа свинтил свой посох и поднялся. Он собирался уходить.

— Скажи мне твоё имя, странник, я буду молиться Богу за тебя.

— Меня зовут Йешуа, сын Иосифа, и я плотник.

— Прости, но ты не похож на плотника.

— *Римлянин подумал то же самое*, — с улыбкой ответил Йешуа. — Симон Кананит, довольно нам мешкать! Где Иоханан?

Они обернулись и увидели неподалёку мальчика, стоявшего неподвижно и смотревшего на песок.

Что ты там увидел? — спросил Йешуа, направляясь к нему.

Иоханан знаком попросил тишины и сказал мягким, успокаивающим голосом:

— Пройди мимо, дружок, мы не тронем тебя.

— С кем ты разговариваешь? — спросил Симон Зелот.

— Не трогай его! Он уже уходит.

И тут все увидели, что Иоханан провожает взглядом огромного желтоватого скорпиона, который исчезал, сливаясь с песком.

— Он подошёл к моей ноге, но я не шелохнулся и велел ему уходить, — сказал юноша. — Вы видели, он послушался.

Три странника распрощались с пастухами и снова двинулись в путь. Местность становилась всё более скудной. Солнце у них за спиной почти касалось горных вершин.

— Не пойму я тебя, — сказал Симон. — Ты юн и слаб, однако не боишься так близко говорить с этим гадом. Я бы раздавил его камнем.

— Люди часто убивают от страха, — сказал Иоханан. — Зачем давить скорпиона? Он тоже понимает добро. Не должно истреблять никакой Божией твари.

Йешуа молча улыбнулся и кивнул головой.

Они начали сходить пологим спуском. Повеял ветерок и донёс до них запах тёплого ила. Впереди на дороге показался огонёк костра.

— Скоро Иордан, — сказал Симон.

— Да, брат мой, — ответил необычный плотник.

Они постепенно приближались к костру.

Потом увидели, как от костра отделились несколько человеческих фигур и пошли им навстречу. Когда до них оставалось пятнадцать шагов, трое путников остановились.

В руках людей, шедших им навстречу, блеснуло оружие.

Глава II. Лагерь за Иорданом.

— Стойте! — крикнул один из встречных. — Кто вы и зачем идёте сюда?

— Мы галилеяне, — ответил Йешуа. — Мы хотим услышать слово истины.

— А может быть, вы глаза и уши Ахава?

Именем древнего нечестивого царя последователи Иоханана Пророка называли тетрарха Ирода Антипу. Услышав это оскорбление, Симон ощерил зубы и сунул руку под плащ. Но Йешуа спокойно сказал:

— Мы люди правого пути, сердца наши чисты. Не тратьте слов понапрасну и пропустите нас через реку, ибо мы прошли долгий путь.

В это время к стражам дороги подошёл хромой седобородый старик, при виде которого Симон встрепнулся:

— Анастасий! Нет владыки кроме Господа!

— Нет подати кроме храмовой, — ответил старик.

Они обнялись и закончили разом:

— Нет друга, кроме зелота!

И старик приказал караульным:

— Пропустите этих людей!

Он сам повёл пришельцев к реке, тяжело опираясь на клюку.

— Учитель, — сказал Симон, — посмотри на этого человека. Он был правой рукой самого Иуды из Гамалы.

Йешуа с любопытством присмотрелся к старику.

— Анастасий, я вижу, ты был некогда распят.

— Воистину так, припелец! Но как ты узнал об этом?

— По твоей хромоте, по следам от гвоздей на ладонях и по тому, что тебя называют Анастасием.

«Анастасиос» по-гречески значило «воскресший».

— Как же тебе удалось спастись, о седобородый? — спросил Иоханан.

— Иуда напал на моих палачей, снял меня с креста. Я был ещё молод, и раны мои затянулись.

За разговорами дошли до Иордана. В конце лета Иордан мелел; это место недалеко от Иерихона так и называлось — «Броды Иорданские».

Анастасий вошёл в реку, осторожно ощупывая дно своей клюкой, за ним пошли трое путников. В самом глубоком месте вода доходила до груди. Перейдя реку, они отжали воду из своей одежды. Теперь они уже находились в Перее, во владениях тетрарха Ирода Антипы.

Иордан служил границей. Он отделял слабо населённую и полуязыческую Перею, восточное владение Ирода Антипы, от Иудеи, которая после низложения Архелая в совокупности с Эдомом и Самарией составила округ Сирийской провинции, управляемой императорским легатом в Антиохии. Этот же южный округ провинции управлялся префектом, подведомственным по важнейшим вопросам сирийскому легату.

Таким образом к западу от Иордана правили римляне, к востоку — чиновники тетрарха галилейского; формально он считался независимым князем, «союзником» Рима, на деле же был игрушкой в римских руках. Однако римские разъезды без важных причин не пересекали Иордана.

Восточный берег Иордана был крут и обрывист. Взобравшись на него, Анастасий и пришельцы остановились, чтобы перевести дух.

Уже вечерело, из Аравийской пустыни напознала ночь. Впереди виднелось много палаток, людей и скота, слышался смутный гул становища. К нему и повёл Анастасий новопривывших.

Зажигались всё новые и новые огни. Пришельцы вступили в огромный и сильно разбросанный лагерь.

Вокруг костров лежали отдыхающие мужчины, овцы. Вдали паслись верблюды — им не нужны ни пастухи, ни присмотр. Под ногами играли полуголые дети. Повернувшись спиной к дороге, женщины готовили ужин на очагах из сложенных в круг камней. Видны были одеяния разных племён, слышались разные наречия. Назорей с доброжелательным любопытством посмотрел на старого араба с курчавой бородой, который полулежал, откинувшись на выюк, и показывал своим внукам рукою на небо. Он называл имена звёзд, которые одна за другой загорались на бледно-голубом небосклоне. Тем временем жёны и невестки старика готовили ужин, хлопоча у дымного и тусклого костра; в нём горела куча сушёного верблюжьего помёта, и они пекли барана по-бедуински, зарыв его в песок под костром.

Лагерь состоял большей частью из шалашей; последователи Иоханан сплетали их из ивняка и накрывали сверху плащами. Однако местами, теснясь друг к другу, стояли плосковерхие арабские шатры.

Путеводитель Анастасий свернул в сторону, и тотчас Йешуа поднял перст:

— Он там.

Посреди некоторого свободного пространства стоял небольшой шатёр из чёрного войлока. Перед ним у костра неподвижно лежало несколько человек. Когда Йешуа с его спутниками приблизились, люди у костра поднялись.

Один из них, иудей с ястребиным лицом, в белой льняной одежде, такой же, как на юном Иоханане, поднял с земли копье. Другой, молодой галилеянин, взялся за эфес короткого римского меча, называемого *gladius*. Стройный араб в белом бурнuse вопросительно поигрывал острым дротиком. Четвёртым стражем шатра был беглый наёмник из Тибериады — северный варвар с рыжими волосами. Он высился, словно гора, расставив ноги и до половины обнажив меч.

— Куда вы направляетесь, люди? — спросил молодой галилеянин, держа руку на эфесе гладия.

Йешуа обвёл взглядом эти сосредоточенные и печальные лица, измождённые частыми постами.

— Нам нужен Иоханан, пророк галилейский.

— Не препятствуйте этим людям, — сказал Анастасий Зелот.

Стражи костра переглянулись. Араб высокомерно сказал:

— Ступайте прочь, *Эль Наби* отдыхает.

Арабское «наби» означало то же самое, что еврейское «неби» (пророк).

— Ты ошибаешься, сын Измаила, — сказал Йешуа. — Пророк ждёт нас и считает наши шаги.

Стражи заколебались.

— Ступайте к пророку, — сказал Йешуа, — и возвестите ему, что три ворона прилетели от соли.

Араб и галилеянин, подойдя к шатру, осторожно приподняли входную завесу, переговорили с кем-то внутри и тотчас вернулись к пришельцам:

— Вы сказали правду, добрые люди.

— Эль Наби ждёт вас.

И в это время из шатра вышел и распрямылся огромный человек, издалека видный в отблесках костров. Люди вокруг, завидев его, вставали с земли.

— Радуйся, Иоханан! — сказали ему пришельцы.

Он ответил на приветствие с величавой кротостью и обменялся с ними поцелуем. На нём был грубый плащ из верблюжьей шерсти, одежда бедняков; под плащом его одежда была перетянута кожаным поясом. Именно такую одежду, как знали все евреи, некогда носил великий пророк Илия Фесвитянин.

Симон Зелот тотчас вспомнил: «И вороны приносили ему хлеб и мясо поутру и хлеб и мясо повечеру, а из потока он пил».

Симон сунул руку за пазуху и сжал висевший у него на шее *баарас* — огненного цвета корешок, отгоняющий духов.

— Войдите с миром, гости! — раздался могучий голос. — А ты, храбрый человек, перестань цепляться за свой амулет, ибо здесь нет духов зла.

Симон остолбенел.

Прекрасное и страшное лицо пророка, иссечённое страстью и скорбями, было опутано гривой чёрных волос, переходивших в длинную бороду; глаза горели сверхчеловеческой пронизательностью.

Мальчик у порога шатра развязал обувь гостей и омыл их ноги. Пророк сам поднял завесу входа, и гости, оставив обувь и нагнувшись, вошли в шатёр. Внутри горела глиняная лампа, и при свете её суровый, печальный человек с ушами, проколотыми толстым шилом, а значит — бывший раб, расставлял скудное угощение.

Гости опустились на циновку, подпираясь одним локтём. Пророк благословил пищу, и они преломили с ним хлеб. Это символическое сотрапезование с пророком было большой честью.

Пища была проста: немного наломанных сот дикого мёда в чашке и проваренная в расоле и высушенная на солнце саранча («акриды» по-гречески; их ели в оливковом масле). Даже хлеб у пророка был ячменный. Иудеи тогда шутили: «Будет хороший урожай ячменя. — Скажи об этом лошадям и ослам». В римской армии при Августе когорты, бежавшие с поля боя, наказывались децимацией (казнью каждого десятого) и переводом на ячменное довольствие вместо пшеничного. Но гости пророка ели этот ужин бедняков как свою привычную пищу.

После ужина чаша холодной, чистой воды прошла по кругу, и гости вежливо потупились перед лицом пророка. Мужчинам порою приличествует помолчать.

— Я ждал вас, — сказал наконец Иоханан. — Меня известил Ровоам, сын Левия. Хороша ли была дорога?

— Дорога был хороша, пророк, — отвечал Йешуа. — Нам пришлось сделать обход, мы побывали у наших людей возле Иерусалима.

— Легко ли нашли меня?

— Это не так трудно, о премудрый.

— Разве люди в Иудее знают, где стою я с братством моим?

— Лев стирает следы хвостом, но чем стереть следы хвоста?

Иоханан невольно улыбнулся; нет, то была лишь тень улыбки.

— Не встретились ли вам дурные люди?

— Сегодня в трёх часах от твоей заставы мы повстречали сыновей Волчицы на Иерихонской дороге.

— Кто они были?

— Декурион по имени Максим и два воина.

— Чего им нужно в пустыне?

— Они притворились, будто ищут Иону, но это неправда.

Пророк кивнул:

— Ты прав, мудрый ессей. Иона уже взят и ожидает смерти в Городе Могил. Он не успел бежать из Галилеи. Сыны Волчицы рыщут на путях, ведущих ко мне; это соглядатаи.

— Декурион — дурной человек, даже для римлянина, — сказал Йешуа.

— Знаю. Он сделал много зла в Иудее и Перее. Срок его близок.

— Да будет воля Господа!

— Воистину. Теперь — хорошие вести.

— Пророк, мы принесли тебе послание старейшин людей Божией воли, живущих возле Мёртвого моря.

Йешуа обернулся к своему племяннику, и тот достал трубку пергамента, спрятанную на груди. Пророк с почтением принял свиток, но не стал снимать с него печать.

— В жилище моём мало света, — сказал он, — да и письма слабые глаголов. Благо, что с посланием пришёл ты, назорей, ибо я вижу, что ты разумен и красноречив. Побеседуем с тобою, а вы, дети мои, ступайте на покой к моим стражам и скоротайте с ними ночь. Они примут вас с честью.

— Иоханан и Симон, — сказал Йешуа, — не забывайте об утренней росе.

Пророк и назорей остались одни. Несколько минут они молчали, ибо суета не подобает мужам. Затем гость медленно заговорил:

— Пророк, ты славен во Израиле. Община людей Божией воли молится за тебя.

— Люди Божией воли живут праведно, и молитва их крепка перед Господом, — ответил Иоханан. — Я жил у них, я помню их науку. Вести Ровоама обрадовали моё сердце. Однако продолжай.

— Пророк, старейшины Енгадди пишут тебе о многих удивительных и страшных знаках, ниспосылаемых Богом в последние годы.

— Я тоже видел эти знамения. Как толкуют их праведники Енгадди?

— Они судят так, что близок час гнева Божия.

— Истина!

— Пророк. Старейшины хотят знать твою волю. Мы ищем соединиться с тобою.

— У меня нет своей воли, я раб Господень! Я провозвестник Того, кто многократно сильнее меня. Что повелит Господь, то я и возвещаю народу верных, — со свирепой скромностью отвечал Иоханан. — Сам я мал и глуп, но Богу угодно было позвать меня во служение. А чего хотят праведники Енгадди?

— Избавить Израиль от блудодеяний и мерзости языческой.

— Так и будет. Во имя Грядущего за мною я пойду на Город Могил, и тогда Ахав с Иезавелью исчезнут, как летучая трава пустыни, гонимая хамсином. Ибо такова воля Господа, я же послушный раб, светильник ему предносящий.

— Но поход на Город Могил будет лишь началом, о пророк.

— Слова твои темны.

— Разве своею рукою удерживается идумеянин в Галилее? Хватит ли нынешней силы твоей против сыновей Волчицы?

Иоханан наклонил гневное лицо, вглядываясь в собеседника.

— Народ наш, — продолжал Йешуа, — скор на брань, но сухая солома скоро загорается и скоро сгорает. Жива ещё слава маккавеев, но скипетр царский отнят у народа; первосвященство попирается идумеянами и язычниками, в самом Иерусалиме башня Антония возвысилась паче Храма Господня и бросает на него чёрную тень. Роса благословения не падает на нас, и плоды наши не имеют вкуса.

— Кесарю семьдесят два года, — резко ответил Иоханан.

В его устах имя властителя полумира, произнесённое открыто, без всяких иносказаний, прозвучало подобно удару бича. Казалось, даже огонёк лампы вздрогнул от страха. Но лицо Йешуа Назорея осталось невозмутимым.

— Истинно говорю тебе, мудрый ессей, силы Кесаря истощены блудом и пожиранием излишней пищи. Дни его сочтены, и дела его взвешены. Господь при жизни дурного древа начал отсекал его ветви. Десять лет назад во воле Кесаря отравили его племянника, семь лет назад такую же смертью умер единственный сын Кесаря, в прошлом году отравлена его мать... Близится свершение судьбы его, скоро падёт он во мрак крошечный. Вспомним, как Господь предал Валтасара в руки Кира Персиянина! Вспомним, как парфяне выставили голову проклятого Красса на помост игрища! Это случилось в тот самый год, когда он ограбил Храм: кара Господня не медлит. *Царство Волчицы сокрушится силою Востока.*

— Да будет так, — с сомнением ответил Йешуа. — Однако поразмысли, о премудрый! Один падёт в *шеол* (ад), на престол воссядет другой из той же волчьей породы. Смуты продлятся недолго, легионы Орла утишат северные рубежи и придут мстить за падение Города Могил. Уповаешь ли ты на парфян? Они раньше приходили на помощь Асмонеям. Приходили и уходили. Что ж, они могут ещё раз сразиться с заморскими легионами. Но пока весы будут колебаться, хочет ли Господь, чтобы сливы и смоковницы Израиля стали песком и пеплом.

Иоханан побледнел и закрыл глаза. Грудь его часто вздымалась и опускалась, словно кузнечные меха во время спешной работы.

— Гость мой! — проговорил он шёпотом, но то был шёпот иерихонской трубы. — Гость мой, никто ещё не смел так вопрошать меня — ни даже Антипа Идумейнин!

Йешуа Назорей длинно вздохнул, словно говоря: «где уж мне равняться с такими особами!» Иногда ему была свойственна *внутренняя улыбка*.

— Гость мой, ты говоришь, как власть. Ровоам долго рассказывал мне о тебе, но я не понял всего. То ли написано в послании старейшин?

— Письмена слабее глаголов, — ответил Йешуа, повторяя недавно реченное пророком.

— Подожди, гость мой! — Иоханан открыл глаза и приподнял руку, тяжёлую, как молот. — Сказанного тобою нет в послании. Подобные глаголы *никогда прежде* не звучали над морем Лота. Мне чудится *новый голос*.

— Ты слышишь новый голос, пророк Божий.

— Ты сам по себе! Так поведай мне без утайки, куда ты держишь путь и какая звезда ведёт тебя во мраке.

Да, у меня свой путь. Старейшины Енгадди слушали меня, и открыли великие книги, и думали, и согласились со мной *во многом*. Я прожил три года в Енгадди. Я прошёл полный иску́с у людей Божией воли, и вкусил трёхдневный сон, и встал, и омылся. В святой пещере я пил из золотой чаши посвящения вино виноградника Господня вместе с семьюдесятью четырьмя праведниками.

— Говори тише, Йешуа Назорей! — сурово прошипел Иоханан, озираясь и прислушиваясь. — Это великая тайна.

— Я говорю это тебе, — Йешуа понизил голос, — ибо ты тоже посвящён. . .

— Да, я удостоился чаши посвящения, но я не знаю Имён, — сказал пророк.

— Я знаю Имена. Великие книги Енгадди открылись для меня, люди Божией воли доверили мне всё тайное. Я восседал с праведными в их суде и совете. Невзирая на мою молодость, они почтили меня, и я вернул им с лихвой долг совета. И всё же скажу тебе прямо — в пещерах над Лотовым морем я только гость, *как и повсюду!*

— Я понял, что ты другой, — сказал Иоханан. — Ты открываешь всё, но тайна твоя остаётся бездонной. Открой же ещё!

— Ты видел, Иоханан, с кем я пришёл к тебе? — спросил Йешуа.

— Я видел их. Ученик из людей Божией воли, мягкий, как хлеб из печи, но у него великая душа. Другой — галилейский «ревнитель», крепкий, как железо его кинжала: добрый для битвы, но кинжал может сломаться, когда он будет всего нужнее.

— Истину говоришь ты, Иоханан, и я полагаюсь более на того, кто мягок, ибо он не сломается, и *хлеб сильнее железа*.

— Ты странствуешь с ессеем и зелотом, и это достойно удивления. Значит, ты собираешь *новое братство?*

— Я не хочу отделяться от верных, и не по душе мне распри между братствами, — просто ответил Йешуа. — С немногими учениками хожу я по земле Израиля, исцеляю больных и даю им советы. Нет у меня твоего огненного жала и твоих бичующих слов, я мало учу, но мы думаем вместе.

— Даёте ли вы клятву?

— Мы никогда не клянёмся, слово наше нелживо.

— Значит, ты всё же ессей.

— Я многому научился у ессеев и советуюсь со старейшинами Енгадди, они любят и помнят тебя. Но люди Божией воли уходят от мира, замыкаются в пещерах и хранят тайну спасения. Я же, *подобно тебе*, иду в мир и ради мира.

— Благо тебе! — с недоверием сказал пророк, вперяя в Назорея пронзительный взгляд. — Что же ты несёшь миру?

Два взгляда встретились: один как пламя, другой как звёздный свет. Толстая жила вздулась на лбу Иоханана.

— Милосердие, — ответил Назорей.

Звезда оказалась сильнее огня. Пророк опустил голову.

— Я чту закон, — неспешно сказал Йешуа, — но не так, как саддукеи. Знатные и сильные, они брезгают своим народом, хотят стать греками и угождают старому блудодею. Всеу поминают они имя Господа, а души их черны и заживо тленны. Ложь их одеяние.

— Воистину.

— Я чту закон, но добавляю к нему новое толкование. Нужно, чтобы весь народ уподобился ессеям в жизни праведной. Станем все простыми, будем жить малым, и пусть ни у кого не станет денег на подати, и опустеет казна Иродов.

— Палки неисправному плательщику и ошейник свободному — вот и всё, чего ты добьёшься, — с недоумением ответил Иоханан.

— Нет, пророк, нет! С неимущего нечего взять, и даже римский кенисос (опись) не касается его. Станем бедными, и нечем нам будет платить подати.

— «Нет властителя кроме Господа, нет подати кроме храмовой»?

Назорей кивнул, одобряя ключ и пароль zelотов. Он продолжал ещё тише, словно окутывая пророка мягким светом нездешних своих глаз:

— Пора истине воскреснуть и выйти из погребальной пещеры. Пора Слову греметь и шатать престолы, потому сердце моё возлюбило тебя, глашатай Идущего к Израилю.

— Ты говоришь мудрено. Люди Божией воли чисты и праведны, но они не владеют оружием и землёй. Можно ли весь народ сделать ессеями? И будет ли в том доброе?

— Если все дети Израиля станут так же молиться, как ессеи, носить белые одежды, не вкушать убоины, и на том престанут, то это будет лишь превращением внешнего образа. Я же хочу, чтобы народ оставался на своих нивах и пастбищах и жил жизнью земли, но исполнился бы света, подобно людям Божией воли, и чтобы возлюбил бедность паче богатства, и не давал бы денег сынам тьмы. Да будет стыдно богатому! Я созсгу долговые расписки и дам облегчение рабам и должникам. Довольно питать гиен и шакалов кровью и плотью Израиля!

— Тогда война? — быстро спросил пророк, и глаза его сверкнули.

— Война ли? — смутно отозвался Йешуа. — Ведь хлеб сильнее железа. Если не кормить воинов, железо выпадет из их рук.

— И ты заставишь сильных мира лютовать неслыханно, и темницы переполнятся праведниками?

— Темницы?

На уродливом лице Йешуа появилась щербатая улыбка. Он радовался, как ребёнок, нашедший халцедон.

— Темницы? — повторил он. — Но сколько верных обитает во Израиле? Пять раз по сто тысяч! На всех не хватит темниц.

— Не хватит темниц? — переспросил пророк, не понимая самого поворота мысли.

— Истинно так! Такой большой темницы нет ни в Египте, ни в Элладе, ни на Семи Холмах Зверя! Нельзя всех посадить в темницу, весь народ.

— Ты забыл, несчастный, как Навуходоносор пахал Сион! Ты забыл падение Храма Соломонова и плач наш на реках вавилонских!

— Угнать нас в плен? Но за что? Мы не станем подымать оружия, доколе не придёт последняя крайность.

— Ты был совсем юн, когда Зверь о семи головах сослал четыре тысячи вольноотпущенников, сынов Израиля, на дикий остров, чтобы они били сардов, а сарды били их! И сослал только за верность Закону!

— А может быть, не стоит бить сардов? — спросил Йешуа, как бы размышляя вслух. — Может, учить их нашему Закону и милосердию?

— Ты собираешься обращать язычников? — вскричал Иоханан.

— Но ты ждёшь чуда от Парфии, а она ли не язычница?

Иоханан в безмолвной ярости смотрел на назорея.

— Хлеб сильнее железа, и малое возвысится. Только в единении сила, потому да исполнится народ братского духа и веры ессеев. Я приму не только канаим, но и самих перушим (фарисеев), если они признают истину и раскаются.

— Как? И этих ехидн?-с отвращением вскричал Иоханан.

— Да, их тоже, если они раздадут имение бедным и отрекутся от зла и гордыни.

— Нет, я не хочу тебя слушать!

— И всё же ты слушаешь меня, — прошептал Йешуа.

Пророк хотел отвести от него свой взор, но не смог.

— Наше братство пока сохраняет тайну, — продолжал Йешуа, — Но мы уже не уходим из мира. Все верные любезны Богу, нет цены знатному роду и нет чести тугой мошне, ибо легче продеть корабельный канат сквозь игольные уши, чем богатому войти в Царство Небесное.

— И много ли вас? — спросил Иоханан, невольно покорённый словами гостя.

— Нет, пока немного, но мы соль земли. Тебе ли не знать силы малого?

— Ты прав, гость мой! — сказал Иоханан, в замешательстве запуская пальцы в свою дремучую бороду. — Волею Господа малое возрастет, а высокое умалится.

— Воистину так! Видишь, мы думаем сходно. Люди Божией воли почтили меня, но нет во мне их благой тишины. Не мир я принёс, но меч. Только время ещё не настало, потому я ищу с тобою согласия и порицаю нетерпение.

— Когда же настанет твоё время?

— Когда я соединю пустыню и Шефелу, Ермон и Фавор, всю землю народа Божия от Дана до Вирсавии. Что нам Город Могил? Пойдём на Иерусалим! Изгоним из Храма продажных жрецов, которые едят из рук эпитропа Понтия.

Он намеренно назвал префекта Иудеи греческим титулом эпитроп (наместник).

— Царство Волчицы сокрушится с Востока, — упрямо повторил Иоханан.

— Царство Волчицы сокрушится изнутри, — спокойно ответил Йешуа. — Дом Блуда стоит на лжи. Сыны Волчицы грабят все народы, оскверняют все храмы и опустошают все житницы. Они отнимают то, чего не сеяли, чтобы тешиться играми гладиаторов и умащать миррою вымена своих блудниц. Вспомни мятежи в Египте и Нумидии! Вспомни тех лесных варваров, которые вырезали три легиона и послали Августу голову проклятого Вара! Как скоро Бог Израиля покарал его за нашу кровь! Горе Вавилону семиверхому, злая смерть написана на челе его!

— Истинно! — прошептал укрощённый пророк.

— Но пусть смерть подойдёт к нему неслышными шагами. Иоханан, избегай короткого гнева и бесполезных браней. Береги праведную кровь, глашатай Мессии!

Иоханан стиснул руками свою косматую голову:

— Мысли мои мешаются. Не знаю, что сказать тебе.

Он поглядел в глаза гостю. Чёрная точка мелькнула перед взором пророка, словно дикая пчёлка. На миг ему почудилось, будто стенки шатра и слабеющий огонёк лампы поплыли по кругу.

— Я околдован.

Йешуа ничего не ответил.

— Послушай, — неожиданно спросил пророк, — правда, ли что ты изгоняешь бесов и даже воскрешаешь умерших.

На лицо Йешуа набежало облачко скуки.

— Исцелять бесноватых труднее всего, — неохотно ответил он. — А воскрешение мёртвых... Раньше, говорят, это бывало. Я же думаю: если Бог призвал человека, кто в силах отнять его у Бога? Нет, дело не в этом.

— А в чём же?

— Если ты выловишь утопленника с водяной травой в волосах и уже без дыхания, ты скажешь: «Он мёртв». Но можно повернуть его лицом вниз, приподнять ему ноги, надавить на живот, и тогда он извергнет воду из уст и ноздрей, чихнёт, и откроет глаза, и станет дышать. Что это будет, по-твоему?

— Вторая жизнь!

— Пожалуй... после неполной смерти. Тут жизнь и смерть качаются на весах судьбы, да вмешается братская рука. Мне случалось видеть, как мнимую смерть люди принимали за полную, и оплакивали, и готовили плащаницу, я же замечал, что весы колеблются.

— И ты вмешивался — дрогнув, спросил Иоханан.

— Да, я вмешивался. Ведь если мне дано заметить на челе мнимоумершего чаяние второй жизни, значит Бог избрал меня в помощники. И тогда я исполняю угаданную волю Господню. Знание моё от Бога.

— Но где ты научился ему?

— По большей части у нас в Галилее. На галилейских пахарей и пастухов смотрят в Иерусалиме, как на неразумных тварей. А ведь галилейские старики многое знают. Рыболовы нашего моря не только умеют плавать, но и спасать тонущих.

— Но ты давал вторую жизнь не только утопленникам?

— Бывает подобное и от других причин. Об этом я знаю от людей божией воли, с которыми беседовал в Енгадди, и от иных врачевателей. Искусные в этом деле ходят по всей земле и меняются знаниями: в этом нет греха, ибо Бог желает пасти всякую тварь.

— А язычников?

— Он ждёт, у него *много времени*. Вспомни, как Иона прорицал гибель Ниневии, а Господь медлил с этой карой. Богу было жаль даже Ниневии. Язычники могут раскаяться? Не дочь ли Фараона спасла Моисея?

Они долго молчали; наконец, длинные пальцы Назорея прикоснулись к могучей руке пророка:

— Наступает век соединения. Согласимся ли мы с тобою? Соберём ли всех верных на одной дороге?

Дашь ли ты мне своё благословение?

— Я не должен крестить тебя! — в последнем приступе сопротивления сказал Иоханан. — Ты обманываешь меня. Ты познал колдовство.

— Ты знаешь, что это не так, — грустно ответил Йешуа. — Ты сам не веришь тому, что сказал. Ты слышал от меня истину. Решай же!

Огонёк безумия блеснул в глазах Иоханана.

— Разве ты не знаешь заранее моего ответа?

Йешуа не слишком удивился.

Долгим и невероятно тяжёлым взглядом этот горький урод проник в душу пророка и, осторожно подбирая слова, ответил:

— Да, я знаю, как ты ответишь. Я знал это, ещё не выйдя из Енгадди. Но ты должен сам произнести ответ, ибо такова воля Господа, и моё предзнание не избавляет тебя от бремени решения.

Голова Иоханана упала на грудь. Настала громоподобная пауза. Казалось, что на мгновение остановился ток Иордана и замер песок пустыни, перестав пересыпаться.

— Народ слушает меня, — обессилено сказал Иоханан.

— Сегодня ты Илия.

— Народ слушает меня. Я многое могу. Что можешь ты?

— Всё, — шепнул Йешуа, сын Иосифа.

Иоханан поднял голову и одними губами выразил согласие.

— Что ты говоришь, пророк?

— Я говорю тебе: да.

Масло выгорело, лампа угасла. В темноте галилейский пророк и странствующий врачеватель продолжали обсуждать и согласовывать проект революции.

Тактике зажигательных проповедей и локальных мятежей Йешуа противопоставил тактику глубинного проникновения и великого отказа. Он настаивал на проповеди среди всех сословий, на привлечении фарисеев, на поисках праведных душ даже в стенах осквернённого Храма. Не кормить более гиен и шакалов кровью и плотью Израиля, беречь праведную кровь, остерегаться зла и *дейтельно выжидать*.

Незадолго до рассвета они выработали свой исторический компромисс. Иоханан санкционировал секретные переговоры с фарисеями в целях создания патриотического блока и принял посредничество Йешуа Назорея.

Для отдыха оставалось не более двух часов. Они вышли из шатра вдохнуть воздух ночи.

Стражи пророка и ученики Йешуа спали, прижавшись друг к другу. Только араб дремал сидя, держа на коленях свой дротик.

Услышав дыхание и шаги двух бодрствующих, араб откинул с лица покрывало, осторожно протёр глаза и присмотрелся. Двое стояли близко друг к другу.

Высокий силуэт пророка склонял свою голову к Другому, ловя каждое слово.

Арабу сделалось не по себе.

Но всё было так мирно и благостно. Лагерь спал. Где-то далеко от него кричали шакалы. Араб снова впал в дрему.

— Кстати, Йешуа Назорей, скажи, откуда ты родом?

Гость обратил к пророку свои тяжёлые глаза. Он казался смущённым, ему не хотелось отвечать. Но, будучи человеком правдивым, он всё же ответил, очень негромко, вскользь:

— Я родился в Вифлееме Давидовом.

Иоханан задрожал.

Бет-Лехем, город царя Давида!

Бет-Лехем по-еврейски означало «Дом Хлеба». Давно было известно, что Мессия придёт от семени Давидова. И было ещё великое предсказание пророка Михея: Мессия должен родиться в Бет-Лехеме Давидовом.

— Неужели это Ты? — без голоса закричал Иоханан, и кровь забушевала в его висках.

Йешуа понял этот свистящий шёпот. Он поднял голову, повёл взглядом по крупным звёздам пустыни, слабо улыбнулся и начал отвечать, но Иоханан ничего не услышал, потому что от внезапного потрясения на несколько минут лишился слуха.

Глава III. Иордан.

Солнце отряхнулось от песков Аравии, окрасило в лазоревые тона суровые хребты Иудеи и Переи, посетило лагерь и воссияло над водами священной реки Иордан.

Народ в лагере постоянно обновлялся, люди приходили и уходили, всё далее разнося молву о человеке, который живёт в иудейской пустыне и своею проповедью напоминает пророка Исайю, а своею жизнью — Илию; иные оставались возле него подолгу, другие, от-

кочёвывая со стадами, всё же боялись пропустить явление Мессии, и потому держались в пределах дневного перехода от Иордана.

В лагере было много оружия. Иоханана тайно упрашивали объявить священную войну против детей Ирода и римлян. Пророк выжидал.

Ждал ли он знамения Божия или какого-то крупного политического события? Впрочем, последнее в накалённой атмосфере страстного ожидания Мессии неизбежно сыграло бы роль знамения свыше. Скорее всего Иоханан ждал смерти Кесаря, чтобы броситься на Тибериаду. Смерть Кесаря могла повлечь за собою вспышки в провинциях, волнения легионов, вторжение парфян. Иоханан, в духе еврейской традиции, ориентировался на Восток.

Солнце взошло, и лагерь ожил. Утренняя дойка верблюдиц, блеяние овец, лай собак, составили обычную симфонию восточного оазиса. Лагерь отличался чрезвычайной пестротой. Кроме главных поклонников пророка, галилеян (северных евреев), здесь были идумеи со своими овечьими стадами, беглые наёмники Ирода Антипы, целые семьи чистокровных иудеев и даже иерусалимские левиты (священнослужители из колена Левиина); было много канаан (зелотов) и даже попадались раскаявшиеся разбойники. Несколько племён арабов со своими верблюдами и овцами разбили здесь свои шатры: язычники пустыни уже искали своего Бога, и в лице Иоханана, которого они называли Яхья, им открылся истинный пророк Аллаха (Аллах — то же самое, что еврейский Элох, Бог). Может быть, среди алчущих великого слова были и самаритяне, презираемая часть еврейского народа (ибо Самария не считала Храм подлинным местом пребывания Бога), но в таком случае они скрывали своё имя. Иудеи ненавидели их сильнее, чем язычников.

Вся эта пёстрая масса торопливо завтракала; затем мужчины начали собираться в группы.

И вот Иоханан вышел из своего чёрного шатра. Солнце поднялось уже довольно высоко. Пророка окружила ревнивая толпа ближайших последователей. Среди них узнавали галилеянина Иоханана, сына Зеведея, рыбака с Геннисаретского озера; медноволосого варвара, который был прежде одним из телохранителей Ирода Антипы; иудея Натана из Хеброна, сына священнического рода; араба Хасана со своим неразлучным дротиком. В окружении пророка были замечены и новые лица — маленький и очень безобразный назорей, а с ним поджарый зелот с гордой осанкой и красивый мальчик, ученик назорея.

Когда Иоханан явился, разразилась буря приветствий:

— Смотрите, смотрите, вот идёт пророк!

— Радуйся, Иоханан!

— Яхья эль Наби! Яхья эль Наби!

— Иоханан, возвести нам о Мессии!

Закалённый солнцем пустыни, этот Голиаф с лицом ясновидца поражал своей красотой: страшная мудрость и безмерная горечь соединялись в этом лице, красноватом, словно гранит Синая. Осанка его выдавала и врождённую гордость, и привычку к любым обстоятельствам — золотым палатам, пещерам, шалашам, безразлично. . .

Предвидел ли он свою судьбу? Видел ли душевными очами, как его львиную голову подымет на золотом блюде тонкая идумеянка, ликуя и смеясь всеми своими жемчужными зубами?

Нет, вряд ли. Конечно, он понимал, на что идёт. Он выбрал великую судьбу, а для иудея это означало неминуемую гибель от меча, копья или слоновой пяты; или он будет заживо сожжён, или удушен, или распят, или умерщвлён ещё каким-нибудь из тысячи способов, какие измыслило людское хитроумие, вечно бегущее от однообразия. Иоханан понимал, что история повторяется и что великая судьба всегда печальна. Но он же сознавал, что история непредсказуема и что будущее — поле нашей свободы. Не мог он предвидеть и своей гибели.

И вот Предтеча Мессии, «Лев, вопиющий в пустыне», занял своё место перед деревянным престолом, под сенью грубого навеса, покрытого ветвями и козьими шкурами. Около трёх тысяч человек полуколыцом окружали его, медленно смиряя своё волнение.

Цари земли показались бы в сравнении с Иохананом ничтожными зазывалами. В нём не было ни бравурного полёта Александра Великого, ни холодной помпы кесарей, ни иератической важности персидских царей. Он стоял перед народом прямой, как пламя в безветренный день. Глядя на него, всякий мог почувствовать, какое это мучительное счастье — гореть.

И раздался голос пламени:

— Покайтесь! Приготовьте пути Господу, прямыми сделайте стези Ему! Вот идёт за мною Тот, который впереди меня, ибо Он был прежде меня!

Религиозное мышление евреев было склонно к парадоксам; они даже в величайших национальных бедствиях усматривали свидетельство исключительного внимания Бога к избранному народу и черпали силу в катастрофах. Иоханан был типичным представителем такой парадоксальной ментальности, и в его самоунижении таилась гордыня. Он напомнил бы греку Диогена Киника, гордость которого сквозила сквозь дыры его плаща. В своей проповеди Иоханан сравнивал себя с рабом:

— За мною грядёт Тот, кому я не достоин отрепить ремень от обуви Его!

Он сыпал угрозами, как молниями. Он обличал мытарей за вымогательства, воинов за их насилия и нечестие, богатых и знатных за лицемерие и жестокость к беднякам. Лицемерам он грозил карой, а жестоковыйным — полным истреблением. Называя саддукеев и фарисеев змеями и ехиднами, он предвещал им гибель в выражениях, понятным земледельцам:

— Уже и секира при корне дерев лежит! И лопата уже в руке Его, и Он очистит гумно своё, и соберёт чистое зерно в житницу, а солому сожжёт огнём неугасимым!

Он прямо намекал на греховную чету властителей Тибериады:

— Иезавель будет сама молотить зерно в ступе, Ахав же просить милостыню на распутьях чужеземных дорог!

Он вещал внезапное и скорое пришествие обетованного Мессии:

— Грядёт вершитель правосудия, истинный царь Израиля! Он поднимет меч Маккавеев, прогонит язычников и покарает всех виновных в нечестии!

Таким образом, этот ученик ессеев представлял Мессию в образе воителя, как думали и «канаим» (зелоты). Мессия вступит в Иерусалим, восстановит Царство в мире и справедливость и вознесёт Израиль превыше всех народов земли. И далее Иоханан, вспоминая пророчество Исайи, разворачивал перед заворожённой толпой иудейскую утопию:

— И почиет на нём дух Господень, дух премудрости и разума, дух света и крепости, дух ведения и благочестия. Он будет судить бедных по правде и дела страдальцев земли решать по истине!..

Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, барс лежать вместе с козлёнком, и малое дитя будет водить могучего льва.

— *«Не будут делать зла и вреда на всей святой горе моей!»*

Но мечта Исайи о счастье «грядущего времени» — только светлая передышка. Снова голос Иоханана подобен львиному рыку: покаяние и приготовление к встрече, отвержение греха и обетование прощения кающимся, пламя пожирающее для нечестивцев и свет утешающий для чистых и непорочных, ибо им уготовано Царство Небесное.

Затаив дыхание, народ прислушивался к тяжёлой поступи Мессии. Скорее подготовимся к его пришествию раскаянием и очищением сердца! Проторим для него пути и спрямим ему!

Малка Машиах, Царь-Помазанник: в переводе на койнэ эти слова звучали «Басилевс Христос».

Великая надежда евреев, но и великий страх: ведь он будет отбирать достойных для Царства. Каков он, *Машиах* (Мессия)? «И достоин ли я?» — задавался вопросом каждый.

И жутко гремело для слабых сердец заключительное слово Иоханана:

— *«Я крещу вас водою, а Он будет крестить вас огнём!»*

Увы, этому суждено было сбыться, но совсем не так, как предполагал человеческий разум Предтечи. Ибо у пророков ведь тоже обыкновенный человеческий разум: и житейски, и политически царь Соломон был гораздо умнее Илии Фесвитянина или Иоханана Крестителя. Пророки нужны нам не ради их разума. Их сила — внелогическое мышление в масштабах целых наций; из совокупного мышления народов и рождается пророческий дар, то есть всемирноисторическая интуиция.

Когда Иоханан закончил свою проповедь, толпа разошлась, повторяя сказанное им. Ближайшие его ученики, очень похожие на ессеев своим печальным обликом, худобой от частых постов и простотой одежды, подали пророку чашу свежей воды и чистый плат. Он утёр пот с лица, выпил воду и ушёл в свой шатёр.

Но отдых его был недолог. В лагере поднялось волнение; кое-кто схватился за оружие. Пророк вышел вновь, потревоженный шумом.

Оказалось, что к нему прибыли посланцы из Иерусалима. Вскоре, окружённые угрюмыми стражами становища, показались богато одетые люди, приехавшие верхом на мулах.

Они озирались на толпу со страхом и омерзением. Близ шатра Иоханана они спешили, и один из них, гордый иудей в одежде полугреческого покроя, выступил вперёд:

— Мир тебе, Иоханан!

— И вам мир, мужи иерусалимские!

— Мы посланы к тебе *санэдрином*. Отпусти народ, дабы мы могли говорить с тобой.

В арамейском языке «санэдрин» было искажением греческого слова «синедрион» (собрание): так назывался высший совет иерусалимской иерократии.

— Не в обычае Израиля отгонять соплеменников от порога беседы, — ответил Иоханан к восторгу толпы. — Дети мои! Принесите воды этим людям! Войлока для сидения, четыре шеста и навес!

Требуемое явилось, как по волшебству. Пока пришельцы утоляли жажду, десятки рук воткнули в песок шесты, натянули на них навес, постелили в тени его войлок и даже покрыли дырявыми коврами. На нём Иоханан усадил посланцев и сел с ними, но у самого края, приказав напоследок напоить и накормить мулов. Воцарилась тишина.

Посланцы, оглядываясь на густую толпу, обступившую это место, колебались и медлили. Наконец, после небольшого разговора между собой, они все обратились к одному из них; он кивнул головой и встал на ноги.

Высокий и изящный, он казался лет сорока; в бороде его серебрилась первая седина, светлое лицо изобличало острый ум и привычку к общему уважению. На лбу его виднелся миниатюрный *тефиллин*, укреплённый на голубой ленте; этот кожаный ящичек с выписанными из Писания изречениями на листочке лучшего пергамента, служил и амулетом, и признаком набожности. У его спутников тефиллины были крупнее и бросали тень на поллица; только первый, в полугреческой одежде, не носил тефиллина. Фарисеи считали всех, кто не носит тефиллина, презренными невежами, людьми земли. Но их гордый спутник был не «ам га-арец» (человек земли), а богатый эллинизированный еврей. Он просто не хотел подчёркивать своей веры и национальности.

— Я *Гамалиил* бар Симон, — сказал оратор посольства, — я учу людей Закону.

Почтительный шёпот пролетел по толпе: говорящий был не простым раввином, а внуком великого Гиллеля. Как законоучитель, Гамалиил отличался вольномыслием и изысканностью. Но Иоханан ничем не ответил носителю громкого имени, лишь на миг смежил веки в знак того, что слушает.

— Святой санэдрин послал нас узнать у тебя нечто, Иоханан.

— Спрашивай, — ответил Иоханан.

— Смятение восстало на стогнах, и шумы слышны на торжищах. Соблазнились о тебе многие, о купающий в Иордане! Одни говорят: «Вот уже пришёл Мессия», иные: «Воскрес Иеремя, великий пророк!» — а третьи: «Илия вернулся на землю». И вот не чтят Храма и священства, кощунствуют и согрешают, а рабы становятся строитивы, и должники угрожают заимодавцам. Потому санэдрину уместно узнать, откуда пошло такое смятение. Итак, поведай нам: *кто ты?*

— Я зовусь Иоханан, сын Захарии, священника, дом его был у Хеброна, а ныне мой дом — пустыня, и двенадцать колен Израиля — родство.

— Санэдрину ведомо твоё родство и семейство, — спокойно возразил Гамалиил. — Ответь нам о именах, которые даёт тебе молва.

Иоханан встал, усмехаясь горько и презрительно.

— Я не Мессия, не Илия и не пророк.

Последнее означало, что он не принадлежит к сонму великих пророков древности, воскресения и прихода которых евреи ждали перед явлением Мессии.

Услыша эти слова, толпа испустила дружный вздох разочарования. Суеверный и мечтательный народ видел в Иоханане существо не то чтобы сверхъестественное, но во всяком случае лично общавшееся с ангелами и пророками.

Зато посланцы санэдрина начали перешёптываться с видом успокоения или облегчения. Они уже достигли своей главной цели.

Но Иоханан поднял руку, и всё стихло.

— Я недостоин и мал! — громовым голосом пожаловался он. — Я слаб и убог. Но за мною идёт Судья неумытый и Царь правосудный. Он очистит ниву Израиля от сорной травы и соберёт чистую пшеницу. Невелико будет число тех, которые встанут вокруг престола Его! Покайтесь, пока не поздно!

— Иоханан! — твёрдо и спокойно перебил Гамалиил. — Когда Он придёт?

Толпа затаила дыхание. Ответ заставил себя ждать.

— Одна ночь осталась до утра, — задумчиво и неспешно зарокотал голос Льва Пустыни. — Одна светлая ночь полной луны. Но кто измерит путь Его и кто исчислит шаги Его? Может быть, час уже настал. Может быть, Он уже здесь, но ещё не открыл своего лица.

— Где — здесь? — с видом озадаченного ребёнка спросил Гамалиил.

Он был явно сбит с толку. Иоханан посмотрел на него с бесконечным высокомерием. Настал миг его торжества, и он смаковал эти секунды.

— Здесь, среди нас, — буднично пояснил он. — Стоит и слушает эти речи. Кто знает, не говорим ли мы в Его присутствии?

Снова вздох пролетел по толпе — нет, скорее стон испуга. Какой-то юноша в первых рядах толпы без памяти рухнул на песок: впрочем, то мог быть и солнечный удар. Гамалиил в изумлении воздел руки. Другой посланец вскочил на ноги и начал дико озирать лица толпы.

— Одна ночь, только одна ночь, — повторил Иоханан. — И утром Он преобразится на Фаворе, и явится, одетый в сияние. Ждите с Ним Илию и ещё Иного, кто выше Илии. И все узрят Того, кем пренебрегали, в великой силе и во всей славе Его. Одна ночь полной луны. . .

Голос его угас, на глазах как бы показались слёзы, ибо он на миг подумал о себе. Но тут же разъярился на собственное малодушие, выпрямился и натянулся, как струна. Голосом сильнее урагана он посулил посланцам санэдрина:

— И тогда горе вам! Ибо Он воздаст сторицею за слёзы малых и за кровь невинных!

Рёв ярости и восторга раздался кругом. Люди кричали и плакали, как безумные. Посланцы санэдрины, уничтоженные, прижались друг к другу. Иоханан отвернулся от них и пошёл к своему шатру. На пороге он остановился.

— Дайте им есть, если они захотят, — сказал он Натану и Анастасию, — а потом, как только спадёт жара, проводите обратно на пять часов пути. Негоже им оставаться в нашем стане! Да смотрите, чтобы с ними не случилось худого.

И он ушёл к себе, ибо нуждался в отдыхе.

Начальствующие в лагере люди в точности исполнили его приказ.

Солнце начало склоняться к закату, когда пророк снова вышел из шатра, чтобы отправиться в Иордан для обряда крещения. Посланцы санэдрины были уже отосланы, и вечером достигли Иерихона.

И ордан, река длиною в 215 километров, течёт с севера на юг, протекает через Геннисаретское озеро и впадает в Содомское или Мёртвое море, оно же Лотово озеро, бессточное и горько солёное; оно лежит в самой глубокой впадине нашей планеты. Обычная ширина Иордана в среднем течении — тридцать метров, и это единственная крупная река Палестины.

Западный (правый) берег Иордана был плоским, а восточный — крутым и обрывистым; стены этого обрыва покрыты густыми кустами олеандров. Чуть далее к востоку находился стан Пророка.

На плоском западном берегу тощая растительность солончаковой пустыни сменялась у реки зелёной каймой кустарников. Преобладал тамариск (гребенщик), в изобилии покрывающий всё нижнее течение Иордана; это небольшое деревце не боится ни соли, ни засух, по направлению к горам, тамариск мешается с буйным, колючим терновником; на восток, к реке уступает место иве. Берега Иордана окаймлены камышами; изредка в них ещё попадались тогда крокодилы, позднее совершенно истреблённые.

Недалеко от лагеря Иоханана река образовывала небольшой мелководный залив, естественное подобие купели или бассейна: это и было место крещения.

Позднее греки называли этот обряд «*бантисмос*» («погружение в воду»). Издавна омовения лица и рук входили в ритуал разных религий. Правоверным иудеям предписывалось совершать множество различных омовений, обставленных детальными правилами и специальными молитвенными формулами. Но весь этот богато разработанный церемониал превратился в формально-традиционную игру с водой, исполнявшуюся в невозмутимом спокойствии духа.

Ессеи, составлявшие тайную, но непримиримую оппозицию Иерусалимскому Храму, в отличие от древних книг и всех традиций иудаизма потребовали от верных *духовного* очищения как необходимого компонента ритуальных омовений. Этими тайными установлениями Сыны Света (как называлась одна из главных общин ессеев) уже приблизились к таинству крещения.

Но всё же в «баптизме», крещении, есть нечто, совершенно неведомое евреям: обряд совершается под открытым небом, в водах священной реки. В религии далёкой Индии уже в древности считалось необходимым для всех верных очищающее купание в водах святого Ганга. Но там каждый купается сам по себе, молитвенно сложив руки и сосредоточившись в обращении к Богу. Обряд, введённый Иохананом, отличался от всех иных омовений или купаний.

В Писании есть одно пророчество, на которое ссылался Иоханан: «И окроплю вас чистою водой, и вы очиститесь» (Иезекииль XXXVI, 25). Соединив это «окропление» с восточным купанием в священной реке, Иоханан ввёл одноразовый обряд купанья, символически обозначавший очищение человека от всего греховного прошлого, покаяние и вступление в новую религиозную эру. В знак разрыва со старой жизнью многие иудеи, окрещённые Иохананом, даже меняли свои имена. Крещение было переходом из царства необходимости в царство свободы, из века рабства, тьмы и неправосудия в эру Мессии.

Окрещённый Иохананом считал себя готовым к Его пришествию: во всяком случае, подготовленным к этому лучше других. Поэтому народ со всей Иудеи валил к Иоханану бесчисленными, сменяющимися волнами.

Несколько остыв после беседы с посланцами синедриона, Иоханан вошёл в воду Иордана. Свой плащ из верблюжьей шерсти он повесил на иву и остался в простой полосатой сорочке. Солнце, медленно склоняясь к Иудейским горам, озарило его могучую фигуру. Длинной чередой новокрещаемые потянулись к реке; за церемонией наблюдали с берега сотни уже крещённых.

Обнажённые до пояса, новокрещаемые поочерёдно входили в Иордан и склоняли голову перед пророком. Обряд состоял из погружения в купель и благословения. Люди не купались сами, их окунал (что и значит слово «баптисмос»), купал Иоханан, как заботливый отец купает своих детей. При этом он с монотонной торжественностью повторял одну и ту же формулу крещения от имени Сына Божия, то есть Мессии.

Вдруг череда верных удивлённо колыхнулась. Иоханан оглянулся и замер.

Что с ним случилось?

Пророк, подняв голову, смотрел на берег.

И в этот же момент на чистом иудейском небе внезапно появилась одинокая тучка и стала расти, постепенно заслоняя солнце. Это было поистине удивительным, потому что в Палестине всегда только два времени года — сухое и дождливое. Летом дождей не бывает, осень очень тёплая (октябрь не холоднее июня). В конце октября южный ветер приносит «ранние дожди», и начинается иудейская зима, с морозами до двух градусов ниже нуля по Цельсию, иногда со снегом (не каждый год). В ту пору, о которой мы рассказываем, до «раннего дождя» оставалось ещё десять дней. Тем не менее, туча росла. Озадаченные евреи смотрели то на небо, то на Иоханана.

Он же смотрел на берег. В череде крещаемых приближались двое в белых льняных одеждах — праздничных одеяниях братства ессеев, именующих себя «людьми Божией во-

ли», «бедняками», «младенцами», «сынами света». Ессеями называли их другие. За двумя ессеями шёл смуглый полунагой галилеянин с осанкой воина; на шее у него висел огненного цвета волшебный корешок — *баарас*.

Первый из ессеев, небольшой человек с нестриженными волосами, отличался своим печальным, уродливым лицом, худым и малым телом, но в то же время — прямой и спокойной осанкой. С ним резко контрастировала изящная фигура подростка с лицом робким и нежным, как у девушки: он взволнованно цеплялся за руку старшего, словно ища у него успокоения.

Тихий шёпот пролетел по толпе: люди узнали в безобразном есее того странного человека, который говорил с пророком до третьей стражи и о котором ползли по лагерю удивительные слухи.

Туча, гонимая ветром, уже застлала полнеба и в отдалении слышалось ворчание грома, и тень пала на берег Иордана, когда Йешуа Назорей вошёл своею чередой в залив и, как все, погрузился в воду, склонив голову перед пророком. Потом он поднялся по грудь.

Струи священной воды смочили его голову и потекли по спине. Затем Йешуа поднял голову, и пророк вздрогнул.

Опять эти глаза!

На мгновение словно дикая пчёлка замелькала перед взором Иоханана, и всё поплыло по кругу: горы, Иордан, камыши, толпы людей и самое небо. Затем мир в глазах Иоханана вернулся в обычное состояние.

Дрожа и слегка заикаясь от длительного пребывания в воде, Иоханан спросил — и не забыв умирить свой голос:

— *Скажи, не ты ли Мессия?*

Никто не слышал этих слов кроме Йешуа и юного есея Иоханана, шедшего следом за своим учителем. Мальчик побледнел и дико уставился на пророка. А тот уже пожалел о своём вопросе, ибо здесь было неуместно вопрошать о таком.

Йешуа ничем не выразил своего удивления. Как же так, ведь он уже ответил на этот вопрос перед восходом солнца. Неужели пророк не понял его тогда?

Безмолвно склонил Йешуа голову с мокрыми, слипшимися волосами и сложил руки, испрашивая у пророка благословения.

Иоханан торжественно простёр над ним обе руки, благословляя его.

И по совпадению, которое удивительно, но возможно, в этот самый миг прямо над ними блеснула многоветвистая молния, треснул сухой и страшный удар грома.

— Бас-Кол! Бас-Кол! — в суеверном ужасе зашумели евреи. Они побледнели, многие схватились друг за друга, и голоса звучали испуганно.

«Бас-Кол» означало по-еврейски «голос с неба». Голос этот мог быть громом, или долгим откликом естественного эхо, либо другим стихийным звучанием природы. Признаком небесного знамения служило само совпадение звуков стихии с поступками или речами людей.

Когда Иоханан крестил Назорея, сверкнула молния и грянул гром.

Но грозы так и не дождались. Ветер погнал тучу дальше, в сторону Геннисаретского озера. Над местом крещения светлело.

Йешуа вышел из воды в сосредоточенной и строгой думе, не замечая робости и удивления, окруживших его. Он остановился под ивой, поджидая своего племянника и Симона Зелота.

И тут люди снова зашумели вокруг, указывая руками вверх по реке.

— Огонь на воде! Огонь на воде!

Йешуа тоже вытянул шею, рассматривая диво. Посреди Иордана горел огонь, поднималась тонкая струйка дыма.

В этот момент к нему подошёл Симон Зелот.

— Симон, видишь ли ты, что там горит? — спросил Йешуа.

— Сломанное дерево застряло на мели, а молния зажгла его, — через мгновение ответил зоркий Симон.

— А люди думают, что горит сама вода, — сказал Назорею подошедший в этот миг Иоханан, племянник и ученик Йешуа.

Араб Хасан вынырнул из толпы и с низким поклоном приблизился к Назорею. Он смотрел на него огромными глазами.

— *Айса Хаким!* — сказал он, едва шевеля пересохшим языком. — *Молния зажгла воду, когда Яхья Эль Наби окунал тебя. Я сам это видел.*

— Не говори никому об этом! — строго ответил Йешуа.

Измаильтянин приложил руку ко рту, кивнул и снова растворился в толпе. Косые лучи золотого солнца ласково засветились над Иорданом, и небо очистилось полностью.

Глава IV. Опасные тропы.

Ночью в стане пророка явились новые искатели истины, и среди них — двое друзей Йешуа Назорея.

Один из них, молчаливый рыбак Андрей с Геннисаретского озера, был товарищем его детских игр; другой был странник Фома, его часто называли Дидим, по-гречески «близнец», что было точным переводом еврейского имени «Фома». Он неделю назад вернулся из Месопотамии, был чёрен от солнца и ещё не снял одежду странствия. Арабы, попадавшие в лагере Иоханана, заговаривали с ним на его языке, и он отвечал им на всех наречиях Аравии. Неутомимый бродяга, он знал и любил Восток.

Фома мог бы многое пересказать, но сейчас важнее были вести из Галилеи. Андрей застал Йешуа в шатре пророка и поведал обоим, что Иона схвачен в Хоразине и доставлен в Тибериаду; видимо, скоро он предстанет перед Господом. С ним вместе взят Иаков, брат Йешуа. По всей Галилее свирепствуют воины Ирода и сборщики податей. Мария, мать Учителя, зовёт его.

Йешуа попросил Иоханана Пророка отпустить его. Пророк сказал:

— Путь не близок. Не окажешься ли ты в дороге, когда наступит суббота?

— Я выйду тотчас же и буду идти ночами, а в полдень отдыхать. Если Богу будет угодно, мы успеем в Кану до субботы.

— Какой дорогою ты пойдёшь?

— За Иорданом, ибо не хочу вступать на землю самарян.

Дорога по западному берегу Иордана неизбежно пересекала Самарию, отделявшую Иудею от Галилеи. Йешуа, как и все евреи, считал самарян отступниками правой веры.

— Остерегайся дурных людей! — сказал пророк.

— Со мною будут уже не два спутника, а четверо.

— С тобою пойдут пятеро, ибо я отдаю тебе моего соименника Иоханана, сына Зеведея. Человек этот — вернейший из верных, настоящий галилеянин. Да будет он вестником между тобой и мной.

Пророк вызвал Иоханана и велел ему собираться в путь с Йешуа:

— Повинуйся ему, как мне. В мире больше нет подобных ему.

Слуги пророка дали путникам воды, хлеба, маслин и рыбы. Пророк на прощание обнял Назорея и благословил его.

Итак, шесть человек выступили на север. Дорога тянулась вдоль Иордана, то вздымаясь, то ныряя в долины. Это была Перея, край суровый и опасный, но зато населяли её верные иудеи. Рядом с Йешуа шёл и его племянник Иоханан и Андрей Рыбак, за ними Симон Кананит и Иоханан Рыбак, а замыкал группу Фома Странник, которому ещё предстояло прославиться в веках своим скептицизмом.

Они шли почти без остановок пять часов. На закате солнца остановились для молитвы, немного поели и утолили жажду. После двухчасового отдыха пошли далее. Все они, даже юный ессей, привыкли к дальним переходам, всех подгоняла мысль о брате Учителя, заточённом в Тибериаде. Наступила ночь. Дорога шла горами.

В этом краю некогда находилось царство аморреян, уничтоженных Моисеем в его упорном продвижении на Иордан. Ночной мрак, суровый ландшафт долгая ходьба постепенно заставили умолкнуть все разговоры, и шестеро шли молча, погружённые в свои мысли.

Колючие кустарники обступали дорогу.

Вдруг неподалёку раздался крик филина. Известно, что эти птицы любят гнездиться в развалинах, а Перея издревле служила ареной жестоких войн, и в ней было столько же руин исчезнувших городов, сколько и городов обитаемых.

Крику филина близ дороги ответил другой такой же крик — на сей раз впереди путников. Что-то затрещало в кустарниках.

— А ведь это не филины кричат, — заметил Фома.

Никто не ответил. Дорога вилась по горному склону, слева чернел обрыв. Приходилось ступать очень осторожно. Тут филин крикнул в третий раз.

Путники заколебались. Симон Зелот решительно двинулся вперёд. И тут впереди показался тусклый огонёк. Все пошли за Симоном.

Прошли шагов двадцать: огонёк словно висел над дорогой. Сделали ещё несколько шагов, и у всех (кроме одного) вырвался крик ужаса.

Они увидели над дорогой лошадиный череп со светящимися глазами.

В ту эпоху мир был заражён суевериями. Евреи и римляне, вавилоняне и греки, египтяне и скифы одинаково верили в духов.

Наши путники в страхе смотрели на диковинное явление. И тут за спиной их послышались шаги многих людей.

Обернувшись, путники увидели, что следом за ними по дороге поднимается большая группа людей, переговариваясь громкими голосами. Призрачный свет месяца позволил различить их тёмные лица и оружие в их руках.

— Это ловушка, — сказал Йешуа Назорей. — За мной!

Он двинулся вперёд, не оборачиваясь, прямо к страшному черепу.

Подняв свой посох, он ударил по черепу, который слетел на дорогу, обнаружив горящую жердь; на неё-то и был он кем-то насажен, что создавало столь страшный вид. Йешуа ногою столкнул череп в обрыв.

Зоркий Симон Зелот с воинственным криком бросился в кусты, где заметил нечто подозрительное; послышался треск, возня, и через несколько мгновений Симон скатился обратно на дорогу, волоча за волосы человека в лохмотьях. Бросив его на дорогу, Симон выхватил свой короткий кинжал.

— Не смей проливать кровь! — приказал Йешуа.

Симон повиновался, но так ударил своего пленника, что тот завопил от боли. Фома начал собирать камни. Вооружённые люди приближались медленнее.

— Братья, на помощь! — крикнул пленник Симона, человек, поставивший пугало. — Они схватили меня!

Тогда вооружённые люди остановились и начали совещаться. Они посматривали вверх, пытаясь при свете месяца определить число путников. И тут Фома метнул в них камень. Один из разбойников, взмахнув руками, с воплем сорвался вниз.

Правда, он не убился, а застрял в кустах терновника и повис над пропастью. И тут разбойники обратились в бегство.

— Стойте, люди! — закричал им вслед Йешуа. — Не бойтесь, мы вас не обидим! Вернитесь и вытащите своего товарища!

Он повернулся к Фоме, положил ему руку на плечо и сказал:

— Если этот человек умрёт, я расстанусь с тобой.

— Неужто этот злодей тебе дороже, чем я? — обидчиво спросил Фома.

Йешуа близко посмотрел ему в лицо и не ответил.

Трое разбойников с опаской возвратились. Они связали свои пояса и спустили конец товарищу Йешуа и Фома сошли к ним и помогли его вытащить. Разбойник стонал, с трудом карабкаясь вверх.

Наконец, его вытащили, и он без сил опустился наземь.

— Я не могу стоять, я вывихнул ногу.

Одетый лучше других разбойников, он казался их главарём. Йешуа велел своим спутникам крепко держать его и вправил вывихнутый сустав.

— Хвала тебе, искусник! — с облегчением сказал атаман.

— Мы причинили зло, мы его исправили, — ответил Йешуа. — Однако сиди спокойно, твоей ноге нужен отдых.

— Я раскаиваюсь, что напал на вас! — сказал разбойник, лёжа на спине и с удивлением рассматривая Йешуа. — Вас хранит Бог.

— Вы правоверные? — спросил Йешуа.

— Конечно! Мы молимся трижды в день и блюдём субботу.

— Но вы убиваете своих единоверцев?

Атаман обиделся.

— Глуп тот разбойник, который убивает людей! — вскричал он.

— Мы только пугаем и грабим, — добавил другой.

— А почему вы так обносились?

— Поверишь ли, трудно стало разбойничать. Люди запуганы, ходят толпами. Поселяне дают только хлеб. Три дня мы не ели досыта.

— Возьмите половину наших припасов, — предложил Йешуа. — Нам будет легче идти. Слуги пророка дали нам слишком много.

— Вы идёте от Иоханана Пророка? — с недоверием спросил атаман.

— Позавчера он крестил нас в Иордане.

— Скажите, скоро ли придёт Сын Человеческий?

— Может быть, он уже пришёл, — ответил Иоханан, сын Зеведея, — но только не явил своего лица.

Поражённые разбойники уставились друг на друга.

— Надо идти к Иоханану, пока не поздно, — сказал старый разбойник.

— Когда воцарится Мессия, не будем больше грабить. Ведь не родились же мы разбойниками, словно измаильтяне пустыни.

— И много ли вы стяжали грабежом? — спросил Йешуа.

— У меня осталось пять сиклей серебра, — ответил атаман. — Разбойники в палатах Кесарии и Тибериады удачливее нас: они грабят средь бела дня и мерят добычу *киккарами*.

Киккаром назывался восточный талант.

— Ремесло ваше и греховно, и неприбыльно, — сказал Йешуа, с сожалением качая головой. — Ступайте к пророку и покайтесь. А нам пора идти.

— Хотите, мы проведём вас короткими тропами? — спросил атаман.

— Что ж, дай нам провожатых.

— Наум и Толмай! — приказал атаман. — Проводите странников по нашей тропе до границы Переи.

Йешуа оставил трусливым разбойникам половину съестных припасов и ушёл, напутствуемый их благодарностями.

Два провожатых повели наших путников тайной тропой.

Сначала тропа вела круто вверх, и все выбились из сил. Но затем одолели перевал, идти стало легко.

Перед рассветом спугнули стадо диких коз. Далеко в долине видели спящие селения.

В кустах запели птицы, и небо над Аравией начало светлеть.

— Учитель, — сказал Симон, — мы устали. Не пора ли отдохнуть?

— Мы поедem после утренней молитвы, и пойдём снова, и сделаем привал через четыре часа.

Целый час они шли через могучий кедровый лес, наслаждаясь его бодрящим и резким запахом. Перея была богата кедром и дубом.

Когда они вышли из леса, взошло солнце. Остановились лишь для молитвы и завтрака, затем пошли далее.

Впереди над тропой нависала крутая скала. Фома поднял руку.

— Кажется, там кто-то есть, — сказал он.

— Они только что потушили костёр, — ответил Симон Зелот, нюхая воздух.

— Там наши товарищи, — ответил разбойник Наум.

Подойдя к скале, они услышали сверху грозный окрик: внезапно выскочив на край обрыва, три стрелка целились в них из луков.

— Стойте и не шевелитесь! Мы попадаем в зрачок левого глаза!

— В кого вы целитесь, сыны греха? Завопил проводник. — В меня, Наума? Или в этих людей, которые идут от Ревущего в пустыне? Попробуйте только выстрелить, и Бар-Рабба отрежет ваши пустые головы.

При этом имени путники переглянулись. Имя Бар-Раббы гремело от Дамаска до Эдома, о его силе и свирепости рассказывали легенды.

Стрелки, между тем, опустили луки, а рядом с ними появился человек в алом плаще, очень широкий в плечах, и наклонился над обрывом.

— Радуйся, Бар-Рабба! Я Наум, ты узнаёшь меня?

— А, это ты, приятель! Что ты говорил о людях Пророка?

— Это друзья Того, кто купает в Иордане. Они идут к себе в Галилею.

— Друзья Пророка? Подождите, сейчас спущусь!

И он, несмотря на свою толщину, легко пробежал по боковой тропке, делая огромные прыжки и раздирая о терновник свой нарядный плащ. Когда он предстал перед путниками, его широкое и зверское лицо выражало радостное удивление.

— Мир вам, люди пророка! Я зовусь Йешуа Бар-Рабба, разбойник. Подымитесь в мою обитель и будьте моими гостями.

— И тебе мир, Бар-Рабба! Я Йешуа Бар-Иосиф, плотник. Мы разделили бы твой хлеб, но брат мой схвачен в Хоразине с Ионой, и его ждёт смерть. Я хочу подать ему помощь, если он жив, потому грех нам мешкать в пути.

— Святое дело! — покорно сказал атаман. — Не стану вас удерживать. Я даже хотел бы помочь тебе, чтобы исторгнуть твоего брата из темницы, ибо я ненавижу все клетки и узилища.

— Я тоже, — сказал Йешуа. — В этом мы согласны.

— Ведь ты не возьмёшь моих денег?

— Нет, не возьму.

— Мои деньги слишком грязны для тебя, праведный человек?

— *Все деньги — навоз*, — равнодушно ответил Йешуа.

Бар-Рабба с удивлением воззрился на него:

— Как же ты выручишь брата без золота и серебра?

— Господь подскажет.

— Благо тебе, мудрец! Ты хорошо сказал. Я тоже попираю их, ибо у меня их много. Но у тебя...

— У меня их нет, — ответил Йешуа.

— Всё же деньги сильны, очень сильны. Давай испытаем их силу.

— Каким же образом?

— Я пошлю в Город Могил моих *атарим* (лазутчиков) и дам им золота, чтобы ослепить стражу и выкупить Иону вместе с твоим братом. Как зовут твоего брата?

— Иаков, сын Иосифа Плотника.

— Посмотрим, что сильнее: твоя мудрость или моё золото. Эй, Рувим Кривоногий!

— Я здесь, Бар-Рабба! — откликнулся разбойник с лицом проныры и ногами наездника.

— Ты слышал, что здесь было сказано? Пойдём в Город Могил и выкупишь из темницы Иону и Иакова.

— С охотою, Бар-Рабба!

— Если удастся, я щедро тебя награжу.

— Выбери себе двух помощников и оденься в такую одежду, в какую захочешь. Черпай из моей казны обеими руками.

Бар-Рабба снова повернулся к Йешуа Плотнику:

— Да, деньги — это навоз. И люди, которые их любят, тоже навоз. И всё же золотой ключ подходит ко всем замкам. Я спасу твоего брата.

— Что ни делаешь доброго или злого, делаешь это себе, — ответил Йешуа.

Он сдержанно простился с Бар-Раббой, и они ушли, Йешуа и его спутники. Все толковали о знаменитом атамане, но Йешуа молчал, глядя под ноги, и горесть видна была на его лице.

— Учитель, разве ты не одобряешь его поступка? — спросил Симон.

— Симон, он хочет выкупить мою родную кровь добычею убийства и ценою другой крови. Вчера мы видели филина, а это барс. Он убивал много людей. . .

— Но теперь его деньги пойдут на доброе дело. . .

— Какие *его* деньги? — с отчаянием сказал Йешуа. — Пойми же, Симон, это будет всё равно, как если бы для спасения Ионы и брата моего Иакова убили других невинных!

— Понимаю, — растерянно сказал Симон. — Но *тех* ведь он уж давно убил. . .

— Какая разница? — ответил Йешуа. — Вчера или завтра, всё равно, он убивает таких же детей Авраама. За деньги крови он выкупит моя кровь, а завтра убьёт ещё, чтобы возместить расход казны своей. Горе тому, кто кровью выкупает кровью!

И он добавил через несколько шагов:

— Мне будет стыдно, если он спасёт Иакова.

После этого он умолк опять и пошёл ещё быстрее.

Солнце поднялось уже высоко, когда перед ними открылась узкая теснина, по дну которой бежала небольшая речка.

— Это Явок? — спросил Йешуа у Наума.

— Да, мудрец. Здесь кончается земля Галаадская. За Явоком уже земля тетрарха Филиппа, мы туда не пойдём. Но вы легко найдёте дорогу; вон за той горой есть селение.

— А под горой пастухи со стадом, — добавил Симон Зелот. — Я вижу дымок их костра.

— Благодарю вас, Наум и Толмай. Оставьте грабежи и вернитесь в мирные селения.

— Мы бы рады, но боимся за наши прежние дела. Нас могут узнать.

— Всё же мы подумаем.

И с тем они ушли.

Йешуа и его ученики поели и, подстелив свои полосатые плащи, заснули над Явоком в тени олеандров. Мечтательное небо и весело порхающие сизоворонки охраняли их сон.

Это была удивительная и сказочная земля. Немножко далее к востоку находилось то место, где патриарх Иаков, возвращаясь из Месопотамии, перешёл вброд через Явок и где выдержал ночью таинственную борьбу с Богом, оставшись навеки хромым в память об этом. Он называл это место *Пенуэл* — «лицо Бога», сам же был прозван с тех пор *Исроэл* («боровшийся с Богом»). На том месте, где праотец евреев силою вырвал у Господа благословение, несколько веков назад стоял город Пенуэл.

Но жители его, когда великий Гедеон гнал разбойников пустыни — хищных мадианитян, из страха перед этими опасными соседями предали общее дело евреев и пропустили бедуинов без ущерба. И тогда Гедеон истребил город предателей. Теперь в руинах Пенуэла гнездились совы и филины.

Там был край Аравийской пустыни, откуда возникали неожиданные набеги, из которых бедуины возвращались с богатой добычей — или не возвращались.

Теперь граница стояла спокойнее, и силы кочевых племён смирились перед сооружениями кесарей; бедуины предпочитали торговать с евреями, продавая им коней и верблюдов.

Однако недавняя обида эмира Хамета снова посеяла тревогу, и тетрарху Галилеи предстояло поплатиться за оскорбления, которые он нанёс своей первой жене, арабской царице.

Ближе к вечеру Йешуа разбудил учеников. Они перешли через Явок и вступили в тот край, где до завоеваний Моисея жили рефаим (исполины).

Возможно, предания о них были порождены огромными могильниками, дольменами, которые в изобилии находили здесь евреи. Некоторые из камней были базальтовые, а базальт крепче железа: может быть, такую плиту и приняли за железную кровать Ога, царя исполинов, о котором упомянуто в Писании.

Путники оставили справа Маханаим («лагеря») — местность, где царь Давид скрывался от мятежного сына своего Авессалома.

Ночь застала их в горах Голаштиты. Подданные Филиппа, тетрарха итурейского, голаниты были племенем смешанного происхождения, но крепко держались иудейской веры и славились любовью к свободе. Между ними и галилеянами было много общего, а вокруг Галилейского моря они жили как соседи и сородичи.

Путники шли всю ночь и сильно устали. Днём они вошли в бедное селение голанитов и были радушно встречены. Их отвели в маленький постоялый двор, где несколько торговцев не обратили внимания на нищих странников. Недолгий привал восстановил их силы, и они отправились далее.

Жара начала спадать, когда они вступили в Гадаринскую область.

— Учитель у нас кончился хлеб, — сказал Симон. — Осталось несколько маслин. Как быть? Голодные, мы не сможем быстро идти.

— Пойдём в Гадару и купим хлеба.

Впереди показались белые стены Гадары.

Богатый и славный город прежде входил во владения Ирода Великого, но после низложения его сына Архелая был присоединён к провинции Сирия.

Шестеро евреев вошли в цветущую и шумную Гадару.

Весёлый народ, одетый гораздо светлее и легче, чем одеваются евреи, с любопытством разглядывал усталых путников. Женщины с голыми руками, выглядывая из ворот, скалили на них зубы. Всюду сыпалась, как горох, круглая и бойкая эллинская речь. Многие люди разгуливали с непокрытыми головами, что не принято на Востоке.

Суровые пришельцы молча озирались на мраморные колоннады, бани и стройные языческие храмы, за которые Гадару прозвали «сирийскими Афинами». Евреев поражало, что некоторые гадаринцы сидя на скамьях перед дамами и болтая между собой, гладили своих собак. Для евреев и арабов собака была нечистым животным, ибо она находит пропитание на свалках.

Рынок был переполнен. Через Гадару проходил большой торговый путь из Тибериады и Скифополя во внутренние округа Перее и в Дамаск.

Странники с трудом отыскивали еврейскую лавчонку, где скучал одноглазый торговец — еврей смешанной крови. Он заискивал перед ними, ибо признавал греховность своего обита-

ния в городе язычников; к тому же пришельцы, как чистокровные евреи, были выше его. Они наскребли совсем немного денег, но кривой, не выказав досады, дёшево продал им хлеба и рыбы. Эта рыба была уже «своя» — из Геннисаретского озера.

Они простились с кривым гораздо теплее, чем поздоровались.

— Пойдёмте прочь из Эллады, — сказал Симон Зелот. — я хочу скорее вернуться на еврейскую землю.

Когда они уходили из города, кучка уличных мальчишек увязалась за ними, принялась, их дразнить, хрюкать и визжать по-пороссячи. Прохожие покатывались от хохота. Йешуа и его спутники сохраняли невозмутимость и шли не оборачиваясь. Тогда дети стали бросаться в них голышами.

Андрей, хорошо говоривший на койнэ, крикнул озорникам:

— Отвяжитесь, поросята, не то мы пожалуемся большим свиньям!

Дети расхохотались и отстали, но при словах Андрея группа гадаринцев, которая с быстрой жестикующей спорила о чём-то на перекрёстке, разом обернулась, будто всех одновременно ужалили оса.

Молча рассмотрели греки запylённые лица и бедную одежду странников, их полуразвалившуюся обувь. Конечно, гадаринцы знали, что бывают знатные евреи, которым подобает оказывать почтение; бывают богатые евреи, с которыми полезно иметь дело; но сейчас перед ними были евреи низкого сорта, неписменные люди или по-гречески *anedevty*.

Вдруг от группы отделился высокий старый грек в богатой одежде, с уверенной походкой и грозной наружностью. Он бросил несколько слов через плечо остальным и пошёл следом за евреями.

Он шёл один, широкими шагами; прочие греки смотрели ему вслед, оставаясь на месте.

— Уж не хочет ли он нас побить? — спросил юный Иоханан.

— Что ж, мы будем не первые, — с тихим смешком ответил Йешуа.

— Пусть только попробует! — пробормотал Симон Зелот, искоса бросая взгляд на приближающегося грека. Но тут грозный старик догнал их и сказал на искажённом арамейском языке:

— Мир вам, евреи!

— И тебе мир, эллин! — ответил Йешуа.

— Если вы разумные, то вы простите дурно воспитанных детей.

— Разве ты заметил в нас гнев или обиду?

Старик нахмурил брови и помолчал, на ходу сочиняя фразу, потом сказал:

— С позволения прощу, проводить вас до ворот города.

— С нами не будет ничего плохого, — сказал Йешуа, — но мы тебя не гоним, и дорога принадлежит всем идущим.

Старик молча шёл с ними до ворот Гадары. Здесь он остановился и гордо-изящным жестом поднял свою сильную руку:

— Хорошая дорога, евреи!

— Покой твоему дому! — ответили они.

Размышляя о случившемся, они сели под пальмой в одном полёте стрелы от Гадары, утолили голод, попили из ручья и пошли далее.

Взойдя же на одну из высот, они увидели впереди блистающий край родного Галилейского моря.

Собственно, это Геннисаретское озеро, из которого вытекает Иордан. Оно лежит во впадине, окружённое буйной растительностью; длина его 31 километр, а ширина — восемь. В те времена оно было очень богато рыбой. Евреи говорили: «Бог создал семь озёр в земле Ханаанской, но только одно озеро Галилейское избрал для себя самого».

Вид любимого моря умножил силы галилеян; мягкий воздух его освежил их лица. Через час они спустились в Гамалу, где звучала громкая арамейская речь, и дома были еврейские, четвероугольные, с плоскими крышами, и голаниты, так похожи на галилеян, хлопотали под сенью своих померанцевых деревьев и финиковых пальм. Люди деятельно готовились к субботе. Йешуа со спутниками вышел на берег моря.

Но у странников совсем не осталось денег на перевоз, и ученики спросили у Йешуа, что же им делать.

Он подошёл к рыбакам, весело выгружавшим улов, поздравил их и попросил перевезти через озеро:

— Мы прошли долгий путь, нам нужно успеть до субботы в Кану Галилейскую.

— Нет, добрый человек, мы не можем бросить свой промысел, — отвечали рыбаки, — ступайте к перевозчикам.

— Нам нечем платить за перевоз.

— Мы такие же рыбаки, как и вы, — сказал Иоханан, сын Зеведея.

— Мы очень спешим.

— Понимаем, понимаем, — в затруднении бормотали рыбаки.

Народ собирался, сочувственно качал головами. Путникам предложили остаться в Гамале и разделить субботу, но перевезти их никто не брался.

Вдруг все расступились перед красивым молодым человеком с мрачным лицом. Он был одет в рубище, а держался как царевич.

— Мне сказали, что вы идёте от Иоханана, пророка галилейского.

— Да, брат мой, — ответил Йешуа.

— Я вижу среди вас Симона Зелота.

— Да, это я.

— Разве ты не узнаёшь меня?

Симон присмотрелся к молодому человеку и всплеснул руками:

— Господь велик! Это ты. . .

Но красивый бедняк властным жестом заградил его уста.

— Ступайте за мной, странники! — приказал он.

Он привёл их к пристани перевозчиков. Всюду его появление вызывало почтительную робость, но никто не обращался к нему первым и никто не называл его по имени. Люди смотрели на него и молча ждали.

— Перевозчики! — сказал он. — Дайте мне большую лодку с парусом. Я хочу перевезти этих людей через море.

— Возьми какую хочешь, — ответил старший перевозчик.

Молодой галанит выбрал лодку, посадил в неё путников и сам сел за руль. Перевозчики оттолкнули лодку от берега. Рыбаки Иоханан и Андрей поставили парус, и лодка весело заскользила по сверкающей зыби озера, пересекая его в северо-западном направлении.

Измученные путники, кроме Йешуа и Симона, заснули вповалку на дне лодки. Йешуа с наслаждением вдыхал ласковый воздух.

Горизонт отовсюду замыкали горы. Только на юге они расступались, выпуская из озера Иордан. Пеликаны на отмелях ловили рыбу, и тонкая рябь озера медленно золотилась под солнцем.

— Возьми чуть ближе к Городу Могил, — попросил кормчего Йешуа.

Переодетый царевич сильной рукой повернул руль, Симон подтянул парус, и лодка, описывая дугу, приближалась к западному берегу, где почти прямо напротив Гамалы из вод моря вырастала Тибериада, столица Ирода Антипы.

Становились различимы белые стены и фронтоны, а среди них поблёскивало золотое пятно — кровля дворца тетрарха. Лодки кишели перед Тибериадой, виднелись и более крупные судна, а у самой пристани колыхались на якоре две богато украшенных галеры тетрарха. Антипа считался богатым государем и мог себе позволить такую роскошь.

Этот город вырос с удивительной быстротой. Ирод Антипа основал его на третьем году принципата Тиберия в узкой долине у озера, в самой красивой части Галилеи. Это была любимейшая резиденция тетрарха, так как в горах близ Тибериады бил целебный источник. В момент нашего рассказа Тибериада существовала около тринадцати лет.

То был типичный иродианский город — из тех полуязыческих городов с подражательной греческой архитектурой и льстивыми римскими именами, какие Ирод Великий и его преемники строили чуть не по всей земле Израиля. Население Тибериады состояло в основном из язычников или столь ненадёжных евреев, какими были идумеяне. Подлинных евреев было мало, и на то была особая причина.

Город был построен на месте древнего кладбища, а евреи считали все кладбища местожительством демонов. Ни один иудей не мог вступить в Тибериаду, не подвергаясь обрядовому осквернению. Вследствие множества гробов, которые приходилось удалять при закладке фундаментов, всякий живший в городе еврей делался нечистым; поэтому Ироде Антипе пришлось заставлять свой народ жить в Тибериаде или привлекать засельщиков очень важными привилегиями. Евреи боялись и брезговали приходить в Город Могил, хотя Антипа построил в нём не только языческий амфитеатр, но и великолепную синагогу.

Вот почему Йешуа Назорей никогда не бывал в Тибериаде, хотя не раз приближался к ней.

Сейчас он с мрачным любопытством рассматривал её увенчанные башнями крепостные стены, её мощную цитадель и Золотой Дом тетрарха, Бросавший на Геннисаретское озеро зыбкие тени своих мраморных львов и скульптурной колоннады.

— Нравится тебе Город Могил? — спросил с усмешкою кормчий.

Йешуа посмотрел на него и ответил одним греческим словом:

— *Πορνείον* (дом блуда).

Кормчий кивнул.

— Недалёк час, — сказал он, — когда я и мои братья dokonчим дело нашего отца.

— Тогда я понял, кто ты! — тихо сказал Йешуа.

— Об этом нельзя говорить, ибо я скрываюсь. Имя моё запретно.

— Спутники мои спят, и никто нас не услышит. Да будет над тобою благословление Божие, о сын Галилеянина!

— Да, так народ называет моего отца. Но ты ведь знаешь, что он родился в Гамале, и потому его правильнее называть не Галилеянином, а Галанитом.

— Отец твой ревновал о Боге. Ныне мало людей такой веры и такой силы. Но теперь мы будем беречь кровь, о Менахем бар Иуда.

Сын Иуды Галилеянина нахмурился, и они умолкли. То ли обоим вспомнилось, что знаменитый вождь zelотов убивал не только римлян, но и нейтральных евреев; то ли предстали их душевным очам две тысячи человек, убитых римлянами при подавлении галилейского восстания.

Наконец, Йешуа нарушил это затруднённое молчание.

— Здоровы ли твои братья?

— Род наш здравствует, — ответил Менахем, — враги не в силах нас коснуться. Канаим хранит нас.

— Братство духа сильнее уз крови, — пробормотал Симон.

— Воистину так, брат мой! — ответил галанит.

Тибериада уплыла назад. Навстречу стали попадаться галилейские лодки. Йешуа встречал знакомых: они здоровались с ним и звали его к себе разделить субботу. Он благодарил и отказывался, ссылаясь на зов матери.

Кажется, многие знали и Менахема Галанита, но никто не смел обратиться к нему и называть его по имени.

Наконец, показался Капернаум — правильнее Кафар-Нахум (Село Наума). Это был рыбацкий городок со смешанным полуязыческим населением. Йешуа разбудил своих спутников, и они сошли на берег.

Дружески простились с сыном Иуды; он повернул обратно в Гамалу. Несколько гамали-тян, спеша домой, сели в лодку к нему и взялись за вёсла.

От Капернаума до Каны было всего пять миль, и по равнине такое расстояние можно одолеть за два часа. Но здесь дорога всё время шла вверх, ибо Капернаум лежал во впадине Галилейского моря, а Кана стояла в горах.

Этот последний отрезок пути, по кремнистой дороге и постоянно вверх, показался им самым тяжёлым.

Кана Галилейская была уже видна, когда юный ессей Иоханан опустил прямо на дорогу.

— Учитель, прости меня, — прохрипел он. — Ноги больше не идут.

— Симон и Андрей, возьмите его на руки! — приказал Йешуа.

Так прошли ещё немного. Юноша держался за своих носильщиков, слёзы стыда блестели на его глазах. Немного отдышавшись, он попросил отпустить его и снова пошёл сам, оставляя за собой тонкую цепочку крови из разбитых ног.

На закате солнца шестеро путников вошли в Кану, полную запахов праздничной кухни и торопливой, последней беготни и суеты перед обязательной неподвижностью ритуального отдыха. Малочисленные в городе «гоим» (язычники) спокойно наблюдали за этим предсубботним возбуждением: их очередь хлопотать наступала в субботу.

Еврейские сутки исчислялись с наступления ночи. Шестеро пришельцев, поглядывая на небо, из последних сил устремлялись к дому вдовы Марии.

Мария в окружении сыновей, братьев Йешуа, встретила путников на пороге и ввела к себе в дом.

Они успели омыть окровавленные ноги, сменить пропылённую насквозь одежду, и тут на Кану пала ночь, и трубы на крышах возвестили наступление субботы.

Глава V. Город Могил.

Невесёлая выдалась суббота в бедном доме вдовы Марии: сын её был в тюрьме, и ему грозила смерть. Но субботний ужин — это священный обычай. Со старшим сыном пришло пятеро гостей — хвала Господу! Хорошо, что Мария напасла побольше съестного, как и должно благочестивой еврейке: ведь на субботу Бог даёт каждому еврею *вторую душу*, и потому субботствующий должен есть за двоих. Впрочем, гости так устали, что думали больше об отдыхе, чем о еде.

Йешуа не проявлял никаких признаков усталости. В его худом теле таился кладёзь внутренней силы, и он черпал оттуда столько, сколько было нужно.

Дом вдовы не отличался от бедных домов Галилеи: днём он освещался только дверью, и единственная комната служила и спальней, и поварней, и мастерской. Мебель состояла из циновки и нескольких подушек на полу, двух глиняных кувшинов, прялки и крашеного сундука. Каменные стены никогда не знали украшений, ни внешних, ни внутренних.

Семья и гости возлегли вокруг застиранной скатерти, Йешуа прочёл молитву над бо-
чонком вина и разлил его по щербатым кубкам с грубо изображённой виноградной лозой —

эмблемой Израиля. Сам он вина пить не стал. В молчании съели ужин, в котором наилучшими яствами были мёд, молоко и пшеничный хлеб. Несколько тихих голосов похвалили вино и пищу, Симон Кифа учтиво симулировал пресыщение. Возблагодарили Бога и степенно отошли ко сну.

Младшие из братьев, ессей Иоханан и Кифа легли на крыше дома: до первых дождей оставалось лишь несколько дней, но осень стояла тёплая.

Йешуа присел у очага, и к нему пришла его мать.

Плотник Иосиф умер давно, но его пригожая вдова, искусная и бодрая пряжа сама вырастила пятерых сыновей и троих дочерей, заслужив уважение всего городка. Эта маленькая, миловидная женщина была похожа на девушку, ошибкой надевшую платье вдовы, и до конца дней сохраняла нестигаемую силу характера.

Мать любящая, но требовательная, она набросилась на Йешуа с упрёками:

— Господи, за что ты так наказуешь меня? Весь дом проливает слёзы, а старший сын то запирается в норы людей, отрёкшихся от родства, то бродит по горам, собирая травы и слушающая безумные речи изгнанников. Знаешь ли, сын мой, что твой отец, мой добрый Иосиф, не больше трёх раз за всю жизнь покидал родной дом, и то лишь по крайнему несчастию, либо для посещения Храма Господня в самый великий праздник? А ты, мой первенец, ещё до рождения был беспокоен, а теперь живёшь так, словно этот пол жжёт тебе пятки, а кровь отчий гнетёт твою голову! Вечно в дороге, вечно под солнцем, ты приходишь в дом как гость, а не хозяин.

— Разве мы не гости в этом мире? — возразил Йешуа.

Он обращался с матерью нежно и сурово. Большие чёрные глаза Марии удивлённо уставились на него, и он тотчас воспользовался паузой в её укоризнах:

— Скажи мне лучше, когда взяли Иакова и за что?

— Девять дней назад его схватили в Хоразине вместе с Ионой, среди толпы народа. Люди тетрарха убили четырёх человек. А за что? С Ионой всегда было двенадцать ближайших, он их, сказывают, посулил сделать князьями, когда воцарится. Теперь говорят, что мой Иаков был первым из двенадцати и правой рукой Ионы, но я не верю этому, ведь он так прост!

Йешуа усмехнулся. Он знал, что Иаков, несмотря на свою простоту, обладает нравом неукротимым и сильною верой; а это иногда возвышает простецов над мудрейшими.

— Живы ли они? — спросил он.

— Мы ничего не знаем. Никто из братьев твоих не смеет пойти в Город Могил — они не хотят оскверняться. Гоим, приходящие из нечистого города, говорят, что уже готовы распятия. Что нам делать?

— Позови братьев.

Суровый Иосиф, красивый Иуда и расторопный Симон тотчас явились для совета. Суббота препятствовала им делать что-либо. Даже если бы они решились пойти в нечистый

город, расстояние до Тибериады намного превышало ту границу пути, которая ограничивало субботнее передвижение всякого верующего еврея.

— Делать нечего, — сказал Иосиф, — придётся просить о помощи кого-нибудь из *гоим*.

Галилея обладала пёстрым и смешанным населением: кроме евреев, в ней жило много греков, сирийцев и арабов. В Иерусалиме Верхнюю Галилею издавна называли *Галиль Гоим* («Галилея язычников»). На берегах Галилейского моря евреи и язычники жили в тесном соседстве. Всё более множились перекрёстные браки, которые скандализировали строгих хранителей веры, если брак не был связан с обращением язычника в правую веру (случалось и такое). Общий для той эпохи билингвизм влиял на быт, нравы и даже самую манеру мыслить. Еврейские юноши в Иерусалиме и Тибериаде вступали в атеистические состязания с греками на залитых солнцем аренах. Умнейшие из евреев тайком читали Платона и Аристотеля, а иные даже Эпикура!

Дошло до того, что некоторые иерусалимские раввины из саддукеев заговаривали о *допустимости* и даже полезности изучения греческого языка, любили скульптуру и ценили театр.

Кана Галилейская считалась чисто еврейским городом, но и в ней жило несколько языческих семей: они вели себя добродушно и по-соседски. К ним привыкли.

— Сын мой! — сказала Мария. — В прошлом году ты вылечил детей Аполлодора, и он воздал тебе великую благодарность, а денег за лечение ты опять не взял.

— Теперь ты видишь, — насмешливо сказал Йешуа, — что случается нужда в плате безденежной и награде нехлебной. Что ж, братья, попросим Аполлодора?

— Попросим Аполлодора.

— Но до рассвета ещё далеко, — нетерпеливо сказал Ийда, самый красивый и самый младший из братьев, — а время не терпит.

— В субботу не казнят, — ответил Йешуа. — Если брат наш был жив вчера, он будет жив и утром. А гою нет субботы, он может выйти на рассвете.

Светало, когда Иуда сходил за Аполлодором, и грек не заставил себя долго упрашивать. Он уважал вдову Марию и сердечно любил Йешуа Назорея. Поговорив с ним, умный гой всё понял. Он оседлал крепкого мула, и взял с собой молодого, проворного раба.

В субботний полдень они прибыли к воротам Тибериады.

Первое, что они увидели, приближаясь к городу, было высокое распятие — деревянный столб с перекладиной, вроде греческой буквы «тау». На столбе висел распятый; рядом сидели или прогуливались воины охраны. Все проходящие воротами останавливались поглядеть, а иные — посмеяться.

Аполлодор приблизился к распятию. Дощечка с надписями на арамейском и греческом языках, укрепленная над головой казнимого, возвещала, что это крестуется Иона, который называл себя истинным царём Израиля.

Самозванец был распят накануне, но ещё дышал, ибо был не пригвождён, а привязан: это затягивало смерть, делая её мучительнее. Мухи и оводы облепили распятого с головы до ног. С тяжёлым чувством Аполлодор позвал:

— Иона, Иона!

Крестуемый чуть разлепил свои кровавые глаза. Он уже не мог говорить, хотя ещё дышал. Аполлодор вошёл в Тибериаду.

Город Могил жил обычной жизнью. Евреи праздновали субботу, но остальные жители (их было большинство) продолжали торговлю и ремёсла, либо прогуливались, наслаждаясь золотыми денёчками.

Тестя своего Аполлодор отыскал на его товарном складе. Старый Клеобул был *мегалэмпорос* (купец-оптовик). Его караваны ходили в Дамаск и Акку, он имел дело с двором тетрарха и был в курсе всех городских и политических новостей. Обняв зятя, он повёл его в свой богатый и модный дом.

Они пообедали, а потом Клеобул отослал домочадцев и остался наедине с зятем. Тот изложил ему цели своего приезда. Выслушав Аполлодора, старый купец нахмурился:

— Ты напрасно вмешиваешься в дела евреев, зятек! Они этого не любят, а нам их раздражать ни к чему.

— Это мои лучшие соседи, батюшка. Прошлым летом старший сын Марии вылечил от лихорадки моих детей. Он может быть полезен и тебе: он умеет лечить подагру, хирагру и костоломный недуг.

— Помню, помню, ты рассказывал. Ты говорил, что он самый знающий *ботаниат* (травник) во всей Галилее.

— Не только ботаниат: если хоть наполовину верить молве, то он и самый умелый *экзорцист* (бесоиэгнатель).

— Ах, так он и демонов заклинает? То-то мудрец и чародей по их понятиям! А всё же ради спасения родного брата не посмел нарушить этот глупый праздник безделья.

— Разве ты не знаешь евреев, батюшка? Но тут ему препятствует и другая загвоздка: Тибериада построена на месте могил, они зовут её Некрополем, а Йешуа — аскет, посвятивший себя единственному богу евреев. Согласно правилам аскетов, он не может входить в дом смерти.

— Ну что ж, — задумчиво сказал Клеобул, — не хотелось бы вмешиваться в это скользкое дело, да и люди плохие: нищие завистники, мечтавшие разделить чужие богатства. Но ради тебя, Олимпиады и детишек я, так и быть, рискну разузнать — можно ли вызволить этого проходимца. К вечеру я что-нибудь разузнаю. Ступай, прогуляйся по лавкам: сегодня не слишком жарко.

Аполлодор вышел в город. Шуму и суеты он заметил меньше, чем обычно. Тибериадские евреи, и без того считавшие себя осквернёнными, старались держаться всех заповедей и правил, дабы не прибавлять к своему главному греху, проживанию в Городе Могил, ещё и случайных прегрешений. «Не делай никакого дела в субботний день», заповедал Мойсей Боговидец. В «недельный» день грешно было даже ходить по улицам. Евреи сидели в своих домах и вкушали праздничную трапезу: богатого обслуживали его рабы-язычники, зажиточного — специально подряжённый за добрую плату «шаббат-гой» («субботный

язычник»), а бедняк ел вчерашнее. Никто не смел в субботу готовить пищу, носить воду или растапливать свой очаг.

Греки и сирийцы занимались обычными делами. Аполлодор зашёл в цирюльню, велел подстричь по моде волосы и надушить бороду, а затем направился в сторону Рынка. Он уже приметил на перекрёстке толстую, ярко раскрашенную *мавлистрию* (приманщицу) и остановился, соображая, сколько денег он может потратить на это развлечение, но тут красивый паланкин с позолотой, несомый четырьмя каппадокийцами, остановился среди улицы, и женский голос из-за лёгкой занавески паланкина властно назвал грека по имени.

Он робко и почтительно приблизился, дивясь, какая знатная дама может знать его в Тибериаде.

— Ведь ты Аполлодор, торговец из Каны?

— Да, благородная госпожа.

Невидимая дама говорила на койнэ с арамейским акцентом, и он понял, что это какая-то знатная еврейка.

— Как поживает твоя соседка, вдова Мария с детьми?

— У них неладно, госпожа, и того ради я в столице.

— Что случилось? — тревожно спросил голос.

— Госпожа, я боюсь говорить об этом на улицах.

— Тогда ступай за мной! — и она хлопнула в ладоши.

Каппадокийцы снялись с места; Аполлодор широкими шагами пошёл за паланкином, развлечённый неожиданным приключением.

Путь лежал в лучшую часть города, расположенную возле «Золотого Дома» и застроенную особняками знати. Улицы оказались гладко вымощенными, вокруг поднялись коринфские колонны с кудрявыми акантовыми капителями. Из какого-то сада послышался звон кифары, а затем крепкий, хорошо поставленный голос запел «Бой Ахилла с Гектором» — в самой изысканной александрийской манере. Живое воображение Аполлодора тотчас нарисовало ему картину избранного круга ценителей, внимающих бессмертной эпопее. Какие люди здесь живут!

И он ещё более оробел, когда паланкин остановился перед большим домом полуеврейского, полугреческого типа. Привратник бросился к паланкину и помог выйти госпоже, высокой и хорошо одетой женщине лет двадцати семи. Она кивнула Аполлодору, и он вошёл за ней в дом.

В одной из дальних комнат она уселась и отослала своих рабынь.

Сквозь тонкое покрывало Аполлодор видел её чёрные, сросшиеся брови и сверкающие глаза. Губы её были полные и алые, как маков цвета. Но гордая суровость всего её облика налагала узду на тайные волнения Аполлодора, вполне естественные вследствие приглашения в дом и беседы наедине с такой красавицей.

— Ты меня не помнишь, а я тебя знаю, — сказала она. — Я Ревекка, жена Хузы.

— самого Хузы Домоправителя?

— Да, мой муж — домоправитель тетрарха, и мы в доме Хузы.

Тогда Аполлодор вспомнил. Он видел её два года назад в Кане. Единственный сын Хузы в четыре года не умел говорить, еле ходил и чах день ото дня. Лечение грека-*архиатроса* (главного лекаря двора) только вредило ему. В отчаянии Ревекка бросила учёных врачей и обратилась к деревенскому травнику, о котором тогда впервые заговорили в Галилее.

Йешуа согласился помочь, но с одним условием: в Тибериаду он не пойдёт.

Ревекка сняла загородную виллу между Тибериадой и Каной. Йешуа поил её сына козым молоком, водил с собой по горам и купал в горячем источнике. Через месяц мальчик бегал и разговаривал; он почернел, как подпасок, но зато очень окреп. К Йешуа Назорею он так привязался, что чаще жил в Кане, чем на вилле матери.

От всякой платы Йешуа отказался. Хуза, узнав об этом, пожал плечами:

— Иудей любит деньги, галилеянин — честь. Пошли подарок его матери.

И после этого Хуза с чистой совестью забыл об Йешуа, ибо у первого чиновника Тибериадского двора были дела поважнее.

Но Ревекка не забыла и постоянно посылала в Кану Галилейскую дары: хороших тканей на платья Марии и её дочерям, вина, фруктов, свежей рыбы... Йешуа она присылала короткие, почтительные письма, и порой Йешуа, воротясь из своих скитаний, даже читал их.

— Что с ними стряслось, Аполлодор? — в волнении спросила Ревекка.

— Один из сыновей Марии в темнице, госпожа.

— Кто, кто? Говори же!

— Иаков, госпожа.

Тогда он перевела дух и уселась поудобнее.

— Расскажи мне обо всём в подробностях! — велела она.

Аполлодор, получивший весьма недурное для купца воспитание, принялся излагать плавно и приятно, то поднимая свои красивые глаза, то покачивая головой. Он упивался её вниманием, биением её ресниц, дыханием её прекрасной груди, и рассказ его струился, как мелодичный ручеёк. И тут она вдруг откинула покрывало, и он на миг заглянул в её глаза.

Вместо нежного восхищения, которое Аполлодор привык исторгать из женщин своим голосом, он прочёл в этих глазах нечто вроде тайного презрения:

— Что же ты умолк?

— Боюсь, что наскучил тебе, госпожа.

— Нет, — равнодушно сказала она, — ты медоязычен и рассказываешь красно.

Она употребила лестный греческий эпитет: «мелиглоттос», т.е. медоязычный, медоречивый. Но Аполлодор был не глуп и почувствовал её иронию: да, он рассказывает красно о мятежах и крестных муках, но красивый рассказ тут неуместен, *атопичен*; равнодушие рассказчика к предмету речи уличает его в том, что цель рассказа — он сам.

— Продолжай, Аполлодор!

Он кратко закончил рассказ, и еврейка, поднявшись на ноги, в задумчивости приложила руку ко лбу. В этот миг она сделалась так хороша, что у грека сжалось сердце, и он невольно вдруг представил её всю нагую, в позе мраморной львицы из тех, которые возлежат на воротах дворцов. Но тут же по странной ассоциации ему привиделся он сам — со связанными руками и на коленях, под сенью широкого, до блеска заточенного меча.

— Передай Марии, что сын её не умрёт, — сказала Ревекка. — Ради. . .

Он прервала себя и прислушалась: по дому разносились тяжёлые шаги. Аполлодор чутьточку побледнел.

— Где ты остановился? — быстро спросила она. — У купца Клеобула, он. . .

В соседней комнате мужской голос отчитывал слуг. Ревекка указала Аполлодору другой выход:

— Пройдѣшь поварней, — шепнула она. — Скажешься субботним гоем. Потом ждите вестей.

Он поклонился и выскользнул из комнаты за секунду до того, как в неё вступил сам Хуза, домоправитель тетрарха галилейского.

— Госпожа Ревекка? Как же, знаю, — говорил вечером Клеобул, потчuya зятя хиосским вином. — Известна своим умом, одарена всеми музами и ведѣт достойный образ жизни. Такая и в Афинах почиталась бы весьма приличной женщиной, а в Риме и вовсе вывелись теперь честные жѣны. Говорят, Хуза слушается её во всех делах. В её дом я найду дорогу, понесу какой-нибудь редкий товар. Госпожа Ревекка — сильная союзница, и я теперь почти не сомневаюсь, что Сын Плотника будет спасѣн. Однако не слишком ли тебе везѣт на женщин, зятѣк?

Аполлодор только выразительно вздохнул вместо ответа, и умный старик понял этот вздох.

— То-то, зятѣк! Облизнись и скажи, что виноград ещё зелен. Ты сделал своё дело — остальное тебя не касается. Завтра же ступай домой.

Наутро Аполлодор покинул Тибериаду и всю дорогу раздумывал, какие странные чувства волнуют жену Хузы и побуждают её так рисковать.

Он поднялся в Кану и, не заезжая домой, проехал к дому Марии. Спрыгнув с мула и бросив повод рабу, он вошёл в дом, весь в пыли. Мария и сыновья её сбежались к Аполлодору.

— Иона висит на кресте у врат Тибериады. Он умер этою ночью, и сейчас его, наверное, снимают.

— А брат наш Иаков? — в страхе спросили Симон и Иуда.

— Иаков и ещё семь друзей Ионы мелют зерно на царской мельнице.

Мария совершенно нелогично заплакала, вообразив себе Иакова в рабском наморднике, вращающего жернова; в то же время она радовалась, что он жив.

— Раб моего тестя этою ночью видел Иакова, — сказал Аполлодор.

— Как он выглядит? — спросила Мария.

— Он худ, но крепок. Раб успел ему шепнуть, что помощь близка.

Все с надеждой посмотрели на грека.

— Да, это не пустые обещания, — сказал он и приосанился. — Мне удалось кое-что сделать. Госпожа Ревекка велела передать вдове Марии, что сын её Иаков не умрёт. Есть у меня и ещё кое-какие соображения, из них я заключаю, что нужно найти укромное убежище для Иакова.

— У нас есть убежище, — сказал Андрей, ученик Йешуа.

— Благо тебе, Аполлодор, — сказал Йешуа. — Ты помог нам и сделал большое добро, и да будет благословение Божие на тебе и на детях твоих.

Аполлодор взглянул ему в глаза и покраснел. Ему показалось, что этот еврей видит его насквозь.

— Заслуги мои невелики, Йесуа, — сказал он, произнося на греческий лад это трудное имя.

Но все дружно возблагодарили его.

Через двое суток, ночью, загорелось в тибериадской тюрьме. Пожар удалось погасить, но в суматохе трое узников разорвали свои цепи, оглушили надзирателя и бежали.

Эвбул Идумеянин, начальник тибериадской стражи, самолично занялся расследованием.

Он заметил, что звенья цепей, разорванных беглецами, были заранее надпилены. Он приказал блокировать все выходы из города. Но розыск упёрся в тупик, следы оборвались: кто-то помог беглецам, и чуяло сердце Эвбула, что скорее всего их уже нет в Тибериаде.

А люди-то, люди-то нужные, первые друзья Ионы! Лжемессия посулил их сделать князьями после взятия Иерусалима. Одного из них, Иакова, ранее видели в обществе фарисеев, и он подлежал до казни строжайшему допросу.

Эвбул сидел дома и предавался мрачным размышлениям. Он опасался недовольства Ирода Антипы и гнева Иродиады. Вино его не радовало, любимого пса он прибил, а самую балованную наложницу прогнал с глаз долой.

В столь неподходящий момент ему доложили, что некий иерусалимский купец принёс ему редкий товар — драгоценные камни и украшения.

Эвбулу, страстному коллекционеру, захотелось утешиться в служебных неудачах, и он велел привести купца. Тотчас вошёл забавный коротышка с пронырливыми глазками, в пёстрой и сборной одежде.

Когда он, переваливаясь на кривых ножках, с низким поклоном подошёл у Эвбулу, начальник стражи невольно расхохотался: впервые в жизни он видит купца с такой карикатурной внешностью.

— С чем ты пришёл, *лиропод*?

«Лироногий» (т.е. человек с ногами в форме лиры) вытащил из-за пазухи небольшой мешочек, развязал его и осторожно выложил на стол несколько блестящих вещиц. И смех замер на губах Эвбула.

Он склонился над камнями, думая о той простой истине, что нельзя доверять внешности: у подобного плута могут быть под одеждой только блохи, а вот поди ж ты!

Подобных камней Эвбул давно не видел.

Вот камень цвета фиалки — чистый аметист. Вот чудесно-зелёный смарагд: арабы очень ценят его, как талисман от падучей болезни, они называют его «царамут». Вот желтоватый лигирий. Он перебирал их и переворачивал; глядел на свет и заставлял играть. Силился скрыть свои чувства и постепенно сумел успокоиться.

— Антракс... Яшма... Розовый жемчуг... — бормотал он. — А это что?

Это был лечебный амулет, вырезанный из сардоникса с удивительным искусством: рисунок изображал летящего Персея с головой Медузы в одной руке и мечом в другой. Эвбул перевернул камень и прочёл на тыльной стороне греческую надпись: «*Беги, подагра, Персей тебя преследует*».

Он оттопырил нижнюю губу и поднял бровь.

— Пожалуй, это мне стоит купить.

— Благородный Эвбул, сказал купец свирельным голосом. — О тебе далеко идёт молва. Что ты знаешь толк в изысканных вещах. Подскажи мне, вот эта вещица — настоящая она или поддельная?

И купец выложил перед идумеянином гемму, на которой тот сразу узнал профили Марка Антония и Клеопатры Египетской, последней царицы из дома Лагидов.

У Эвбула перехватило дух, и волосатая рука его, привыкшая терзать и резать людей, невольно вздрогнула, с хищной нежностью беря гемму.

Он видел, что работа эта старая, не менее девяноста лет. Выполнение потрясающее, цвета камня очень красивы. Как она попала в эти края? Он вспомнил, что когда-то Клеопатра гостила в Иерусалиме и даже устроила небольшую интригу с отравлением, покушалась на жизнь Ирода Великого; в свою очередь Ирод ставил на обсуждение тайного совета вопрос о её ликвидации. Ему отсоветовали, ибо Антоний, околдованный египтянкой, мог по возвращении из парфянского похода не оценить такой услуги. Об этом Эвбул слышал от самого Ирода Антипы.

Да, это была гемма Клеопатры. Поэтому Эвбул слегка щёлкнул гемму ногтем и ответил презрительно:

— Обман! Хотя и ловкий, но обман.

— Жаль, очень жаль! — сказал Лиропод.

— Александрийские мастера научились подделывать что угодно.

Купец уныло сунул гемму в мешочек.

— А я хотел продать её по сходной цене.

— погоди, — великодушно сказал Эвбул. — Ты всё же оставь её мне на денёк. Я посмотрю её на досуге и сравню со своими египетскими геммами.

Купец заколебался.

— Благородный Эвбул, — шепнул он, — я оставляю её как выкуп за узника.

Он сказал по-гречески: «*антилютрон*», то есть избава, выкуп.

— Ах, вот как! Кто же тебе нужен?

— Иаков, сын Иосифа, плотник из Каны Галилейской.

Эвбул перекосялся и заскрипел зубами. Надо же, как его преследует эта беда! Он схватил купчишку за ворот, и тот сразу съёжился и втянул голову в плечи.

Но тут забавная мысль мелькнула в голове Эвбула, и он не стал бить купчишку.

— Да знаешь ли, кого ты у меня просишь? — загремел он. — Иаков из Каны — *эпифанатий* (смертник), один из опасных мятежников. Мой долг — бросить тебя в темницу, к тому же Иакову, да ещё выпытать, кем ты подослан!

— А что скажут тогда другие купцы? — пискнул Лиропод. — Кто понесёт тебе ониксы и смарагды?

— Ты прав, купец, — признал Эвбул, отпуская его ворот.

— Клянусь бородой, эта гемма стоит сотни таких, как Иаков!

— Если она не фальшивая, — брезгливо пробормотал Эвбул.

Купец снова вынул гемму, и Эвбул против воли залюбовался ею.

— Нет, Эвбул, она *подлинная*! — шепнул Лиропод, искоса наблюдая за начальником стражи. — Я это точно знаю.

Да, он знает. Эвбул готов был просто отдать его своим псам-костоломам, чтобы свернули ему шею и скормили его рыбкам, но в Тибериаде и так беспокойно, опять же купца видели, когда он входил сюда, и вообще под боком у тетрарха неудобно. . . Надо ему заплатить хоть чем-то.

Идумеянин изобразил на лице драматическую борьбу снисхождения с требованиями долга:

— Почему ты просишь за него?

— Это брат моей жены, о благородный Эвбул.

— Ладно! — решился, наконец, начальник стражи. — Давай гемму. Я потихоньку выпущу Иакова из города.

— А если, о славный, ты почему-либо *не сможешь* сделать этого?

Эвбул поднялся с кресла и выпрямился во весь свой огромный рост. Смерив уничтожающим взглядом купца, он воздел свою могучую руку, и слова его прозвучали внушительно:

— Клянусь Богом: ранее, чем ты покинешь Тибериаду, Иаков из Каны *будет уже на свободе!*

Глава VI. В Золотом Доме.

Южный ветер принёс «ранний дождь», и в ноябре начала устанавливаться влажная иудейская зима. В один из первых дней её Ирод Антипа, тетрарх Галилеи и Перее, в своём тибериадском дворце, именуемом «Золотой Дом», принимал ближайших советников.

В небольшом зале, украшенном позолотой, под мраморным бюстом Тиберия Кесаря, тетрарх сидел в кресле из ароматического сандалового дерева, отдалённо напоминавшем

царский трон. Его круглое, jovиальное лицо было мрачно. Вообще-то лицо Антипы могло показаться приятным, если бы его не портила постоянная мимическая гримаса. Веки его глаз казались опухшими. Он был одет в тёмную тогу с фиолетовой каймой.

Перед ним стоял секретарь с записными табличками, а позади тетрарха, в длинной пурпуровой симарре, восседала Иродиада. Тонкое льняное покрывало осеняло её властное лицо. Она всё ещё казалась красивой, а кроме того искусно пользовалась косметикой, как и её легендарная предшественница Иезавель Сидонянка. Глухонемая нубийская рабыня, чёрная, как безлунная ночь, стояла рядом с царицей и равномерно обведала её страусовым опахалом, разгоняя по залу благовоние мирры и нарда.

Разговор тетрарха с его советниками не имел церемониального характера, что делало допустимым участие Иродиады.

Перед ними сидели начальник городской стражи Эвбул Идумеянин, архистратиг Закхей Харикл, домоправитель Хуза, тибериадский архисинагог Мелеагр, сын Исаака, и ещё два-три вельможи. Ирод Антипа затребовал экстренный отчёт о положении государства, ибо до него дошли неприятные известия.

Средь бела дня в Перее был найден труп римлянина. Это было событием чрезвычайным, возмутительным; хотя все знали, что иногда такое случается, хорошим тоном было изображать изумление, ужас и негодование.

— Труп опознан? — спросил тетрарх, борясь с изжогой.

— Да, царь, — пасмурно ответил Закхей Харикл.

Неформально титулование «царём» (*басилевсом*) было весьма распространено на эллинизированном Востоке: разумеется, разговор шёл на греческом языке.

— Это, Максим Анций, декурион, — продолжал архистратиг, — он был направлен высокочтимым префектом Понтием на патрулирование за Иордан. С ним было несколько всадников.

— Где же эти всадники? — спросил тетрарх.

— Видимо, они отстали от декуриона и каким-то образом упустили его из вида. От префекта Понтия уже поступил запрос.

— Как совершилось это злодеяние?

Голос тетрарха звучал вяло, взор его глаз с подпухшими веками бродил по стенам, пока не остановился на статуе Аполлона Савроктона. Ирод её очень любил. Греки, гостившие у него, божились, что эту копию нипочём не отличить от оригинала самого Праксителя.

Закхей Харикл многословно и уныло докладывал о том, что декурион был сначала ранен стрелой из лука, а затем поражён тремя ударами кинжала.

— Кто это сделал?

— Виновные будут непременно найдены, о повелитель!

И в этот момент заговорила Иродиада:

— Виновные *никогда* не будут найдены. Нужно уморить следствие по этому делу.

— Но как отнесутся к этому римляне, о царица? — спросил Закхей Харикл.

— А никак не отнесутся, — небрежно ответила Иродиада. — Зачем им знать об этом? Разве в наших темницах нет свежих разбойников? Вот и прекрасно! Отдайте римлянам трёх или четырёх разбойников в виде убийц декуриона, и пусть наш друг префект Понтий делает с ними всё, что ему заблагорассудится.

— Быть так! — решил тетрарх и кивнул секретарю. — Запиши. И ещё составь от моего имени письмо с соболезнованиями префекту Понтию. Однако мне хотелось бы знать, кто мог сделать это?

— Зелоты, о царь! — ответил архистратиг Закхей. — Это их манера убивать. Видимо, какая-то шайка сикариев из их числа переправилась через Иордан: ведь в нашем краю их больше нет. . .

Показались улыбки недоверия.

— Я полагаю, это шайка Бар-Раббы или Анастасия, — упорно продолжил архистратиг, слегка повышая голос и сердито косясь на других вельмож.

— Кто таковы? — спросил тетрарх.

— Бар-Рабба — это известный разбойник.

— Ах да, я слышал.

— Анастасий — это старый злодей, родственник прегнусного Иуды из Гамалы. Лет двадцать назад он был даже распят, но потом воскрес, как говорят «люди земли»: поэтому он и прозван Анастасием.

— Что за вздор! — проворчал тетрарх, и лицо его приняло нездоровый оттенок.

Он стыдился своего суеверия, но ничего не мог поделать с собой. Всюду ему мерещились призраки мертвецов, на чьих разорённых могилах стояла Тибериада, и хитрые еврейские *шедим* (демоны). Он допускал, что враги пользуются помощью шедим против него. Не потому ли и Вителлий, императорский легат в Сирии, недолгоблизает Антипу? Хорошо ещё, что к тетрарху благоволит сам Тиберий Кесарь.

С тоскою вспомнил тетрарх о двух девочках, негласно приобретённых Хузой Домоправителем и спрятанных в загородной резиденции от ревнивых очей Иродиады. Хуза клялся и руку себе целовал, что у них — глаза газелей и ни одного волоска на теле. Скоро ли удастся оторваться от докучных государственных дел и выехать хотя бы денька на три из столицы? Антипа встряхнул головой.

— Что там болтают насчёт какого-то побега? — спросил он.

— Три каторжника, о повелитель, используя пожар на мельнице, разбили цепи и скрылись, — неохотно доложил Эвбул Идумеянин.

— Это дело рук фарисеев, царь! — вмешался архисинагог Мелеагр.

Друг тетрарха, он был типичным саддукеем, как все ироды и их сторонники; он бывал в Афинах и в Риме, знал греческий язык в совершенстве и даже говорил немного по-латыни.

— Почему ты так думаешь, Мелеагр?

— Потому что бежали люди Ионы, а он был связан с фарисеями.

Тетрарх признал это вполне возможным. Он и сам ненавидел фарисеев, этих заклятых врагов царствующего дома. Так значит, мятеж Ионы ещё не угас полностью. Этот самозванец, недавно распятый за провозглашение себя «сыном Давида», что было равносильно бунту против Идумейской династии, явно опирался на скрытую поддержку влиятельных политических сил.

— И это ещё не всё, о царь! — продолжал Мелеагр. — Труп Ионы был выдан родственникам, они погребли его в своей родовой пещере, а пещеру запечатали. Вчера его тело было выкрадено.

Новость вызвала всеобщее удивление. Мелеагр помолчал, наслаждаясь произведённым эффектом, и вскользь добавил:

— Сегодня в синагоге и на рынке уже говорили, что Иона воскрес.

— Не слишком ли много воскресших? — язвительно заметила Иродиада.

— Брать всех распространителей слуха! — приказал Ирод Антипа, медленно багровея. — Бичевать болтунов! Сечь их скорпионами!

Его тройной загривок налился кровью, и он с трудом отдышался. Эвбул сидел мрачнее тучи и старался не глядеть на Мелеагра.

А далее наступил черёд самых важных и самых грозных известий.

Лжепророк Иоханан из Хеброна, который из безделья или со зловредным умыслом позирует перед чернью в одеянии пророка Илии, резко усилил свою антиправительственную проповедь за Иорданом. В своих речах он дерзко намекает на высочайших особ. При нём не менее трёх тысяч купальщиков; они вооружены, и стан их бдительно охраняется. Лазутчики боятся проникать туда: уже имели место случаи исчезновения верных людей.

— Говорят, о царь, что Иоханан с первого взгляда распознаёт лазутчиков и тотчас предаёт их ярости черни.

— И ещё, — вкрадчиво добавил Мелеагр, — десять дней назад он говорил в своей безумной проповеди о древнем царе Ахаве и его супруге. . .

Всем вдруг сделалось не по себе. Ирод Антипа услышал почти над самым своим ухом частое и чуть хриплое дыхание жены.

— Что именно он сказал? — быстро спросил тетрарх.

— Он предрёк, что Иезавель будет сама молотить зерно в ступе, а муж её Ахав. . . просить подавание на распутьях чужих дорог.

Все окаменели.

Ирод Антипа откинулся на спинку кресла, и в висках его застучала злая идумейская кровь.

— Он смеётся над нами! — не сдержавшись, проскрежетала Иродиада.

Тетрарх молчал, стиснув зубы и глядя прямо перед собой. Что там скрывать: он всегда боялся именно этого. Его старший брат Архелай доживает век в Галлии. . . в ссылке. . . Правда, подавания просить ему не надо, какие-то средства у него остались. Но какая раз-

ница? Он был царём, этнархом, а теперь он *никто* — нищий изгнанник в чужой земле, где реки полгода текут, а полгода стоят, покрытые льдом, словно горы Армении.

— Откуда всё это известно? — спросил тетрарх.

Вместо Мелеагра ответил Эвбул:

— Одному из моих лазутчиков всё же удалось побывать в стане бунтовщиков. Он слушал лжепророка, и купался в Иордане, и получил благословение Иоханана, после чего благополучно вернулся в столицу. Он доставил нам ценные сведения об окружении Иоханана.

— Что за люди эти «купальщики»?

— О царь, это в большинстве своём «люди земли», галилейские поселяне, но есть иудеи и даже несколько испорченных юношей из приличных семей Иерусалима. Ну, а прочее, царь, — это всякое отребье: арабы из пустыни, дезертиры из войск обоих царствующих тетрархов и даже несколько разбойников и сикариев. Там был замечен и Анастасий Зелот.

— Вот как! — сказал Ирод Антипа. — А не был ли в стане Иоханана некий Менахем бар Иуда?

— Об этом соглядатаю не ведомо ничего, о царь.

— А парфянских агентов нет ли в окружении лжепророка? — спросила Иродиада.

— Нет, царица. Впрочем, если бы и были, они не откроют лица своего.

Последний вопрос царицы всех заставил задуматься.

— Да, вспомнил ещё! — воскликнул Эвбул. — Среди «купальщиков» появились три-четыре ессея, в их числе один врачеватель родом из Галилеи.

— Есей? Врачеватель? — с недоумением переспросил тетрарх.

— Да, царь. В сборищах черни болтают, будто некий врачеватель из Галилеи, которого видели рядом с Иохананом, читает судьбы, изгоняет бесов и воскрешает мёртвых.

— Опять воскрешения! — злобно засмеялась Иродиада.

Хуза Домоправитель сделал странный жест, будто хотел взяться руками за голову, но раздумал. Тетрарх посмотрел на него строго и вопросительно.

— Ты имеешь что-то сообщить, Хуза?

— Нет, царь, — ответил Хуза.

Мелеагр, кивая и усмехаясь, поддержал Иродиаду:

— Всё это глупые суеверия нашего простонародья. Когда люди умирают, то обычно это бывает очень надолго. Даже великому Орфею не удалось вывести свою Эвридику из царства Аида.

Почему-то возникла пауза. Мелеагр, как и все саддукеи, не верил в бессмертие души, а в воскресение мёртвых — тем паче. Но Ирод Антипа не был так уверен в этом вопросе. Он не слишком одобрительно посмотрел на своего друга, гладкого эллинизированного еврея со светскими манерами. Всё же архисинагог не должен быть эпикурейцем. . .

— Мелеагр, — спросил он, — а как звали того убитого солдата, который побывал в царстве Аида, а затем вернулся к живым и всё им поведал? Об этом, помнится, написано у Платона.

— Оставь это философам и книжникам, — нетерпеливо вмешалась Иродиада. — Врачеватель — это лишь обычная метафора *тех* людей. У них есть выражение: «врачевать Вавилон», что значит — *исправлять грешников*. Может быть, он совсем и не врачеватель, а какой-то кузнец или башмачник.

Вельможи претворились, что не заметили того злобного презрения, с которым надменная идумеянка говорила о «них», о «тех людях», т.е. по сути дела о всех евреях. С самим же её мнением согласились.

— Терапевтами называют и отшельников Мёртвого моря, — заметил Эвбул.

— Да, ведь ты сказал уже, что это заклинатель бесов — эссей.

— Я думал, что эссеи — люди тихие, — с сомнением сказал тетрарх.

— Да, их братство чем-то похоже на Союз Пифагорейцев, — заявила Иродиада, — и они, по крайней мере, верят в парок.

Слыша эту галиматью, подхваченную Иродиадой от греков, присутствующие чуть заметно покачивали головами. Никто не сказал ни слова; Иродиада поняла, что сморозила глупость.

Она наклонилась к уху мужа и что-то шепнула.

— Благодарю всех, — объявил тетрарх. — Эвбул, останься.

Советники с поклоном удалились. Эвбул, весьма не спокойный, приблизился к царственной чете.

— Эвбул, — сказала Иродиада, — нельзя более терпеть дерзости Иоханана.

— Воистину, повелительница, и у самого снисходительного иссякло бы терпение! Если дозволено мне будет сказать...

— Говори, кивнул тетрарх.

— Пора схватить его

— Тогда поднимется вся Галилея. Год был плохой. Народ ворчит.

— Но, супруг мой, послушай... — начала Иродиада.

— Пока ещё не время! — отрезал тетрарх.

Иродиада знала, что он упрям, и с бешенством подчинилась:

— Ну, хорошо с этим мы подождём. Эвбул, есть у тебя искусные лазутчики?

— У меня их много, царица.

— Нет, я говорю не об этих дураках и трусах, которых ты набираешь на рынках. Им всем красная цена — обол, а нам нужны особые лазутчики, чтобы они были хитрее и искуснее, чем те, которых Моисей посылал в Ханаан высматривать наготу этой земли. Я хочу от тебя точного ответа.

Эвбул призадумался.

— Да, повелительница, — сказал он наконец, — у меня есть один человек, который стоит десяти обычных соглядатаев. Он ловок и увёртлив, как угорь, умеет принимать любое обличье, и во рту его три языка.

— Нам нужно иметь своё око в лагере Иоханана.

— Мой соглядатай был там и принял *баптисмос*. Я уже говорил о нём.

— Очень хорошо. Пусть снова отправится туда, войдёт в доверие к Лжепророку, вызывает его тайны и имена его друзей. В подходящее время мы всё же возьмём Иоханана.

— И ещё, Эвбул, — вмешался тетрарх, — вели соглядатаю вызнать и том терапевте, который якобы воскрешает мёртвых, и сблизиться с ним.

Иродиада взглянула на мужа одобрительно. Тетрарх порозовел и выпрямил плечи.

— Слушаюсь, повелитель! — ответил Эвбул.

— Он любит деньги, твой лазутчик? — спросила Иродиада.

— Он ещё молод и любит удовольствия, а значит и деньги.

— Галилеянин? — спросил тетрарх.

— Иудей, из колена Иссахара.

— Земля колена Иссахара — у меня в Галилее.

— Воистину так, о царь! Но ведь сыны колен Израилевых давно смешались и живут не на тех землях, которые были им предназначены Моисеем.

Ирод Антипа кивнул: это была правда.

— Дай ему денег, Эвбул, — приказал Иродиада, — и посули вдвое больше.

Она подняла подвешенное к поясу серебряное зеркальце и внимательно посмотрела в него, беспокоясь о сохранности грима.

— Как зовут этого лазутчика? — спросила она и провела мизинцем по брови.

— Его зовут Иуда Иссахариот.

Глава VII. Таинственное убежище.

В дождливый вечер, когда небо над Галилеей казалось хмурым и смуглым, четверо путников карабкались по горным склонам недалеко от Геннисаретского озера (Галилейского моря).

Троих из них мы уже знаем: это был Йешуа, сын Иосифа, и два его ученика — Симон Зелот и Андрей Рыбак, давний товарищ Врачевателя. Четвёртым был рослый и сильный мужчина, в самом расцвете лет, с густой чёрной бородой; лицом и голосом он был похож на Йешуа, и так же был некрасив, и так же задумчив. Он заметно хромал и, несмотря на свою внушительную внешность, передвигался с трудом.

— Далеко ли ещё, Андрей? — спросил он хрипло.

— Скоро доберёмся.

— Скорее, а то через полчаса или час наступит такая тьма, что ты не найдёшь дороги.

— Успокойся, Иаков, я найду её с закрытыми глазами.

И они снова полезли вверх, цепляясь за кустарники. Дождь лил не переставая, и все четверо вымокли до нитки.

Наконец, Андрей остановился и указал рукой:

— Это здесь.

— Где? Я ничего не вижу, — возразил Иаков, брат Йешуа.

Андрей ответил:

— Так и должно быть. В двух шагах ничего не видно.

Он нырнул в самую гущу терновника и крикнул оттуда:

— Лезьте за мной!

Зажмуривая глаза и прикрыв лицо руками, остальные тоже продрались через колючие ветки и очутились прямо перед глубоким чёрным лазом, чуть-чуть шире лисьей норы. Рядом лежал замшелый, зеленоватый камень.

— Я не пролезу в такую узкую дыру, — сказал Иаков. — Плечи застрянут.

— Нужно постараться, — ответил Симон. — Дальше ход делается шире.

Йешуа бар Иосиф молча тронул руку брата.

— Лезьте же скорее! — крикнул Андрей, уже спустившийся вниз. — Не то вода натечёт в наш дом!

Голос его глухо прозвучал из-под земли.

Иаков вздохнул и стал протискиваться в лаз ногами вперёд. Йешуа и Симон помогали ему, нажимая на его плечи. Когда из лаза торчала лишь голова Иакова, он жалобно сказал:

— Я, кажется, падаю.

И с этими словами исчез в недрах горы.

За ним спустился Йешуа. Симон шёл последним, он взял зелёный камень и держал его над головой, опускаясь. Камень плотно лёг на устье лаза, и снаружи стало вновь тихо и безлюдно: только шелестел дождь, и струи сбегали по оголённым склонам горы.

Вошедшие в гору протиснулись через узкую горловину лаза и один за другим попадали с высоты четырёх локтей на нечто мягкое: это был Андрей. Он, кряхтя, принимал товарищей и отодвигал их в сторону. Тут царил крошечный мрак, было тихо и довольно сухо.

— Симон, выруби огня, — сказал Йешуа.

Андрей двигался впереди, словно видел в темноте. Симон дождался его возвращения, затем вытащил из-за пазухи кремёнок и кресало, начал бить; Андрей поймал одну из голубых искр на пучок просмолённой соломы. Вспыхнул огонёк, и Андрей бегом понёс его в глубину грота, где у него были, видимо, заготовлены и солома, и сухой хворост.

— Не опасно ли разводить огонь? — спросил Иаков.

— Снаружи ничего не видно, — ответил Симон. — Сто раз проверялось.

Андрей растопил очаг, воздушная струя потянула дым наружу сквозь трещины горной породы, и колеблющийся, скудный свет очага озарил пещеру.

Впрочем, это была не пещера.

В трёх шагах от лаза, которым они сюда проникли, под ногами обнаруживался ровный пол, покрытый древними растрескавшимися плитами. Потолок местами осыпался, кое-где сквозь него проросли корни. На стенах виднелись какие-то тёмные изображения.

— Здесь нет змей? — спросил Иаков.

— Были, — равнодушно ответил Йешуа. — Мы им иногда приносили молока. Но в последний год их что-то не видно, вывелись, я думаю.

Иакова это не слишком успокоило, и он стал подозрительно вглядываться в тёмные углы помещения.

— Да не верти ты головой, словно курица, потерявшая цыплёнка, — сказал ему старший брат. — В это время года все ядовитые твари спят. Разденься, надо просушить одежду. Все разденьтесь, мы все промокли. Андрей, воткни-ка шест в стену. . .

Андрей отыскал в углу шест и воткнул его в трещину стены, так что шест нависал горизонтально над очагом, на высоте около двух с половиной локтей. На него повесили мокрую одежду.

— Сильно били? — спросил Симон, деловито разглядывая шрамы на спине Иакова. — Хребет-то цел?

— Досталось немного, — неохотно ответ Иаков. — Да что мне битьё. . .

— Он повредил ногу, когда их перебросили через городскую стену, — пояснил Йешуа Симону. — Нога ещё будет долго болеть.

— Да если бы не твоё снадобье, брат, я бы сегодня и не дошёл до этого места, — проворчал Иаков со стыдливой благодарностью.

Они помолчали, греясь у очага; четверо серьёзных, задумчивых мужчин, связанных родством, соседством, дружбой, а главное — общию великой надеждой. Им было тепло и покойно, заботы отлегли на завтра, они принесли с собою хлеб, да и в убежище этом были заготовлены кое-какие припасы. В сущности, если не очень придирается к словам, они в это мгновение были счастливы.

В убежище была запасена и чистая вода. Андрей поставил над огнём горшок с водой, начал варить бобы. Симон обдирал вяленую рыбу.

— Что это за место? — спросил Иаков, обводя взглядом странную пещеру.

— Это Дом Рыбы, — ответил Симон, — и во всей Галилее только сорок человек знают это убежище: несколько жителей Каны и рыбаки с берега.

— Почему же оно зовётся Домом Рыбы?

— Сейчас увидишь.

Симон взял сухую ветку, обмотал соломой и зажёл от очага. Потом он встал и с этим самодельным факелом подошёл к стене.

— Какие-то черты и пятна, — сказал Иаков.

— Встань и подойди, — ответил Симон, наклоняя факел к стене.

И стало видно, что на стене, покрытой грязными подтёками, есть большое примитивное изображение рыбы.

— Это тайный знак рыбацкого союза, — сказал Андрей. — Дед мой Аарон знал эту тайну и передал её мне. Но вот уже пятнадцать лет как союз больше не собирается.

— Но почему рыба? И когда сделано это изображение?

— Ты живёшь над морем Галилейским и ещё задаёшь такие вопросы, — усмехнулся Андрей. — Рыба кормит нас, и все мы её дети. А этому изображению не меньше, как трижды семьдесят лет, ибо дед мой увидел его ребёнком, и оно тогда уже было старым.

— Трижды семьдесят?

— Семьдесят лет - век человека: так сказано в Писании.

— Тогда это двести и десять лет. . .

— Я думаю, оно ещё старше, — заметил Симон. — Может быть. . .

Он заколебался.

— Ну, говори же, — подбодрил его Йешуа.

— Может быть, эта рыба начертана ещё до обретения земли обетованной или в то самое время.

Симон не знал, что он приписывает этому святилищу угасшего культа тысячелетнюю древность, но он был недалёк от истины.

Дому Рыбы, конечно, было меньше тысячи лет, но он был создан не евреями.

Дело в том, что после того, как Йешуа Нун (Иисус Навин) захватил землю Ханаанскую, прежние жители её долго ещё жили на этой территории вместе с евреями.

Кровавое и стремительное завоевание, описанное в книгах пророков, и полное, беспощадное истребление ханаанеян на самом деле не имели места : евреи постепенно проникали в эту страну, то побеждая ханаанеян, то терпя неудачи, то обращая их в свою веру, то перенимая на время их богов. У ханаанеян в ту эпоху были уже боевые колесницы, а евреи, эта отклонившаяся к западу ветвь семитских кочевников, ещё не знали даже лошадей и совсем недалеко ушли от родственных им по языку и по крови пастухов Аравийской пустыни. Они тогда и не могли так завоевать Ханаан, как описано в Библии.

Они овладели этой страной путём вековой инфильтрации и долгой, упорной борьбы; ханаанеяне не были уничтожены, а слились с победителями. Не сразу евреи пришли к единобожию; следы иных культов, особенно поклонения быку и змее, сохранились в библейской книге «Исход» и в других книгах, хотя, естественно, передались через десятки поколений жрецов и поэтов в искажённом виде.

На севере страны, вокруг галилейского моря, необычайно богатого рыбой, когда-то процветал культ бога-Рыбы. Сходные боги имелись у соседних народов, например, у жителей Двуречья: был у них когда-то бог, изображавшийся в виде человека с рыбьей головой. В Аскалоне, одном из главных филистимских городов, находился храм богини Держето и рядом пруд с посвящёнными ей рыбами. В те времена, о которых идёт наш рассказ, в славном городе Эдессе, в Северном Двуречье, процветал храм богини-покровительницы рыбаков: в храме том был бассейн, где плавали священные золотые рыбки. Арабы верили, что это были люди, превращённые в рыб.

В тайном культе галилейских рыбаков забылось, что рыба представляла богиню-покровительницу, ибо идея женского божества была чужда резко патриархальной психологии еврейской нации. Потом постепенно пропало и само понятие божества. Рыбаки избегали называть

рыбу божеством и не приносили никаких жертв на древний почерневший алтарь Дома Рыбы, но они несколько раз в году щедро подкармливали рыбу, и без того изобильную в их красивом озере. Они знали, что с ортодоксальной точки зрения в их культе не всё в порядке, а потому тщательно скрывали тайну, передавая её лишь посвящённым.

Религиозное поклонение Рыбе превратилось с веками в обычай, примету и идиому. Для всех местных жителей рыба оставалась едва ли не главным пропитанием (мясо бедняки ели редко), она была подательницей благ, о ней говорили только хорошее. Жители берегов умели плавать, как рыбы; подобно им, никому не делали зла; подобно рыбам, были плодовиты. Ребёнка ласково называли «рыбкой», а себя — «детьми рыбы», давно уже не подозревая, что это название угасшего культа и тайного союза. Обо всём этом последние посвящённые в союз молчали, как рыбы.

— Всё же мне боязно в этой норе, — сказал Иаков, озираясь с отвращением. — Мало того, что я невольно осквернился, когда меня пригнали в Город Могил, так ещё вы меня затащили в языческое капище.

— Пустое, брат Иаков! — ответил ему Андрей. — Посмотри-ка теперь сюда. Посвети ему, Симон!

Симон со своим факелом перешёл к противоположной стене убежища, и на ней стал виден более явственный, недавний рисунок — человек в мохнатом плаще, окружённый отрубленными головами. Несмотря на примитивный характер изображения, любой еврей сразу узнавал в нём Илию Фесвитянина: именно так всегда изображался грозный пророк, истребитель баалитов (жрецов Ваала).

— Узнаёшь, Иаков?

— Да, это Илия. Вижу, здесь побывали и верные Богу. Но прежде-то здесь было... и зачем эта рыба...

Иаков был самым упрямым в своей семье.

— Далась тебе эта рыба! — с сердцем сказал Йешуа. — Или ты забыл Левиафана, рыбу-Бога?

— И в самом деле! — с облегчением вскричал Иаков.

Он вспомнил, что говорится в Писании о Левиафане, рыбе длиною в сто локтей и с хвостом, подобным ливанскому кедру.

— Так это Левиафан! — радовался Иаков. — Что же ты сразу не сказал мне этого?

Он совершенно успокоился, и темнота, еле разгоняемая скудным огнём, скрывала от него улыбки Симона и Андрея.

— Похлёбка готова, — сказал Андрей. — Давайте ужинать.

Он снял с очага горшок, поставил его среди товарищей.

— Учитель, благослови наш ужин.

И они, преломив хлеб, стали есть из одного горшка. У них была ещё рыба, хлеб и вода. Они согрелись, насытились, и среди них воцарилось полное спокойствие. Дождь где-то в углу капал в их убежище, но вода тут же уходила через промоину и не беспокоила их.

— Учитель, правда ли то, что говорят о кесаре? — спросил Андрей.

— А что о нём говорят?

— Один из греков, побывавший в собственной стране римлян, рассказывал в страшной тайне, что кесарь живёт на каком-то острове безвыездно, управляет через гонцов и предаётся неслыханному блуду.

— Так говорят все, — ответил Йешуа. — Он уже три года назад покинул Рим. Там слишком много людей, а ведь он людей ненавидит и боится. Сказанное этим греком похоже на правду.

— Этот грек поведал о таких мерзостях, что язык не поворачивается их пересказывать, — добавил Андрей.

— Нет, говори, если начал, — потребовал Симон.

— Он сказал, что на остров привозят маленьких девочек и мальчишек, ибо кесарь блудит с детьми.

— Тьфу!- дружно отплевались Иаков и Симон.

После паузы Йешуа задумчиво сказал:

— Он очень стар, и у него не хватает сил на обычных блудниц. А отстать от привычки он уже не может. Как глупо! И такой жалкий человек правит половиною мира.

— И римляне считают себя первыми и лучшими людьми в мире!

— Но ведь он побил многих людей в самом Риме! Значит не все они таковы, как он? — спросил Андрей.

— Ты видел когда-нибудь добрых римлян? — вскричал Симон в ярости.

— Каков хозяин, таковы и слуги, — поддержал его Иаков.

— Послушайте, братья мои! — сказал Йешуа.- Однажды у врат Хоразина мытарь подал кусок хлеба нищему. Этот мытарь добр, пусть так. Но не он ли разорил сотни земледельцев — может быть, и этого нищего? Так что нам проку в том, если даже есть на свете добрые римляне! Я могу поверить, что не все они так жестоки, как кесарь. Всё равно — Рим живёт чужими слезами. Для отдыха между войн можно и накормить одного, если перед тем ограбить дочиста тысячу.

— А тот нищий взял хлеб у мытаря, Учитель?

— Нет, не взял.

— И он был прав! — воскликнул Симон.

— Не знаю, — ответил Йешуа. — Может быть, не стоило отталкивать руку, дающую хлеб? Кто знает, не раскается ли мытарь в своём прежнем грехе?

— Простишь ли ты кесаря, если он покается?

— Если покается и отзовёт легионы в свою землю, и признает истину, то... прощу.

Слушатели Учителя замолчали, поражённые.

— Но ведь этого никогда не будет! — вскричал Симон. — И волк всегда останется волком!

— Да, волк останется волком, — грустно ответил Йешуа Назорей. — Но только, Симон, не говори: «никогда». Ибо кто измерит милосердие Господа? Кто бы поверил, что хасидим побьют войска Сирийца?

Он имел в виду воинство Маккавеев, которое называло себя «хасидим» («благочестивые»).

— Ничего и никогда не прощают только перушим, — добавил Йешуа, — и всегда считают себя правыми, и думают, что только на них нет греха.

— Среди них есть честные и умные люди, — сказал Иаков.

— Мало одной верности закону, мало одной учёности, мало одного ума: нужно уметь раскаиваться и прощать. Римляне не знают Бога правды, а перушим ему молятся и клянутся его именем, но не творят добра. . . Андрей, вспомни ту страшную историю об одной греческой мести, которую ты мне рассказывал однажды возле Бетсанды. Ты не забыл её?

— Нет, я помню, — ответил Андрей. — Это история одного из их царей, который враждовал с родным братом. Так бывает и в иных землях, ведь правда? Не помню, чем-то этот брат оскорбил царя. Тогда царь тайком убил своего племянника, изрубил, изжарил, позвал брата на пир и накормил его мясом собственного сына.

— Сына этого брата? — спросил Иаков.

— И греки такие же свиньи, как римляне, — с мрачным удовлетворением отозвался Симон.

— Какая мерзость! — произнёс Иаков.

— Теперь скажите, — спросил Йешуа, — на кого падёт грех: на того, кто убил мальчика и накормил мясом его отца, или на того, кто ел?

— На обоих поровну! — решительно отрубил Симон.

— Ты так думаешь? Но ведь отец не знал, что он ест.

— Невольный грех тоже грех.

— Но всё же вина убийцы несравненно тяжелее!

И все согласились с Йешуа.

— Так вернёмся же к римлянам: понимают ли они свою мерзость, пожирая детей? Но перушим знают, и вина их велика.

— Они ненавидят римлян так же, как и мы! — сказал Иаков.

— Ты прав, брат. Поэтому я надеюсь соединиться с ними, — ответил Йешуа. — Если они покаются, и сложат с себя одежды гордыни, и перестанут обижать людей земли, то мы примем их в общий союз. А с зелотами нам сговориться нетрудно.

— И тогда — война Риму! — вскричал Симон Зелот.

— Так думает Иоханан Пророк, — ответил Йешуа. — Он только ждёт смерти Кесаря.

— А ты, Учитель, о чём думаешь ты?

— Царства созидаются добром и разрушаются злом, — ответил Йешуа. — Если верные соберутся воедино, то не нужно нам будет пролития крови. Откажемся повиноваться чужестранцам и бичами прогоним из Храма предателей. Царство Рима стоит нашим разделе-

нием. Соберём верных в одно братство! И нам не понадобится убивать людей, творить зло и насилие: добром созиждется Царство Божие!

Все долго молчали, прислушиваясь к шороху воды и собственным думам. Потом Йешуа добавил:

— Всякий, кто убивает, ведь он убивает брата. И всякий, кто морит голодом сирот, пожирает мясо своих сыновей. Люди не понимают, что они живут, как звери — или хуже зверей.

— Ох, это правда! — глухо простонал Симон Зелот.

Мучительный стыд слышался в его голосе. И никто не ответил ему, зная, как много случилось ему убивать.

Они лежали молча, думали, потом начали засыпать. Очаг угас, во мраке чуть светились тлеющие угли. Йешуа встал, подбросил несколько веток, раздул огонь. Потом сел возле Симона и положил ему руку на голову.

Симон вздрагивал и неровно дышал.

Йешуа лёгким касанием ощупал его лицо: оно было мокрым.

— Что это, Симон? — шёпотом спросил Йешуа.

— Учитель... это в первый... раз... за двенадцать лет, — чуть слышно ответил Зелот.

— Знаешь ли, брат мой, — шепнул ему на ухо Йешуа, — эти слёзы для меня — такая же радость, как избавление от смерти моего брата Иакова. Господь простил тебе, Симон!

Наступила тишина.

Йешуа лёг на ворох соломы и задремал.

Глубокая, дождливая ночь царил над Галилеей. Не было ни луны, ни звёзд. Угасли огни селений, утихли таверны городов. Даже в «Золотом Доме» Тибериады все спали, и стража спала стоя, опираясь на копыя. И высоко в горах четыре человека спали в таинственном гроте, который некогда был храмом Рыбы. Спал, наконец, Йешуа Назорей — самая бдительная душа на земле.

Ему снилось весеннее голубое небо, покатым горный луг, покрытый нарциссами и дикими маками, дети, играющие среди цветов, и сам он среди этих детей — беспечный, весёлый ребёнок.

Глава VIII. Поздняя беседа.

Зима в Палестине — это время проливных дождей и ледяных ветров. В один зимний вечер, не доходя до Каны Галилейской, трое путников оказались на пустынной дороге ввиду приближающейся бури.

Это были всё те же Йешуа Назорей, Симон Зелот и юный ессеи Иоханан. Они возвращались с берегов Галилейского моря в Кану. Симон Зелот озирает небеса и выказывал тревогу.

— Давайте свернём с дороги! — предложил он. — Отсюда в получасе ходьбы я знаю маленькую деревню, где у меня есть родня.

Йешуа поднял голову и посмотрел на небо. Казалось, близкая буря ничуть не пугала его. Однако он понимал беспокойство своих товарищей.

— Что ж, можно и свернуть к селению, — сказал он. — У тебя, Симон, везде родня. Только, мне чудится, приют и ночлег ожидают нас где-то поблизости.

— Учитель, до Каны ещё три часа ходу, и нам не укрыться от дождя.

— Может быть, ты и прав, — ответил назорей.

Пока они обсуждали этот вопрос, на дороге показались какие-то огоньки. Они дрожали, метались под порывами западного ветра и двигались навстречу трём путникам.

— Кто-то идёт, — сказал Иоханан, двоюродный племянник назорея.

— Это добрые люди, — ответил Йешуа.

И они увидели впереди круглолицего человека в толстом плаще; два раба, предносители света, шли перед ним с факелами, а третий раб, вооружённый мечом, следовал в двух шагах за хозяином.

Увидя трёх путников, незнакомец высунул нос из-под капюшона и спросил по-арамейски с чужеродным греческим акцентом.

— Добрые люди, не заблудились вы?

— Нет, господин, — ответил Йешуа, — мы идём в Кану. Но мы не надеемся дойти до неё прежде бури.

— Тогда идёте ко мне, — сказал круглолицый, — я обогрею вас и дам вам ночлег в моём доме.

Йешуа Назорей задумчиво посмотрел на своих спутников. Симон Зелот насупился и ответил:

— Не в обиду тебе будет сказано, добрый эллин, но мы правоверные иудеи и не входим к язычникам.

Человек в плаще грустно усмехнулся:

— Друг мой, не говори о язычниках! Я женат на иудеянке, ради нее я принял закон Моисея. Мой дом — это еврейский дом, если только в наше беспокойное и перепутанное время ещё могут быть настоящие евреи.

— Вот слово маловера! — неожиданно прозвучал голос Йоханана.

— Юноша, я выполняю обряды, — ответил круглолицый, — подаю милостыню бедным и призреваю усталых. За пять лет у меня не умер ни один раб!

— Мы идём с тобой, — сказал Йешуа.

И все отправились в ту сторону, откуда пришёл Йешуа со своими спутниками. На расстоянии немногим больше стадия от дороги отходила сельская тропа: рабы с факелами свернули на неё, путники в молчании преодолели подъём, и впереди показалась ограда с воротами, за нею — двери в сад, а среди мокрой зелени сада — небольшая вилла из белого камня. В ней светились огни, лом ждал хозяина. Заслыша приход людей, залаяли собаки.

Сторож поспешил отворить ворота. Круглолицый хозяин повернулся к троим гостям и сделал широкий жест:

— Войдите с миром! Мой дом — ваш дом.

Они прошли по усыпанной гравием дорожке. Над дверями виллы был высечен мраморный горельеф — виноградная лоза, обычное украшение богатых еврейских домов. Это несколько успокоило Симона Зелота, которому не понравилось слишком греческое устройство всей усадьбы и дома.

Внутри виллы толстогубый нубиец с ключами в руках встретил хозяина. Он говорил на смеси арамейского и койнэ: мода богатых еврейских домов той эпохи.

— У нас гости, — сказал хозяин, сбрасывая плащ на руки чёрного ключника. — Приготовь ужин на четверых в малом зале. Госпожа спит?

— Госпожа ждёт тебя.

— Сейчас я подымусь к ней.

Хозяин обернулся к гостям:

— Ступайте за мной, добрые люди.

Он повёл их в специальное помещение, где в каменном полу были выдолблены углубления для мытья ног; вода проходила по трубам мимо очага и была тёплой, как парное молоко. Два мальчишки разули хозяина и гостей, помогли им вымыть ноги.

— У тебя, видать, хорошо с водой, — заметил Йешуа, моя ноги рядом с хозяином.

— Я беру воду из горного ручья, — ответил тот. — Отвёл канавку: хватило и на сад, и для дома. Идёмте в столовую, я только поздороваюсь с женой и сию минуту вернусь к вам.

Он провёл гостей в свой малый зал, усадил их и ненадолго оставил одних.

— Ну, какой же это еврей? — проворчал Симон Зелот. — Только греки так увиваются возле своих жён.

Столовая уже была освещена и сразу же неприятно поразила пришельцев стенными росписями в греческом вкусе. Слуги вносили кушанья, а три ложа вокруг стола были уже мягко застланы. Хозяин вскоре вернулся к ним.

— Простите, добрые люди, что я оставил вас, — сказал он, — но я хотел успокоить супругу и предупредить её о приходе гостей.

— Ты поступил праведно, хозяин, — сказал Йешуа.

Эллин с круглым лицом чуточку опешил и присмотрелся к назорею. Симон Зелот тоже бросил на Учителя недоумевающий и словно обиженный взгляд.

При свете ламп хозяин выглядел старше, чем показался на дороге. На его круглом лице светились маленькие голубые глаза; высокий лоб переходил в лысину, обрамлённую редующими волосами. Он был некрасив, но приятен.

— Моё имя — Аарон, сын Креонта, — сказал он.

Гости назвали свои имена.

Он пригласил Йешуа, в котором угадал старшего, прочесть молитву. Все возлегли вокруг стола, и трапеза началась. Еда была проста, но хорошо приготовлена: обычный ужин в еврейском доме. Прислуживали те же два мальчика, что помогали мыть ноги.

— Скажи, Аарон, почему я ранее не видел твоей усадьбы? — спросил Симон. — Ведь я знаю давно всю эту округу.

— Я поселился здесь и выстроил дом год назад. Сад был и раньше, я купил его у Натана Кривобокого.

— Я знал Натана, — сказал Симон. — Все говорили, что сад его плох.

— Говорили правду, — кивнул хозяин. — Но я оживил его, ибо я люблю сады, а они любят меня. Можно ли найти лучшее применение деньгам, чем сад и новые плоды?

— Можно раздать деньги бедным.

— Да, но бедные останутся бедными, а земля должна рожать, приносить плоды. Ведь все люди едят плоды земли, а не серебро.

— Ты остроумен, Аарон! — с ноткой удивления молвил Йешуа.

— А ты не пьёшь вина, Йешуа?

— Я назорей и не вкушаю хмельного, как и мой племянник.

— А ты не желаешь ли доброго вина, Симон?

— Спасибо, Аарон, немного выпью.

Наступило молчание. Ели степенно и неторопливо. Внезапно юный ессей прервал молчание:

— У твоих слуг цветущий вид, Аарон.

Хозяин поглядел на него с любопытством.

— Рабы — такие же люди, как и мы, — ответил он. — Я забочусь о них и редко наказываю; нерадивых я продаю, хотя бы и в убыток.

— Ты пригласил в дом таких простых людей, как мы, — сказал Йешуа Назорей, — и делил с нами ужин. Хвала тебе, ты не горделив.

— По моему разумению, все люди, и князья, и пахари, и даже рабы равны перед роком, — ответил хозяин. — В хорошем отношении к рабам нет ещё истинного *добра* : *просто по нраву мне мир, оттого и хочу я вокруг себя видеть спокойные лица. Не могу я терпеть вида голодных и страждущих.*

Йешуа понимающе кивнул:

— Ты мягкосерд к малым людям ради собственного спокойствия.

— Истинно так, Назорей. Я не обременяю их непосильной работой, хотя и не люблю видеть их без дела: ничем не занятый раб портится и пропадает.

Наступило молчание. Взор Йешуа блуждал по стенам зала. Прямо против него на стене был довольно искусно написан приморский пейзаж, прачки с корзинами белья, идущие к воде, и нагой мужчина, прячущийся от них за кустом.

— Навсикая, — сказал Йешуа, указывая на женщину без корзины, изображённую в центре картины.

Хозяин от изумления чуть не подавился сливой.

— Неужели ты знаешь Гомера? — вскричал он.

В глазах гостя мелькнула добродушная ирония.

— Не правда ли, сколь дивно встретить на дороге неписьменного еврея, которому ведомы песни эллинов? — спросил Йешуа.

Сын Креонта покраснел и смутился.

— О гость, не пойми меня так! Я уважаю еврейскую мудрость, но они ведь так далеки от ионических песен.

— Ты прав, — кивнул Йешуа. — Эллину и еврею трудно понять друг друга. Да, это правда. Но в Галилее много эллинов, и один из них рассказывал мне песни Гомера.

— Понравились они тебе, или это слишком языческие песни?

— Трудно тебе ответить, мой добрый Аарон, — в задумчивости сказал Йешуа. — У этого Гомера есть большое сказание об осаде великого города. Я диву даюсь, как мог этот певец столь красноречиво прославлять бесконечные человеческие убийства! И добро бы это была война за веру, а так — из-за красивой женщины... Не понимаю. По мне, это всё едино, что прославлять глупость людскую.

— Ах, ты прав, клянусь утренней звездой! — воскликнул хозяин.

— Не клянись! — заметил юноша Иоханан.

Хозяин смутился и попросил извинения за свою забывчивость. Утренней звездой клялись арабы; то была звезда Иштар, финикийской Ашторет, греческой Афродиты. Иудею не подобало клясться ею.

— Песнь о мореходе гораздо лучше, — продолжал Йешуа.

— Ты любишь Одиссея? — с жадным любопытством спросил хозяин.

— Нет, господин и друг мой. *Я его не люблю. Он слишком много хитрил и обманывал.* Эллин-еврей был сбит с толку.

— Так почему же «Одиссея» нравится тебе?

— Там немало правды о жизни. Эллины думают, что это сказка, но там скрыта и подлинная мудрость. Я люблю то сказание, где царевна Навсикая отпускает морехода на родину, хотя и полюбила его.

Йешуа показал на стенную роспись, и все посмотрели тоже.

— Она нашла его на берегу моря, накормила и одела его. Она хотела бы стать его женой, но у него уже была жена и дети, и родной дом. И она снарядила ему корабль и подарила ему свободу, а выше этого дара нет ничего. И она сделала счастье из своего несчастья.

— Учитель, раз она отпустила жениха, то, наверное, впала в кручину.

— Нет, Симон, ты не понял. Она стала счастлива его свободой. Такие женщины угодны Господу. Будь таким же, как Навсикая: даруй свободу тому, кого любишь, и не думай о себе.

— Как хорошо ты сказал! — пробормотал Аарон.

— И ещё я люблю то место в песне, где старый пёс первым узнал хозяина и даже издох от радости.

Хозяин, забывшись, пропел несколько слов на старом ионийском диалекте. Он был взволнован.

— Но как отвратительно слышать, — с силой сказал Йешуа, — о кровавом избиении глупых женихов! Ведь они даже и не думали, что мореход остался жив. В чём же была их вина?

— Жестокое старое время, — извиняющимся тоном сказал Аарон.

Мягкое лицо Йешуа потемнело:

— Когда-нибудь и о нас скажут: «Жестокое стародавнее время!» И будут творить *новые жестокости, притворяясь, будто стали умнее отцов. Нет оправданию насилию во веки веков!*

Аарон, расстроившись, как ребёнок, отложил недоеденную виноградную кисть и подпер голову рукой.

— А помнишь, как Одиссей в шеоле отталкивал тень своей родной матери? — беспощадно продолжал Йешуа.

— Ему нужно было услышать прорицание Тиресия! — вскричал хозяин.

— Нужно? *Очень* нужно? *Нужнее* голоса матери? *Нужнее, чем добро?*

— Но от указания Тиресия зависела его жизнь!

— Что из этого?

— Так ты считаешь, что добро превыше жизни? — со страхом и почтением спросил Аарон.

— Евреи всегда без трепета умирали за правую веру! — сказал Симон.

— Гость мой, тут речь об ином. Не веру Моисея, а простое добро *следует ли ставить выше жизни?*

Йешуа опустил голову и, приподняв правую руку, смутным жестом отвёл её от головы в сторону, как бы говоря: «Видимо, так».

— Воистину, эллину не понять еврея, — упрямо сказал Симон, — а еврею не сговориться с эллином!

— Не говори так, гость мой! В Александрии живёт один еврей, к которому ходят учиться и евреи, и эллины. О мудрости его наслышаны Афины, Дамаск и Иерусалим. Он хранит верность нашему Закону, но прочёл Платона и превзошёл эллинскую мудрость. Его зовут Филоном Евреем.

— Эллинский ум — это детский ум, — сказал Йешуа, — и эллины никак не могут повзреть.

— Речи твои дивны, — сказал Аарон. — Я поклоняюсь Единому Богу и не вкушаю нечистого, но почему нельзя иудеям ценить мудрость иных народов?

— Можно и должно, — ответил Йешуа.

— Как же ты равняешь с неразумными детьми Сократа и Платона?

— А знаешь ли, многоучёный муж, что малые дети весьма разумны, *часто даже разумнее седебородых книжников.*

— Но всё же они дети!

— Да, Аарон, всё же они дети, только не зови их неразумными. Многое открывает им Господь, но дети есть дети. Они не имеют силы духа и живут, играя. Таковы же и все эллины.

— Дорогой гость, расскажи подробнее, что ты под этим понимаешь.

— С охотой, Аарон, только закончим трапезу, омоем руки и оставим застолье, ибо у друзей моих уже слипаются глаза.

— Учитель, — сказал Иоханан, — позволь мне слушать ваши речи.

— Если хочешь, дитя моё.

— А я, пожалуй, лягу спать, — сказал Симон Зелот.

Хозяин кликнул своего чёрного ключника и велел ему отвести Симона на покой, а сам с Назореем и его племянником перешёл в библиотеку, полную пергаментных и папирусных свитков. Здесь Тора соседствовала с сочинениями эллинских мудрецов, а на стене были изображены Земля, Луна, Солнце и звёзды, как их представляли себе Аристотель и Птолемей.

Усадив гостей и усевшись сам, Аарон возобновил беседу:

— Почему, мудрый странник, ты уподобляешь эллинов играющим детям?

— Я скажу тебе, Аарон. Потому что эллины более всего ищут утехи своим чувствам и радостей для плоти.

— Таков был Эпикур, но не все эллины чтят его учение. Афинская школа не искала плотских радостей, а искали Высшего.

— Они искали утехи для разума, — ответил Йешуа. — *А большинство эллинов живёт ради плотских радостей. Они услаждают свой слух музыкой и сладкими песнопениями, услаждают свой взор идолами, одетыми и раскрашенными наподобие живых людей, услаждают нёбо медами и пряными яствами, услаждают свою похоть частыми сношениями с блудницами, и это есть пустая игра, ибо не служит продолжению рода. И такую же пустую игрой мнится мне вкушение пищи до голода и питьё вина прежде жажды, равно как сотворение кумиров, в которых никто уже не верит, ниже сами ваятели их. Всё это — только утеха и обман собственной души. Эллины живут играя.*

— В твоих словах много правды, Йешуа.

— Хорошо и то, что много, — иронически заметил назорей. — *Все знания и умы эллинов устремились на ложный путь, и ведёт он их не к обители Господа, а к бездне, наполненной смрадом и трупами. После размышлений нескольких мудрецов об истине и Боге, Эллада скоро устала и вернулась к своим наукам. Вся наука служит их радости. Я не удивлюсь, если эллинские повара напишут для чревоугодников особливые книги о том, как приготавливать диковинные блюда...*

— Такие книги есть, — пробормотал хозяин.

— Или ещё найдутся учёные блудницы, которые опишут в пространных сочинениях все тонкости и уловки своего мастерства.

— И это уже есть! Всё это написала Элефантида, и притом весьма искусными стихами.

— Быть того не может! — вскричал Иоханан.

— Почему же? — спокойно заметил Йешуа.

— Так оно и есть, — подтвердил хозяин. — Но вспомни, назорей, даже в Содоме нашёлся один праведник. Так и в Элладе есть мудрецы, презирающие плотскую утеху. Их называют стоиками.

— Чему же они учат? — с любопытством спросил Йешуа.

— Нелегко изложить это в коротких словах, но я попытаюсь, богоданный гость мой.

— Скажи нам главное.

— Мудрецы Стои, из них же главные *Зенон и Хрисипп, укротили гордыню многосведущих. Знание земных вещей не может быть целью само по себе, так учат они. Собиратель знаний, не умеющий жить праведно, подобен скупцу, который спит на мешках с золотом и гложет сухую корку. Знание есть только средство, чтобы приобрести умение достойно жить.*

— Это хорошо, — сказал Йешуа. — А как жить достойно?

— А жить надо сообразно природе, — продолжал ободрённый Аарон, сын Креонта. — Счастье заключается в свободе от страстей, в спокойствии духа, в равнодушии. Мудрому следует избегать треволнений. Не должно человеку нарекать на ход вещей: что толку бранить камень, падающий с горы? Судьба всевластна, и с нею спорят одни лишь безумцы. Итак, должно следовать судьбе и повиноваться ей. Не так ли, гость мой?

— Нет, не так, — прозвучал тихий и ясный ответ.

— Как? Неужели ты не веришь в судьбу?

— Пойми же, несчастный человек, что мудрость Стои ещё хуже, чем низкие страсти и глупые игры эллинов и римлян. Ведь если они уподобляются животным в неразумии страстей, то Зенон, Хрисипп и ты, их ученик, желаете прозябать, подобно траве, ибо бесстрастие есть удел растений. Камню я предпочту траву, траве я предпочту зверя, зверю человека. Горе равнодушным, ибо им нет спасения.

— Я не понимаю тебя, добрый человек.

— Скажу тебе иначе. Вот ты окружаешь себя спокойными лицами, хорошо кормишь слуг своих и не ломаешь их рук и ног. Потому душа твоя спокойна, и ты закрываешь глаза, как ребёнок, на всю страну окрест, стенающую под бичами неправой власти. Что же сказать о таком спокойствии духа? Равнодушная мудрость не ведаёт жалости и не желает видеть язв людских. Порочный человек сегодня жесток, но завтра может смягчиться, ибо страсти гонят его по кругу земли, но равнодушный жесток всегда.

— Но какой же смысл бороться против Судьбы и не мудрее ли прозябать, как ты говоришь?

— Истинно говорю тебе, совесть превышает судьбу, и воля Бога Живого свершается каждый день.

— Назорей, нам не дано изменить ни йоты в Книге Судьбы.

— Аарон, Книга Судьбы не написана, и прежде конца мира Господь не скажет последнего слова.

— Разве мир не сотворён много веков тому назад?

— Сотворён и был разрушен потопом, и заселён вновь. Подобием всемирного потопа были страшные войны, трясения земли и моровые поветрия. *Творение продолжается. Ибо когда гончар остановит круг и скажет, что сосуд готов, то сосуд этот перестанет изменяться, и из мягкого станет твёрдым, а отверделое мертво. Запомни, мой добрый хозяин, жизнь есть неготовое.*

— Как понять, что творение продолжается? Кто же ныне творит мир?

— Воля Божия через верных ей людей. Есть только Воля Божия, и к ней поднимаются мольбы людей. Нет судьбы, которой ты поклоняешься, нет извечной и предначертанной для всех будущих поколений. Мореход в неведомом море, хорошо выбирай свой ветер! Не будь никогда равнодушным, плыви, молись, и Бог поможет тебе. Но если ты снял парус и оставил кормило, Бог предоставит тебя твоей слепой Судьбе. Бойся остаться в одиночестве без Бога. Ибо наедине с судьбой ты плывёшь прямо к вечному дому, и равнодушие есть смерть.

— Но что же тогда истинная жизнь, назорей?

— Бог есть любовь.

— Эрос, как у Платона?

— О нет, не Эрос, но *агапэ*, любовь божеская и братская.

— Никогда не слыхал я таких речей, гость мой.

— Ты ещё не раз их услышишь, ибо наступают новые времена.

Аарон вздрогнул и вперил в назорея сверкающий взгляд; затем произнёс несколько непонятных слов и умолк, ожидая ответа. Йешуа покачал головой.

— Нет, Аарон, я не понимаю языка вавилонян.

— Однако ты узнал сам язык?

— Да, я прежде слышал халдеев — немного. Почему ты подумал, что я знаю этот язык?

— Я подумал, что ты звездарь, а все, кто читает по звёздам, уважают Вавилон, корень этой науки.

— Не нам, иудеям, уважать Вавилон, и я не звездарь, а врачеватель. Но ты, я полагаю, сам читаешь по звёздам. . .

— Да, я сам звездочёт.

Хозяин говорил негромко, и взор его затуманился.

— Узнай, назорей, что я родился в Вавилоне, и в жилах моих течёт не только эллинская кровь.

— Время позднее, — сказал Йешуа, — но поведай нам о себе, и о том, что ты прочёл в звёздах.

— Так я и сделаю.

Аарон провёл рукою по лицу, минуту помолчал и заговорил:

— Знайте же, гости, что я родился в Вавилоне и происхожу из знатного рода, в котором смешалась вавилонская и эллинская кровь. Когда Александр Великий взял в жёны царевну Статиру, то одновременно восемьдесят друзей его вступили в брак со знатными персиянками.

ми и ещё десять тысяч воинов, эллинов и македонян, взяли в жёны дочерей Востока, ибо царь обещал заплатить им все долги за это. И один из этих эллинов был Никомах, дед моего деда. Род наш возвысился при Селевкидах, богатство помогло нам пережить их крушение и уцелеть в тени новых царей, однако постепенно наш род переселился в Сирию, Элладу и Египет, ибо иго парфян стало нам тяжело. Я родился в Вавилоне, учился в Антиохии и Афинах, жил везде, от Евфрата до Тибра...

— Ты жил в Риме?

— Семь лет провёл я в нём, гости. Ибо я изучил не только физику, этику и логику эллинов, но и вавилонскую науку звёзд. Мои гороскопы всегда сбывались, и слава моя дошла до самого кесаря. Он призвал меня к себе, и я предстал перед властелином мира.

— Ты видел Тиберия? — воскликнул Иоханан.

— Как вижу вас. И я видел его не единожды. Ибо он пожелал, чтобы я прочёл по звёздам его судьбу.

— Но расскажи, каков он собою!

— Говорят, старость сильно изменила его. Тогда он был высок и силен, мышцы его были толстые, как у циркового бойца, и красивое лицо — с орлиным носом, с большими серыми глазами, только говорил он плохо и трудно. Рассказывали, что он мог одним щелчком пробить темя взрослого мужчины. Он никогда не изучал ни риторики, ни диалектики. Телесная красота и сила были его богатством от природы.

— Самое непрочное, — пробормотал Йешуа.

— Тиберий хотел узнать, нет ли у него врагов в Сенате и во дворце. Мне пришлось проделать громадный труд и много расчётов. Я не стал скрывать от него правду... Вы люди верные и не станете повторять этого...

Оба гостя молча кивнули.

— Звёзды открыли мне, что кесарь умрёт от руки очень близкого человека, которому он верит. Я сказал ему, что он должен остерегаться одного из людей, им любимых. Кесарь был поражён, однако, мне показалось, в душе признал истинность моего предсказания. Он щедро заплатил мне за труд и приказал молчать об этом под страхом смерти. Вам первым открываю я эту тайну.

Потом он запретил римлянам обращаться к звездочётам, и я понял, что он не хочет, чтобы его подданные могли, кроме своей, узнать и его будущую судьбу. Но римляне продолжали тайно, по ночам, ходить к звездочётам и платили за прорицания большие деньги. Я знал, что так продолжаться долго не может, а потому все свои богатства обратил в золото и драгоценности, которые можно было легко унести с собой. И вот прошёл год после моей последней встречи с Тиберием, и вышло повеление кесаря выслать из Италии всех предсказателей судьбы, числом не менее четырёх тысяч.

Я уехал в Афины и нашёл там друзей, но власти, зная о немилости кесаря, не дали мне покоя. Тогда я удалился в Азию, но легат кесаря захотел наложить руку на моё имущество, и я узнал об этом заблаговременно. Покинув Азию, я отправился в Антиохию, где

собирается прекрасное общество. Там, в долине Дафны, я встретил на празднествах знатное иудейское семейство, дочь которого стала моей женой. Мы оба желали уединения; мой тесть дружил с большими людьми в Тибериаде. Галилея не подчиняется власти сирийского легата кесаря. Итак, я избрал эту местность. Приняв перед женитьбой закон Моисея, я сменил своё имя. И здесь я обрёл покой. У меня есть жена, дочь, сад и звёзды.

Теперь послушайте о том, что занимает вас более, чем моя жизнь.

Аарон, сын Креонта, помолчал, собираясь с мыслями.

— Ты говорил, мудрый назорей, что нет от века предначертанной судьбы. Всё же в мире и в небе я нахожу знаки будущего. По моему разумению, грядущее не только *будет*. Оно *отчасти уже есть*. И его знают звёзды, ибо они были прежде нас и пребудут дальше: неподвижные, они живут.

Итак, тридцать лет назад, когда у меня ещё не росла борода и я ещё только подбирал первые крохи от пиршества халдейских мудрецов, хвостатая звезда возшла на востоке и ушла на запад: никто раньше такой не видел. Учёные мужи Вавилона изрекли, что звезда возвещает рождение царя, который потрясёт вселенную. Заметьте, что ни в Индии, ни в Парфии, ни в Риме не родился в тот год наследник высшей власти, и звезда указывала не на них. Где родился царь, я не знаю, но он родился.

Незадолго до моего приезда в Галилею явился здесь пророк сурового вида, именем Иоханан; вы о нём, конечно же, слышали. Он купает людей в Иордане и вещает скорое пришествие Царя-Помазанника, или *басилевс христос*, как говорится по-гречески. В этой стране уже не раз случалось, что народных вождей объявляли мессиями, так что иногда в один день и час было сразу три мессии.

— То были ложные мессии! — не выдержал Иоханан.

— Я тоже думаю, что они самозванцы. Но галилейский пророк не выдаёт себя за мессию, а лишь называет себя его предшествующим рабом. Думается, та хвостатая звезда возвещала рождение царя, о котором ныне говорит Иоханан Предтеча. Тому царю должно быть тридцать лет, это цвет века человеческого. Он ещё скрывается, но час его близок.

— Воистину так! — сказал Йешуа, спуская лоб на руку.

— Я здесь не перестал наблюдать звёзды, — продолжал Аарон. — Ныне явились небывалые сочетания звёзд и планет. Небо изменяет вечное лицо своё. Увеличилась сила красной звезды Марса, а это сулит кровь и людскую погибель. Друзья написали мне из Египта, что, по глаголу тамошних жрецов, птица Феникс готовится умереть и восстать из пепла. Это означает большую перемену времён.

— Тоже правда, — подтвердил Йешуа.

— Кажется мне... ещё раз прошу вас сохранять тайну... что к кесарю приближается Великая Успокоительница, и тогда Царь Звезды займёт его место. Юлий пал от кинжалов своих сенаторов и друзей, Октавиан умер спокойно в своей постели. Какова будет кончина Тиберия?

— Она будет плохой, — сказал Йешуа.

— Откуда ты знаешь, если не веришь звёздам?

Йешуа улыбнулся:

— Будущее можно узнать не только от звёзд, но и от пастухов. Бог судит каждого по делам его, и знаки этого суда явны всем, кто хочет видеть. Взявший меч погибнет от меча, и неправое сокрушится неправдой.

— Мне трудно постигнуть путь твоих мыслей, о мудрец!

— Но почему же? Ведь ты учён и сметлив.

— Ты первый сказал, что наступают новые времена, а когда я привёл свидетельства звёзд, ты не спорил, а подтвердил их. Но ты сам сказал, что не веришь в судьбу.

— Нет, я сказал нечто иное. Судьба велика и сильна, как власть кесаря. Но как Парфия и варвары Севера ставят предел кесарю, так и Божия воля превышает судьбу. Мужайся и борись за Божию правду, ты можешь многое претерпеть и пострадать, но судьба не одолеет тебя. Совесть превыше судьбы.

— Что же ты скажешь о звёздах, назорей?

— Знаешь, что говорят мудрецы в Иерусалиме? Праотец наш Авраам обречён был звёздами на бесплодие. По его гороскопу у него не должно было быть детей. Он же родил Исаака и дал начало избранному народу, хотя это не было начертано от века, и звёзды предвещали обратное.

— Может ли это быть? Гороскоп был составлен неправильно!

Гороскоп был составлен правильно, Аарон. Или ты думаешь, что мудрецы древности, учителя твоих учителей, хуже тебя понимали письмена неба?

— Как же это понять? — спросил хозяин, бледнея. — По-твоему, космос только видимость и мы живём среди хаоса?

— Нет мир есть *космос* (порядок), но устройство его длится и ныне. Я же тебе сказал. Когда ты строил дом свой и обновлял сад, разве не приходили тебе в голову переделки плана?

— Кажется, я даже поспорил с моим архитектором, ибо я хотел с крыши дома без помех наблюдать небо, он же не понимал, для чего я нарушаю стройность пропорций. И сад я разбил заново, а этою весной всё переменял снова.

— Так что ж удивляешься, что Господь испытует и отменяет приговоры, если простой дом на земле перестраивается по три раза?

— Но вести о грядущих переменах — их ты признал?

— Да, это будет воистину, так должно быть.

— *Должно?*

— Да, Аарон. Не предначертано от века, но теперь сделалось должным. И не судьба сулит перемены, а обида народов, ею же явлен гнев Божий. Тысячи племён хотят изменить лик земли. Значит, перемены будут. Такова воля Господа.

— Кто познал её?

— Несколько человек её поняли.

— Назови мне троих, и я соглашусь.

— Ну что ж, — рассеянно сказал Йешуа. — В Иерусалиме живёт благочестивый Гамалиил.

— Да, он славится своею учёностью, но он фарисей?

— Он принадлежит к хевре фарисеев, но слово его неложно и жизнь свята. Он понимает волю Бога. Ты уже упомянул Иоханана, сына Захарии. Но более всех видят знаки Божия суда старцы из пещер Енгадди, имена же их ненарицаемы.

— Мудрый гость, ты умолчал о себе.

— Я простой врачеватель, но и я разношу слово Истины. Я жду, когда исполнится чаша гнева Божия и сбудутся речения пророков. Израиля. Час близок. Идут новые времена.

— Ты прав, Йешуа. Мир должен перемениться. Этого хотят все. Даже многие римляне томятся под пятой кесаря.

— Нет, Аарон, не говори мне о Риме. Сыны Волчицы забыли свою свободу ради дарового хлеба и бесплатных игрищ. Рабство пришлось им по душе, и более всего на свете они любят свой неправый закон, своё железное ярмо, заменившее им и Бога, и совесть. Язычники думают, что, если исполнять всё, написанное в их скрижалях и заветах, то совсем не обязательно быть добрым. Они спокойны во зле и горды в неправде своей. Смерть в душе Рима.

— Ты полагаешь, что парфяне завоюют нас и уничтожат силу кесарей? — с волнением спросил хозяин.

— Да нет же! — нетерпеливо возразил Йешуа. — Могут ещё быть войны Рима и Парфии, на долю обеих сторон выпадут и победы, и поражения, но этим ничто не решится. Сила изнурительна для сильного, Рим истощил сам себя. Рим сокрушится изнутри, как храм в Дагоне, столпы которого сломал Самсон.

— И этим Самсоном будет уразумевший волю Божию?

— Да, ты понял наконец! — улыбнулся Йешуа, показав все свои дурные и нечастые зубы. — Люди камень по камню разнесут Дом Юпитера, перо за пером опилят Орла. Чёрный ветер пустыни пролетает над городами и не может им повредить, сила его бессильна. Но тьмы малых песчинок, тьмы тем и более того сыплются тихо и непрерывно, днём и ночью, и погибают сады, колодцы, храмы. Они не ломают и не сокрушают, но они одолевают множеством. Малое сильнее великого.

Аарон, сын Креонта, в волнении стиснул руки и всем телом подался вперёд:

— Так значит, Йешуа...

Назорей кивнул головой и ответил:

— Да, мы разрушим Рим.

IX

1.

Тибериада была молодым городом. Её смешанная архитектура, ее колоннады, коринфские капители и еврейский кубические дома, её восточные рынки и пёстрое население, статуи Тиберия Августа, недавние сады — всё придавало городу отпечаток злободневности, юности, моды.

Это был один из тех эллинистических городов Ближнего Востока, которые быстро расцветали, но столь же быстро отцветали, подобно «адонисовым садам» на греко-сирийских празднествах в честь богини любви и её прекрасного возлюбленного, убитого диким вепрем. Из таких эллинистических городов наибольшую славу через сто с небольшим лет завоевала Пальмира.

В тот ясный зимний денёк Тибериада жила обычной жизнью: торговала, воровала, молилась. После полудня из дворца тетрарх галилейского выехала пышная процессия.

Её открывали и замыкали наёмные воин тетрарха, вооружённые до зубов; ехали на мулах евнухи и женщины дворца. В центре процессии, величаво покачиваясь, плыл большой паланкин, пурпурный с золотом.

— Иродиада!

— Царица! — слышалось в уличной толпе.

Многие приветствовали царицу, иные молчали, а были и такие, которые исподтишка бормотали: «Иезавель!» — и смотрели на всадников в блестящем вооружении, словно считали, сколько на сегодня силы охраняет внучку Ирода Великого.

Иродиада покинула столицу и удалилась в любимую загородную резиденцию, в своё горное гнёздышко, выстроенное в новом аттическом стиле, среди сада и финиковых пальм, гранатовых деревьев и различных вечнозелёных кустарников.

Ирод Антипа возражал против этой поездки, но его жена настаивала. Она устала, двор скучен, Тибериада ей надоела; к тому же, в сельском уединении она сможет заняться гаданьями и посоветоваться с несколькими мудрыми женщинами.

— Мне обещали достать одну аравитянку, которая занимается *скапулимантией*, — сказала Иродиада. — Она сама из Медины и в наших земле ей нет равных.

Скапулимантией эллины называли гаданье по лопаточной кости и, наравне с арабами, считали его самым точным и надёжным из всех гаданий.

Тетрарх был согласен, что настала пора в очередной раз заглянуть в будущее. Он отличался суеверием, и его мучили упорные утверждения галилеян, что Иоханан Пророк своими глазами видел Мессию.

Ирод Антипа попросил Иродиаду передвигаться осторожно и там, в горах, тщательно следить за охраной. Зная, что основная ненависть галилеян обращена на его жену, а не на него самого, Антипа усилил эскорт царицы.

¹По нумерации «тетрадной» редакции романа — XIII. Далее везде применена сквозная нумерация глав (прим. публ.)

Прибыв в свою загородную резиденцию к ночи, Иродиада выставила караулы, приняла ванну и только после этого приказала ввести аравитянку.

Доверенный евнух, разгоняя любопытных невольников, провёл по коридорам высокую женщину в обычной арабской одежде, в длинном покрывале, закрывавшем голову и часть лица; только два огненных глаза мудрой женщины сверкали временами, бросая вокруг осторожные взгляды.

Когда аравитянка осталась наедине с Иродиадой (и её глухонемой нубийской рабыней), царица жестом приказала госте снять покрывало.

Аравитянка повиновалась.

Тогда из-под грубого арабского платка явилось лицо двадцатипятилетнего херувима с первыми тонкими усиками, свежими щеками и алыми губами, созданными для поцелуев.

— Ты действительно красив, внук Иссахара! — сказала царица.

Иуда Иссахариот пал ниц перед царицей, слово ослеплённый её величием и красотой.

Она предстала перед молодым лазутчиком во всём блеске позднего сладострастия, убранная пышно и в то же время фамильярно, умащённая тончайшими благовониями и вся увешанная драгоценностями.

— Встань! — приказала она. — Выполнил ли ты наше поручение?

И он ответил, что выполнил, и дал ей полный отчёт.

Зима с её ветрами и ливнями противодействовала сборищам в Еноне, Иоханан располагает небольшим числом людей, и число это уменьшается. Через полмесяца начнутся работы в садах и виноградниках, и эти работы будут требовать всё больше рук. Многим «купальщикам» стало казаться, что в этом году Мессия не явится. Очень скоро — дней через десять — наступит самое удобное время для ареста Иоханана.

Следовало бы сделать это по возможности быстрее, лучше всего при помощи конного набега на Енон, и если это возможно, то пусть среди этой конницы хотя бы половину составят римляне. Нужно окружить лагерь в Еноне и сразу наброситься на чёрный шатер Иоханана. Узнать его очень легко...

— Какое время дня лучше подходит для этого?

— Раннее утро, до завтрака, — последовал мгновенный и уверенный ответ.

Иродиада молчала, разглядывая гладкое лицо лазутчика. Да, он не только красив, ещё ловок и умен. Такие люди должны восседать на тронах или, по меньшей мере, делить ложе с царицами.

— Ты сделал большое дело, Иуда, — сказала она. — Награду свою ты получишь от Эвбула Финикийца. Но прежде, чем он отвесит тебе заслуженное серебро, я хочу сама наградить тебя — иной наградой. Подожди здесь.

Она встала и ушла с рабыней в свою опочивальню. Иуда Иссахариот остался. Прислонясь к колонне, он гадал, что за награду вынесет ему царица: золото, алмазы или рубины? Может быть, одарит богатой одеждой?

Снова послышались твёрдые шаги.

Нет, это была не царица.

Чёрная рабыня вернулась одна и поманила рукой Иуду. Сбитый с толку, он последовал за ней.

В полумраке опочивальни светился один ночник и тлели курильницы, напоившие воздух густым и сладким ароматом. Здесь было жарко и трудно дышать.

За полуоткрытой завесой ложа Иуда увидел обнажённый торс царицы, её роскошные плечи, её понурые груди и круглую шею, обременённую ожерельями. Иродиада смотрела на юношу расширившимися зрачками.

— Приди и ляг со мною! — повелела она.

Нубийская рабыня быстро и ловко раздела Иуду, подтолкнула его к ложу, ободряюще оскалила зубы.

Тусклая красота Иродиады, вдвое старшей, чем Иуда, не волновала его; однако он принадлежал к числу тех молодых людей, плоть которых повинуетя их честолюбию.

Его возбуждало сверхзапретное. Он знал, что рискует очень многим: может быть, жизнью. И вождение его подчинялось славе и риску.

Объятия его оказались жаркими и мощными.

Спустя четыре часа, усталая и довольная, Иродиада отпустила его.

Она потребовала вина, охлаждённого снегом, и долго пила, пока не утолила жажду.

Тело её слегка побаливало от усталости, но тёплое блаженство, баюкавшее её, не сразу нагнало на неё сон. Иродиада долго ворочалась на своём ложе.

На другой день она послала срочное письмо к Антипе с указаниями для ареста Иоханана, а другое письмо — своей дочери Саломее.

Х

На берегах Геннисаретского озера, иначе Галилейского моря (длиною в 31 километр, шириною в 8), с недавних пор именуемого Тибериадским озером, во множестве произрастают финиковые пальмы и плодовые деревья. Озеро богато рыбой, окрестные жители занимаются рыбной ловлей. Через Геннисаретское озеро протекает Иордан.

На берегах озера располагалось несколько больших и малых городов. На северном берегу озера находился город Капернаум; он стоял на большой караванной дороге из Газы в Дамаск.

Расставшись с Мардовием Вавилонянином, Йешуа Назорей гостил в Кане Галилейской, где снискал большую известность среди жителей. Небольшая группа учеников окружала его и ловила каждое его слово: Иоханан Ессей, любимец Учителя, и брат его Иаков, к которым пришла их мать Саломея, почтенная вдова Заведя, разделявшая преклонение её сыновей перед Назореем; братья Андрей Рыбак и Симон Зелот, прозванный Петром; странник Фома, мытарь (публикан) Матфей, Варфоломей и ещё несколько молодых людей. Кро-

ме того, слава о чудесных исцелениях магнетически притягивала к Назорею всякого рода нищий люд, которым всегда была полна Палестина: слепых, хромых, увечных... Нескольким человекам он помог, одного или двух исцелил, остальных просто кормил, и нищие, составлявшие, как всегда и везде, особое братство отверженных и презренных, ещё далее разносили многократно умноженную славу о чудесах, которые творил Йешуа Назорей.

Порядочные люди с отвращением смотрели, как человек, знающий Закон и пророков, сведущий в искусстве врачевания и слывающий мудрым, возится с таким грязным сбродом. Иные даже говорили об этом Назорею, порицая его за столь низкие связи и знакомства.

Но упрямец отвечал чудовищными парадоксами, ставя этот сброд и этих колченогих шакалов, вечные отбросы Палестины, превыше благородных, превыше знатных, превыше тех, дома коих цвели благодатью Божией.

В конце зимы под охраной нескольких друзей и родственников, в Кану к Йешуа приехала его мать Мариам, женщина необыкновенная.

Маленького роста и нежного сложения, она сохранила на всю жизнь горячий и наивный блеск глаз — чёрных еврейских глаз, подобных тем, которые испокон веков сводили с ума чужеземных властителей. Видно было, что в молодости эта женщина блистала замечательной красотой. Сейчас ей было сорок семь или сорок шесть лет, в волосах её сверкала седина, но вдова Иосифа Плотника и на пороге последнего женского века поражала своею нежностью и миловидностью.

И при такой миловидной нежности Мариам отличалась могучим, несокрушимым сердцем, и её всегда переполняла любовь, не ведающая усталости. *Терпеливая любовь.*

Не только любовь к людям, но и любовь к овцам, коровам, ослам, особенно же любовь к ягнятам, телятам, осятам, верблюжатам, любовь к птицам, любовь к мотылькам, даже к цветам, деревьям, травам; короче, то была любовь ко всему, что рождается, растёт и умирает.

На первый взгляд, Мариам и её сын Йешуа Назорей ни в чём не были похожи друг на друга.

При втором взгляде можно было заметить, что глаза Йешуа похожи на глаза его матери.

И руки его были похожи на руки матери.

Наконец, услышав их речи между собой, поняв эту встречу требовательной любви Мариам и суровой нежности её сына, зоркий наблюдатель мог бы прийти к выводу: всё жизненное поведение Йешуа Назорея, его нрав, его душа — всё в нём происходило от этой хрупкой и негибавшей женщины, которая в сорок шесть лет оставалась такою же девочкой, как и тогда, когда седой Иосиф впервые услышал её песню и остановился на дороге...

Приехав в Кану и сразу же найдя дом Симона Зелота, где жил Йешуа, Мариам обняла сына, вышедшего ей навстречу, и после первых же приветствий сказала:

— Я привезла тебе побитого человека.

Йешуа повернул голову и увидел, как его двоюродные братья снимают с осла огромного рослого человека в окровавленных лохмотьях; голова человека, обмотанная грязной тряпкой, болталась из стороны в сторону.

— Где ты нашла его, матушка?

— Он лежал без памяти на дороге, лицом к Кане Галилейской.

— Внесите его в дом, братья мои! — крикнул Йешуа.

Симон Зелот подошёл к нему, и пепельное лицо его сразу поразило всех присутствующих. Он стучал зубами и озираясь.

— Что с тобою, Пётр? — спросил Назорей.

— Йешуа, я узнал его, — дрожащим голосом сказал Симон Пётр и проглотил слюну. — И ты тоже знал его ранее. Это араб, один из близких людей пророка Иоханана Предтечи.

Тень скорби омрачила лицо Назорея.

— Ты прав, — сказал он, взглянув на раненого, которого как раз вносили в дом. — Вели скорее принести чистой воды, я обмою его раны. Матушка, ты привезла те травы и корни, о которых я просил?

— Да, сын мой, вот мешок с этими зельями.

Мать и сын вошли в дом. На мгновение придя в сознание, араб стонал и бредил, когда с него срезали его лохмотья.

Йешуа обмыл его раны, смазал их своим желтовато-зелёным зельем и велел своим ученикам влить в рот раненому несколько капель пальмового вина. Араб поперхнулся и судорожно проглотил вино. Глаза его открылись вновь.

Он лежал нагой в тесной комнатке бедного еврейского дома, над ним склонялось заботливо-суровое лицо врачевателя, у дверей жались незнакомые люди.

— Мир тебе, хаким! — прохрипел араб.

Он узнал гостя своего пророка.

— И тебе мир, брат мой!

— Я шёл к тебе, — шепнул араб.

— Ты пришёл, — ответил Йешуа. — Где Иоханан?

— Наби в руках злых. Шейх Антипа взял его.

Стон ужаса вырвался из уст всех присутствующих.

— А где же твой народ? — спросил Йешуа.

— Мои братья ушли в пустыню за три дня до этого...

Араб еле-еле говорил.

— Мы не чуяли беды... Наби тужил, но ничего не сказал нам... Мы не знали...

Йешуа положил руку ему на голову:

— Отдыхай, сын пустыни. Ты среди друзей.

Он вышел из дома.

— Пусть никто не беспокоит его, — сказал он. — Одному человеку надо сидеть рядом с ним и давать ему пить.

— Он будет жить? — спросила Мариам.

— Если на то будет воля Бога, — ответил ей сын. — Кости целы, только сломаны три ребра, и он потерял много крови. Сейчас ему нужен покой.

Йешуа повернулся к своим ученикам:

— Андрей и Фома, ступайте в Тибериаду. Нужно узнать, где Иоханан и какова его судьба. Из Тибериады не возвращайтесь сюда, в Кану. Ступайте в Капернаум, я буду там.

В тот же день Назорей со своей матерью и со всеми своими людьми, кроме Андрея и Фомы, оставил Кану Галилейскую и переселился на берег Геннисаретского озера, в город Капернаум. Больного араба он оставил в Кане до исцеления.

В Капернауме Учителя отыскивали Андрей и Фома по возвращении из Тибериады. Они лишь подтвердили то, о чём уже шумела вся Галилея: пророк был схвачен людьми тетрарха.

— Где он сейчас?

— В Махероне, о Учитель.

Махерон (то есть Меч) — так называлась неприступная крепость, поставленная, подобно стражнику, у самых границ Аравийской пустыни ради предупреждения набегов арабов-кочевников. Сильный гарнизон Махерона, его грозные стены и башни делали нереальной всякую мысль о том, чтобы вызволить пророка из узилища.

«Иоханан Предтеча схвачен! Иоханан в Махероне!» — разнеслось по всей Галилее и даже за её пределами.

Специальный конный отряд, посланный из Тибериады, захватил Иоханана на Иордане благодаря неожиданному нападению. Сторонники пророка, его «купальщики», остались зимой при нём в малом числе, около тысячи; после короткой, хотя отчаянной схватки тибериадский отряд рассеял людей пророка и взял его самого. На месте разорённого лагеря осталось до двухсот трупов; нападающие потеряли не более тридцати человек.

Сирийский легат Вителлий, секретно предупреждённый об этой важной операции и давший на неё согласие, выделил в помощь войскам тетрарха галилейского три центурии римских воинов, что считалось очень значительной силой.

Вся Галилея кипела, но разрозненные волнения укрощались силой оружия; к тому же известие об аресте пророка распространилось как раз перед началом пахоты, и земледельцы не бросили сохи.

Ненависть к режиму и к Идумейской династии повысилась ещё на несколько градусов, но глашатай этой ненависти томился в подземелье Махерона; не слышно стало голоса пророка, и владыкам Тибериады казалось, что в Галилее стало спокойнее. Так они уподобились неразумной птице пустыни, которая при нападении охотников прячет голову в песок и, не видя врагов своих, полагает себя в безопасности. На самом деле, их положение стало ещё более шатким: Вителлий имел свои каналы информации и знал, как бурлит Галилея. Крупное восстание могло бы привлечь внимание Рима и повредить карьере самого Вителлия. Поэтому он серьёзно обдумывал вопрос о смене власти в Тибериаде.

Араб, бежавший из Енона к Йешуа, выздоровел и тоже пришёл в Капернаум. Он застал в окружении Назорея нескольких своих друзей из людей Иоханана.

Йешуа как бы становился естественным продолжателем дела Предтечи. На нём лежал отблеск славы Иоханана. Кроме того, его уже окружала и собственная слава. Число его сторонников росло; появлялись новые люди.

В один весенний день очередной иудейский фанатик, приставший к молодому братству, корчась и пуская пену изо рта, объявил, что Йешуа Назорей — это и есть сам Иоханан Креститель, Предтеча Мессии, а в Махероне сидит другой.

Йешуа отвернулся от безумца. Все эти слухи вызывали в нём только досаду. Но слухи расходились, как от камня, брошенного в воду.

Гигант-араб из людей Иоханана пришёл к Учителю мрачнее тучи.

— Иса Аль-Хаким! — сказал он. — Мне тяжело жить среди ваших гор без моего пророка. Отпусти меня к братьям моим.

— Ступай с миром, сын пустыни, — ответил опечаленный Йешуа.

И араб ушёл к своему народу. Он поведал братьям, что сам Иса Аль Хаким мудр и велик, однако его окружают безумцы.

По сей день в океане ислама живёт арабское племя мандеев, для которых величайшим пророком Господа остался Яхья Аль Наби, Иоханан, сын Захарии; того же, кого ныне зовут во всём мире Иисусом Христом, мандеи считают самозванцем.

Но Иисус Христос — вернее, Йешуа Машиах — сам никогда не называл себя «Машиахом», Мессией. Он ни разу не заявил, что происходит от царя Давида, как это заявляли многие самозванцы Иудеи и Галилеи.

Подобное самозванство было совершенно в обычае эпохи: политическая формула, некий пропагандистский приём — не более.

Йешуа Назорей всегда называл себя сыном Иосифа Плотника. Но уже в деревнях Галилеи старики, роясь в вековых записях, выискивали предков Иосифа и возводили его родословную к царю Давиду.

Ведь Йешуа родился в Вифлееме Давидовом и жил в Египте. Недаром сказано пророком Осией: «От Египта воззвах сына моего».

Составленные уже сто лет назад и беспрестанно обновлявшиеся сводки пророчеств о приходе Мессии переписывались и ходили по рукам. Книжные люди вслух читали их толпам, и любой пастух знал наизусть пророков Израиля, предсказавших Мессию.

Вся их жизнь состояла в ожидании Мессии. Что мог поделать Йешуа против пламенной веры целого народа, искавшей свой предмет?

Он называл себя целителем, терапевтом, но ему не верили. От него ждали большего. Каждое слово его толковалось символически, каждая удачная хирургическая операция или исцеление душевнобольного провозглашались чудом.

Под давлением народного волнения он сделал решительный шаг. Вскоре после ареста Иоханана он начал открытую проповедь своего учения — того самого, которое отчасти изложил Иоханану и отчасти Мардухаю из Вавилона.

И как раз в ту весну к Йешуа прибыл удивительный гонец. В Капернаум приехал связной от Иоханана.

Влияние пророка было так сильно, что даже охранники Махерона (из числа евреев) помогали ему тайно сноситься с внешним миром.

Гонец попросил у Назорея принять его без свидетелей.

— Иоханан шлёт тебе свою любовь, Йешуа, сын Иосифа.

Йешуа с почтением принял приветствие пророка.

— Иоханан спрашивает у тебя, о Йешуа: «Ты ли Тот, который должен прийти, или ожидать нам другого?»

— В третий раз! — прошептал Йешуа, погружаясь в задумчивость. — Господь не дал ему понять. . .

Он думал долго и не дал пророку никакого ответа. *Ответа быть не могло.*

Связной из Махерона остался в Капернауме, среди людей Йешуа Назорея. Этот красивый молодой иудей с огненными глазами, тонкими усиками и первой бородкой (звали его Иуда, обычное и распространённое имя), обладал врождённым даром располагать к себе сердца людей. Он всем нравился своим умом и весёлым нравом.

Один лишь Иоханан Ессей (кстати, тоже красавец) питал к Иуде глухую ненависть. И потомок Иссахара чувствовал это.

XI.

И снова было тревожно в Тибериадском дворце.

Тетрарх поддерживал постоянную переписку с Иерусалимом и Антиохией. Он знал о каких-то необоснованных сомнениях Виттеллия, о затруднениях префекта Понтия с самаритянами. В самой Тибериаде не было ничего утешительного. По ночам на стенах домов появлялись надписи, позорящие особу царицы Иродиады. Была совершена попытка отравления Эвбула Финикийца: он отделался сильным несварением желудка и казнил своего повара. Скорее всего, повар был невиновен. Может быть, и яда никакого не было, Эвбул — известный обжора. . .

Царствующая чета регулярно получала сведения из Махерона. Иоханан держался неукротимо в своём каменном мешке, и стража боялась его. Силы его не убывали: то ли, вопреки личному приказу тетрарха, его кормили лучше, чем он того заслуживал, то ли он и в самом деле привык обходиться почти без пищи. Тетрарха мучили сомнения и страхи.

Уже наступила весна, в этом суровом краю особенно чудесная. И в один из первых дней весны в Тибериаду пришёл Иуда, потомок Иссахара, посланный из Капернаума таинственным ессеем Йешуа с поручением к одному из тибериадских друзей.

Недели не прожил Иуда в Капернауме, а ему уже доверялись секретные поручения. То, что он принёс привет из Махерона, служило наилучшей рекомендацией Иуде.

Он быстро выполнил поручение Учителя, но, прежде чем оставить Тибериаду, познакомился с женщиной.

Он провёл ночь в загородной резиденции близ Тибериады, на ложе царицы.

Иродиада всерьёз влюбилась в молодого лазутчика. Она позволила себе увлечься тою жгучею страстью, которую всегда вызывают юнцы у много испытавших женщин.

— Мой возлюбленный, мой Адонис! — шептала она, мешая арамейский язык с греческим койнэ. — Как сильны твои объятия, как горячи поцелуи!

Раздуваясь от гордости, Иссахариот гладил её тяжёлую грудь, её пышные бока со складками, покрывавшими друг друга. На её смуглом идумейском лице словно горел пожар; тело её, набелённое и покрашенное, источало обильный пот, и острый запах его смешивался с ароматами нарда и мирры. Они вместе пили вино и перемежали поцелуи обсуждением предстоящих интриг.

Под утро они выработали план новой операции.

— Ты выведешь Йешуа и его людей на караванную дорогу из Газы в дамаск; в сорока стадиях от Капернаума к югу есть развалины крепости, которую разрушил ещё Навуходносор. Заведи их поближе к этим развалинам. Там будут ждать сорок воинов.

— Как мне выманить Назорея из Капернаума?

— Я снесусь с моими родственниками в Иерусалиме, дабы Йешуа Назорей получил приглашение от тамошних мудрецов приехать для прения о вере. Но он никогда не доедет до Иерусалима. Он исчезнет вместе с людьми его.

— Он исчезнет тайно?

— Он пропадёт, как песчинка в пустыне, и след его затеряется. Хватит нам хлопот с Лже-Илиёй. Пусть Галилея забудет врачавателя, оживляющего мёртвых. О времени мы сговоримся позже.

— Да будет так, царица.

— Не называй меня царицей, — шепнула она.

— Слушаюсь и повинуюсь, моя Астарта, — ответил Иуда Иссахариот, целуя Иродиаду.

Воспламенённая нежностью его голоса, она опрокинула его навзничь и села на него верхом. Гора сладкого смрадного тела, оплывающего белилами и румянами, возвысилась над юношей, и они вступили в последнюю любовную схватку.

Уже занималась розовая весенняя заря, когда Иуда, вновь переодетый аравитянкой, покинул виллу Иродиады.

В укромном месте он сбросил женский наряд и надел свою обычную одежду, а затем неторопливо отправился в сторону Капернаума. Утро было прекрасно, жизнь улыбалась Иуде.

Прежде, чем он вышел на дорогу к Капернауму, ему повстречался пышный кортеж: вооружённые люди сопровождали изящный паланкин, который несли огромные, неутомимые рабы — лектикарии. Кортеж направлялся к вилле Иродиады.

Когда разукрашенные золотом носилки проплывали мимо Иуды, пурпурная занавеска на миг отодвинулась.

Её приподняла маленькая белая ручка, охваченная в запястье золотым браслетом с зелёными драгоценными камнями, которые называются «кошачий глаз».

Иуда увидел внутри паланкина сонное полудетское личико с пухлыми губами, обрамлённое чёрными кудрями. Его поразила не только изумительная, весенняя прелесть этой девочки, но и то, что в лице её он заметил что-то знакомое.

Вдруг на прелестном личике распахнулись два глаза и ударили Иуду в сердце. У сонной девочки оказались глаза молодой тигрицы.

И он понял, что ему показалось знакомо в этом лице: девушка была похожа на Иродиаду.

Так вот она какова, царевна Саломея!

Почему она пустилась в путь на ранней заре?

Занавеска паланкина упала; воин, ехавший верхом на муле, ударил засмотревшегося Иуду древком своего копья.

Иуда закрыл голову руками и кинулся прочь.

Несмотря на боль и страх, он усмехался. Если бы этот дурень в медной каске знал, откуда идёт ранний путник, которого он отогнал подальше от глаз царевны!

Но почему Иродиада так срочно вызвала свою дочь?

Он вспомнил, что ночью царица сердилась на Ирода Антипу, упрекая его в робости перед пленным Иохананом. Он вспомнил и то, что родственники Иродиады съезжаются в гости к тетрарху галилейскому.

По-видимому, ожидалось какие-то важные решения. Но какие?

Теряясь в догадках, Иуда шёл в Капернаум и вспоминал сонное личико в паланкине, красоту маленькой руки и зелёный отлив камней её золотого браслета.

В Капернауме он рассказал Учителю о выполненном поручении и о том, что Иродиада вызвала к себе дочь свою Саломею, с которой состоит в переписке.

Эвбула Финикийца пытались отравить, и он распял повара. Римляне больше не ходят по Тибериаде менее, чем всемером. На рынках передают вести от Иоханана. Узник подтверждает, что час уже близок, что Мессия скоро явится, *что он, быть может, уже пришёл.*

Через неделю стало известно, что тетрарх Ирод Антипа с женою и двором отправился в поездку с целью инспекции пограничных крепостей. С ним едут гости; его сопровождает войско.

ХII.

Наступила весна; воркованье голубей будило по утрам маленький захолустный Капернаум. На скамье у дверей низкого дома, в редкой ещё тени старой смоковницы, сидел Йешуа, сын Иосифа. Два маленьких мальчика устроились у него на коленях, два других прилепились к нему по сторонам; Йешуа рассказывал им сказки и напевал шутливые песни. Несколько нищих, сидя поодаль, не сводили с него глаз. Женщины, проходя с кувшинами за водой, с почтением приветствовали Назорея.

Звон бубенцов раздался на улице; всадник на муле ехал со стороны городских ворот и расспрашивал, где живёт Йешуа Назорей. Всаднику тотчас указали на низкий дом и скамью у ворот, где дети, с пальцами в устах, упивались сказкой красивого человека с чёрной бородой и длинными волосами.

Удивлённый всадник сошёл с мула и неспешно приблизился. Йешуа, окончив сказку, ссадил мальчиков с колен и поднялся навстречу незнакомцу. Тот отвесил низкий поклон.

— Мир тебе, мудрый человек.

— И тебе мир, странник. Будь моим гостем.

— Увы, мудрец, я прибыл к тебе только гонцом, и мне велено скорее возвращаться обратно.

— Тогда скажи, в чём твоё послание.

— Я приехал по просьбе моего брата, он живёт в Магдале. Брат мой богат и знатен, а в доме его живёт женщина, которую он любит, как свою собственную душу. Полгода назад эта женщина начала грустить и плакать, а с недавних пор впала в буйство и сделалась словно бы помешанной. Мы боимся, это в неё вселились бесы... Если бы ты, о Назорей, сумел изгнать из неё бесов, то — мой брат человек богатый — мы могли бы...

Йешуа сделал ласково-небрежный жест, и вестник в смущении умолк и опустил голову.

— Зачем ты сулишь мне награду, человек из Магдалы? И почему вы с братом не привезли одержимую сразу ко мне? Ты что-то скрываешь от меня...

— Это правда, господин мой! — смущённо проговорил вестник. — Больная женщина прежде жила в Иерусалиме, где не блюла своей чистоты, и оттуда ей пришлось бежать на родину, в Галилею, потому что её обвинили в богохульстве. Ты человек святой жизни, а мы...

— Кто обвинил её?

— Молодой и богатый купец из колена Вениамина, известный своею склонностью к вину и веселью. Он домогался её любви, она же прогнала его.

— Значит, эта женщина не была так уж дурна. Как её имя?

— Мариам.

— Привезите её завтра после полудня.

Они распрощались, и вестник, напоив мула, тихим шагом отправился обратно в Магдалу — один из городов на берегах Геннисаретского озера.

Йешуа в задумчивости вошёл в дом. Женщины готовили обед, пахло кухонным чадом; ученики Назорея, собравшись на крыше дома, спорили о вере и размахивали руками. Только

молодой ессей Иоханан не принимал участия в прении: вертя в руке цветок, он другою рукой развёртывал какой-то дряхлый свиток. Ничто вокруг — ни птичий грай, ни крики его сотоварищей — не мешало Иоханану читать книгу. Он умел среди мира замыкаться от мира.

Симон-Пётр, сверкая глазами, наступал на Иуду: он цитировал Предтечу и настаивал на близости великих потрясений. Красавец Иссахариот с тонкой скептической улыбкой на губах опровергал все запальчивые тезисы Зелота и ловко играл изящными аргументами. Остальные разделились за Симона и за Иуду.

Йешуа, человек дела, не любил подобных споров.

На следующее утро после полудня небольшой караван прибыл в Капернаум и остановился перед домом Йешуа. Молодой человек в богатой одежде, преждевременно располневший и очень печальный, сошёл с мула и почтительно приветствовал Назорея.

— Меня зовут Товия, сын Исаака, — сказал он, — и я привёз к тебе несчастную Мариам. Я знаю, ты не хочешь брать денег за лечение, но я привёз для тебя и твоих учеников немножко мяса, хлеба и фиников. Прими их в дар, святой человек.

Простота богача понравилась Назорею. По его знаку ученики помогли невольникам Товии разгрузить ослов; половину даров Йешуа приказал тотчас отдать беднякам Капернаума. Между тем, брат Товии высадил из закрытых носилок молодую женщину с бледным лицом, которая мигала и щурилась от солнца. Сам Товия, сын Исаака, стоял в стороне, спиною к женщине, и на лице его Йешуа явственно читал сокрушение.

— Введите её в дом! — сказал Йешуа.

При звуках его голоса женщина дёрнулась и подняла голову, но тотчас брат Товии и трое невольников схватили её и силою повлекли её в дом; задрав голову и по-собачьи оскалив зубы, она вдруг завизжала и пронзительно *залаляла*.

— Я вижу, Товия, твой вид несносен ей, и ты стараешься не попадаться ей на глаза, — заметил Йешуа.

— Да, это правда, — печально ответил Товия. — Сможешь ли ты исцелить её?

— Смогу, — ответил Йешуа, — но она не вернётся к тебе.

— Почему же? Ведь я так люблю её.

— Потому что её болезнь — одной природы с твоею любовью.

На глазах Товии показались слёзы, но он сдержал их.

— Я чувствую, что ты говоришь правду, мудрец, — прошептал он.

— Её мучат бесы злой любви. Я изгоню их, но она, будучи здоровой сама не захочет к тебе вернуться.

— Ты сделаешь её своею наложницей?

Йешуа медленно улыбнулся.

— Неужели ты думаешь, что у меня нет иных дел, кроме любовных утех с женщинами? — с бесконечным терпением спросил он.

— Прости меня, добрый Назорей, я сказал не подумав.

Товия провёл пухлой ладонью по своему доброму, капризному лицу и со вздохом решил:
— Изгони из неё бесов, и пусть будет, что будет.

— Ты добр, Товия, — сказал Йешуа, — но всё же надеешься, что по исцелении она возвратится к тебе.

Маленькие глазки Товии испуганно уставились на Йешуа. Товия покраснел и ничего не ответил. Он впервые почувствовал на себе удивительную силу человека, читающего мысли других людей.

Не сказав Товии ни слова больше, Йешуа повернулся и вошёл в дом, где слышались дикие крики женщины, одержимой бесами.

— Приготовьте мне кувшин холодной воды, женский гребень, чистый плат или два, — сказал он женщинам своего дома.

— Так, может быть, и зеркало? — спросила вдова Мариам, мать Назорея.

— Нет, зеркало не нужно, — ответил он матери. — Зеркало может напугать её и совсем свести с ума. Позаботьтесь о том, чтобы никто не приближался к комнате, пока я буду с бесноватой.

Он вошёл в комнату, где брат Товии и его невольники крепко держали бесноватую Мариам, которая билась и кричала в их руках.

Йешуа взял со стола горящий светильник и приблизился взглянуть на женщину. Она была одета с безумной яркостью, разукрашена массой дешёвых украшений, среди которых, однако, попадались и подлинные драгоценности. Зубы её были оскалены, глаза полузакрыты, пышные и густые волосы в беспорядке метались и вились вокруг лица, исцарапанного до крови ногтями.

Её волосы казались чёрными, но Йешуа различил в них красивый медный отлив: очень тёмные рыжие волосы.

— Где вода? — крикнул он.

От его крика бесноватая Мариам забилась ещё сильнее.

— Несу, сын мой, — ответила мать Назорея.

Она вошла с кувшином, а Саломея, мать Андрея и Симона, принесла гребень и полотенца.

— Несчастная женщина! — тихонько сказала вдова Иосифа, разглядывая бесноватую. — Как она дурна!

Мариам из Магдалы слышала этот полушёпот и жалобно завывала.

— Теперь ступайте все прочь, — сказал Йешуа. — Оставьте меня с этой женщиной и не мешайте мне. Пусть никто не входит и не заглядывает сюда.

Не без удивления приезжие из Магдалы выпустили свою больную и вышли вместе с Мариам Вдовой и Саломеей, вытирая пот со лбов и тихонько переговариваясь между собой.

Йешуа остался наедине с Мариам из Магдалы. Она покатила на пол и забилась в судорогах; крики, вой, лай непрерывно изливались из её уст. Вдруг Йешуа схватил кувшин с водой и до половины выплеснул его в лицо Мариам.

Тотчас наступила тишина. Женщина медленно уселась на полу, тряся мокрыми волосами и ошеломлённо глядя на Йешуа.

— *Какой красавец!* — хрипло сказала она, словно впервые увидела его. — *Откуда ты пришёл?*

Её жуткий белый оскал на потемневшем, расцарапанном лице превратился в плутоватую усмешку, не лишённую даже приятности. Весьма спокойно подняв руки, она взялась за своё платье, резко разорвала его и оголилась до пояса. Тело её, несмотря на болезненную худобу, всё ещё поражало правильностью пропорций, грудь была крепкая, совершенно девичья, с тёмными и мохнатыми сосками.

Йешуа взял полотенце и стал крепко вытирать её волосы. Он не глядел на неё и, казалось, думал о чём-то своём. Ошеломлённая женщина сидела тихо; она закрыла глаза и словно дремала.

— Ай! — вскрикнула вдруг она. — Ты делаешь мне больно!

Голос её звучал по-прежнему хрипло, но удивительно тоненько и звонко, словно голос маленькой девочки.

— Нужно вытереть волосы насухо, дочь моя, — спокойно ответил Йешуа, глядя по-прежнему поверх её головы и повторяя свои мерные движения.

Опять наступило молчание, затем Мариам открыла глаза:

— Они уже сухие.

Йешуа отложил плат и дал ей в руки гребень:

— Причепи свои волосы, дочь моя.

Она принялась расчёсывать волосы, старательно и неумело, как малое дитя. Гребень застревал в её роскошных, но дико запутанных космах. Вдруг она капризно пролепетала:

— Не хочу чесать волосики, пусть меня причешет матушка.

— Ты же знаешь, — строго ответил Йешуа, — что матушка ушла в сад и вернётся только к вечеру.

Обиженно сопя, Мариам продолжала причёсываться. Постепенно движения её замедлялись, она словно дремала. . . Йешуа сел на скамью Мариам, уронив гребень и откинув голову, мутно посмотрела на него из-под влажных полуопущенных ресниц.

— Отец, — сказала она, — возьми меня на колени.

Он важно протянул к ней руки, принял и усадил на колени. Мариам съёжилась, стараясь занять как можно меньше места, обвила рукой его шею, а другой рукой взяла его за бороду и стала перебирать её вялыми пальцами.

Тихим, низким голосом он запел колыбельную песенку. Сонно улыбаясь, женщина потёрлась грудью о его грудь. *Она просто почесалась* : оба не замечали её наготы. И как только она это сделала, соски её совсем уяли, возбуждение полностью оставило её.

— Ты не сердись на меня, отец? — пробормотала она.

— Нет, дитя моё, — легко и безразлично ответил он. — А за что мне на тебя сердиться?

— *Я не помню*, — ответила она слабым шёпотом.

Йешуа продолжал напевать, но всё тише и тише. Потом посмотрел ей в лицо и умолк. Мариам крепко спала.

Осторожно подняв её на руки, он вынес её в соседнюю комнату, которая служила спальней для женщин. Обе вдовы, Мариам и Саломея, вскочили при его появлении. Движением бровей он приказал им молчать.

Втроём они уложили спящую на мягко застланное ложе, накрыли её и отошли на цыпочках.

— Она будет спать долго, — прошептал Йешуа на ухо матери. — Поставьте в изголовье её цветов в кувшине с водой, лучше всего лилий. Когда проснётся, ни о чём её не спрашивайте и займите не слишком тяжёлой работой.

— Что ты с нею сделал, сын мой?

— Я вернул её обратно в детство, когда она не знала греха.

— Зачем?

— Грех и стыд — причина её болезни. Я думаю, этот добрый толстяк Товия из Магдалы поил её вином с шафраном, которое горячит кровь, и она предавалась ему без любви. В ней поссорились тело и душа.

— Так значит, она — дитя? — спросила Мариам, вдова Плотника.

— Да, матушка, она дитя, но это скоро пройдёт. Однако она сохранит навсегда отвращение к греху и лжи.

— Ты изгнал бесов?

— Изгнал, матушка. С нею это оказалось легче. . .

Мариам снова подошла к ложу, на котором покоилась её соименница. На лице спящей застыла удивлённая улыбка, ровные дуги бровей высоко поднялись. Она дышала тихо и ровно.

— *Как она хороша!* — шепнула Мариам.

Йешуа Назорей вышел из дому. Товия и его брат, сидевшие в тени старой смоковницы, тотчас вскочили на ноги.

— Она спит, — сказала им Йешуа.

— Спит? — поразился Товий. — Она не спала семь дней.

— Она спит и будет спать долго. Хотите взглянуть на неё? Обещайте не говорить ни слова.

Он ввёл их в покой, где безмятежно спала Мариам Бесноватая. При виде её улыбающегося и уже порозовевшего лица Товия в немом изумлении воздел руки. Мать Йешуа без церемоний прогнала мужчин.

— Это чудо! — воскликнул Товий, оказавшись на улице. — Она свежа и чиста, как семилетний ребёнок!

— Запомни, добрый человек, ты видел её в последний раз! — сказал Йешуа. — Не пытайся встретиться с нею вновь, ибо если бесы снова овладеют ею, она убьёт тебя. Отыди с миром, и Господь воздаст тебе.

— Так я и сделаю, — отвечал Товий.

Люди из Магдалы с видом глубочайшего почтения простились и уехали домой.

Йешуа сказал матери:

— Я чуть не забыл ещё одно: нельзя, чтобы она проснулась в темноте. Пусть в спальне всегда горит светильник. Ей нельзя пугаться. Я оставляю её на твоё попечение.

— Ты уходишь?

— Мы пойдём по всей Галилее нести людям слово истины. Иоханан в Махероне: нужно или вызволить его, или заменить.

— Когда мне ждать тебя?

— Не тревожься, я пошлю тебе вести с дороги.

Он обернулся к подошедшему Симону:

— Где мой посох?

XIII.

И снова Йешуа со своими учениками обходил Галилею. Слава шла впереди него. У Галилеи нашёлся новый пророк.

И о нём тоже много спорили, как и об Иоханане, сидевшем в темнице Махерона. Иродиане и просвещённые городские жители, проводя время в цирке или термах, много спорили о новой народной знаменитости. Они сходились на том, что Йешуа Назорей — очень искусный врач, который напрасно вмешался в политику.

Народ видел в нём уже не просто врача, а чудотворца. Арабы, которых тогда много жило в Галилее, называли Йешуа ещё одним пророком Божиим. Самые крайние zelotes, беглецы из Енона и фанатичные поклонники Иоханана Предтечи, клялись и божились, что Йешуа — это и есть Иоханан, а в Махероне сидит Эрмий, беглый воин из войска тетрарха галилейского; говорили, что во время внезапного захвата Енона Эрмий, спавший у порога чёрного шатра пророка, был ошибочно принят за него и схвачен, сам же пророк спасся: он-то и проповедует под именем Йешуа.

И совсем уже тихо, робко, неуверенно расползался безумный слух, что Йешуа из Вифлеема — это и есть Мессия, предсказанный пророками. Над этим слухом посмеивались, а сторонников Йешуа Назорея он просто сердил. Многие уже знали Йешуа, многие ели и пили с ним, слушали его притчи и загадки: ну, какой же он Мессия? Это наш человек — простой галилеянин.

Эллины, тоже жившие в Галилее, держались нейтрально, осмеивали рассказы о воскресениях мёртвых и ставили под сомнение происхождение чудотворца именно из города Вифлеема; утверждали, что этот врач родился где-то в Галилее, что его отец был в том возрасте, когда уже боги не даруют детей, а мать была опасно хороша собой... Но эти фривольные намёки были возможны только между эллинами, да и то вполголоса: евреи

за такие слова могли и рёбра переломать, а то и свернуть шею (смотря на кого попадёшь). Даже продигане не смели произносить таких шуток.

А Йешуа обходил Галилею. В любом городе или селении для него и его учеников находились кров, сыр, хлеб и финики. Более он ни в чём не нуждался. Денег у него никогда не было.

Утверждали, что он никогда не держит их в руках, не прикасается ни к золоту, ни к серебру. Это было выдумкой, он не боялся прикасаться к деньгам и не давал обета избегать золота. *Он просто не нуждался в деньгах.* Этот вечный гость всюду обходил малым, а потому и не знал ни в чём недостатка.

Однажды в горах Галилеи он и его спутники сбились с дороги и заночевали с пастухами. Ученики Назорея собрались у костра, Йешуа лёг чуть поодаль, глядя на звёзды. Ему почему-то вспомнился Мардохай Вавилонянин, этот странный мудрец, ставивший звёзды превыше Бога. Кажется, Йешуа посеял сомнения в душе забавного этого звездочёта. Затем он неожиданно подумал, что Симон Кананит томится и скучает: он любит опасность, ему не хватает тайны и риска. Нужно будет послать его в Иерусалим... С нежностью подумал об Иоханане, своём названном брате-есее: мальчик растёт, мужает, у него светлый ум. И с этими мыслями Йешуа уснул.

В ту ночь ему приснился удивительный сон.

Ему снилось, что он маленький ребёнок, младенец, едва начавший ходить; он ещё не умеет говорить, но всё видит и понимает. Он сидит под пальмой и играет в песочке, а мать его печёт лепёшки, хлопоча у очага под навесом. Отец ещё не построил дома, но в это время года сойдёт и навес. Небо наверху бледно-голубое, словно разморённое жарой, как человек; за Нилом виднеются пирамиды. Там Запад, там смерть, там зло.

А здесь хорошо, здесь тень от пальмы и мягкий песочек. Мать близко, уже пахнет горячими лепёшками, мать разжует лепёшку и даст ему, хотя он мог бы жевать и сам, у него уже растут зубки. Но пусть будет так, как хочет она, милая, добрая и родная.

Йешуа играет и видит, как идёт к воде девочка из селения с кувшином на голове. Эту девочку он знает, она добрее других язычниц, и вчера дала ему цветок. На шее у неё бусы, цветные камушки; девочка уже большая, её бедра шире плеч, а руки сильны и толще, чем у матери Йешуа. Сын деревенского писца часто останавливает эту девочку и подолгу разговаривает с ней, но она не любит его и потихоньку смеётся над ним с подругами, она любит Йешуа, хотя он - ребёнок пришельцев и обрезан по обычаю его веры. Она любит маленького Йешуа, потому что вчера она дала ему цветок.

Вот девочка раздевается, чтобы не замочить одежду, и входит в Нил набрать воды почище: у берега она слишком илистая.

Наполнив кувшин, она выносит его на берег и ставит под пальмой, до половины зарыв в песок. Йешуа смотрит, как вода течёт по её гладким бёдрам и смуглым ногам.

Девочка решает ещё раз зайти в Нил и искупаться.

И тут Йешуа видит, как в реке всплыли шаровидные глаза крокодила, старого убийцы, укравшего козу его матушки.

Йешуа бежит за девочкой и ловит её за ногу, чтобы остановить.

— Чего тебе, маленький еврей? — спрашивает она.

Он открывает рот, что-то кричит, указывает на реку и машет ручками.

— Нет-нет, не проси, — отвечает девочка, — я не возьму тебя купаться.

Он кричит ещё отчаяннее, но она не понимает его. Со смехом она входит в воду и плывёт.

Из Нила показывается длинное зеленоватое тело; девочка заметила его, в ужасе бросается к берегу. . . Она уже по пояс вышла из воды. . . Но старый убийца плывёт быстрее. Ударом всего тела он сбивает её с ног: Йешуа видит её открытый рот, её мелькающие руки и раскрывающуюся пасть крокодила. Он плачет взахлёб, и на его плач бежит испуганная мать.

— Что с тобою, свет моих очей? — спрашивает она на бегу.

Он показывает ей на реку и отвечает сквозь слёзы:

— *Злой старик поймал мою девочку.*

Мать закрывает ему глаза ладонью, но он успевает увидеть, как крокодил, уволакивая девочку, выедает у неё грудь.

— Иосиф, Иосиф, горе! — кричит мать

Отец спешит на зов, а с ним огромный и могучий человек в верблюжьем плаще, опоясанный толстым ремнём; он держит в руках крепкую заострённую палку.

Большой человек вбегает в воду, хватается крокодила, разрывает ему пасть и втыкает в глотку острую палку. Но девочка уже мертва, и человек выносит из Нила обезображенное тело.

— Иоханан, ты убил крокодила! — в ужасе говорит мать Йешуа.

И хор гневных, обвиняющих голосов вторит:

— Презренный еврей, ты убил крокодила!

Толпа язычников с мечами и копьями наступает на Иоханана. Он мог бы ответить им, что спасал их же девочку, но он не говорит ничего, только с глубоким презрением смотрит на них.

— *Еврей убил крокодила!* — кричат уже тысячи голосов.

И тут выходит сам фараон с боевой секирой, в золотой одежде. С ужасной злобой смотрит он на Иоханана.

Мать хватается Йешуа на руки, отец бросает лепёшки в свою суму, и они бегут, но Йешуа, глядя через плечо матери, видит, как фараон отрубает голову Иоханану.

— Мама, мама! Они убили его!

— Бежим, Иосиф, бежим! — кричит мать

Но уже ночь, уже поздно, мать сидит на осле и держит Йешуа; Она разжёвывает лепёшку и кладёт ему в рот. Иосиф, сидя впереди, спрашивает:

— Мариам, когда он начал говорить?

— Только сегодня — и сразу так чисто, понятно.

— Злой старик украл мою девочку, — бормочет Йешуа сквозь слёзы.

— Жалость научила его говорить, Иосиф.

Йешуа глотает мягкую жвачку и дремлет, покачиваясь в объятиях матери на спине осла. Он всё ещё видит зеленоватого крокодила с зубами, как ножи; фараона, блистающего золотом и с поднятой секирой в руках; красную от крови воду возле берега.

То была кровь девочки, хлеставшая из переёданной шеи, а с нею смешивалась кровь Иоханана, а голова его откатилась и упала на руку мёртвой девочки, а кровь его текла в Нил и смешивалась в Ниле с её кровью.

— Он уже спит, — говорит Мариам.

— Мы скоро придём, — отвечает Иосиф. — Я вижу дом моего брата.

И маленький Йешуа заснул.

А теперешний — проснулся.

Он поднял тяжёлую голову и затуманенным взором обвёл стадо, догорающий костёр, спящих на земле учеников и старого пастуха, который спал, опираясь на палку.

Йешуа с трудом поднялся, провёл ладонью по лицу и с изумлением обнаружил, что ресницы его влажны. Он лизнул свою ладонь — соль.

Неужели он плакал во сне?

Подойдя к пастуху, он тронул его за плечо. Тот сразу открыл чуткие глаза.

— Ты ничего не слышал, брат мой?

— Ничего, Йешуа. Только под горою кричали шакалы, будто радовались чему-то.

— А ты ничего не видел?

— Ничего, Йешуа. Только большая звезда упала час назад во-он в той стороне.

И пастух показал палкой на юго-восток.

Назорей поник головой и приблизился к спящим.

— Андрей! — позвал он.

Рыбак приподнял голову и опять уронил её.

— Пётр!

Зелот забормотал сквозь сон:

— Бегу, бегу, держитесь, отобьёмся. . .

И лицо его во сне приняло упрямое выражение.

— Иуда!

Красавец Иуда, единственный иудей среди всех этих галилеян, пошевелил головой и во сне поцеловал воздух.

— Иоханан!

Юноша-ессей медленно поднялся и сел, не открывая глаз.

— Варфоломей, Фома, Иаков! — крикнул Йешуа. — Вставайте все! У нас горе!

И когда они поднялись с бестолковыми восклицаниями и сбились к нему, как испуганные овцы к пастырю, Йешуа сказал:

— Час назад в Махероне убит пророк Божий.

Через три дня об этом узнала вся страна.

XIV.

Да, Иоханан Предтеча был казнён в Махероне.

После его пленения, получая отовсюду вести о сильном возбуждении народа, тетрарх долго колебался и не мог принять никакого решения. Иродиада, горевшая жаждой мести за все свои унижения, требовала головы Иоханана, но Антипа упрямился.

Жена была всё же сильнее его. Вместе со своей роднёй, *используя любые средства*, она оказала сильнейшее давление на Антипу.

В разгар пира, разгорячённый вином и возбуждённый пляской Саломеи, своей внучатой племянницы, Антипа сказал юной красавице:

— Проси у меня, чего желаешь

И прелестная отроковица, ещё тяжело дышавшая после пляски, горделиво пролепетала:

— *Голову Иоханана!*

И тетрарх волей-неволей сдержал своё слово. Голова Иоханана на серебряном блюде украсила стол пиршества.

Ужас охватил Галилею.

Народ облачился в траур и посыпал пеплом голову. Но не ударил гром с небес, не затряслась земля, и Бог сохранил опять своё таинственное молчание.

— Теперь я пойду в Иерусалим! — сказал Йешуа, сын Иосифа.

Час его наступил: он должен выполнить то, о чём говорил с Иохананом. Пора!

— Ещё рано, Учитель! — сказал Иуда Иссахариот. — Время ещё не пришло.

И его поддержал Симон Пётр, который сохранил свои прежние связи с zelотами и знал о планах восстания в Галилее.

Этот кровавый ревнитель справедливости мечтал самолично отомстить за смерть Иоханана, вырвать сердце Ирода Антипы, отдать на съедение псам Иродиаду. А на престол Галилеи и Переи можно возвести Йешуа. И уж тогда — пойти войной на Иерусалим.

Йешуа размышлял. Он чувствовал, что он прав.

Вскоре после казни Иоханана он послал Иуду, самого ловкого из своих учеников, к Матфею-мытарю в Тибериаду.

Тетрарха и его жены не было в их столице. Однако Иуда отыскал знакомого евнуха Иродиады и велел ему передать госпоже один вопрос:

— *Не время ли?*

Ответ нашёл его через месяц.

Йешуа со всеми своими учениками проходил через одно галилейское селение, в день рынка — четверг.

Друзья купили им снеди, сельские жёны принесли воды, и всё братство располагалось для трапезы на краю селения, когда появился кривой бродяга с наглой улыбкой, одетый в драную эллинскую одежду.

Андрей хотел отогнать его камнем, но бродяга уверил, что он правой веры; подбежав к Иуде Иссахариоту, он потянул его за рукав:

— Эй, красавчик, купи для своей милой! Дёшево отдам, не пожалеешь!

Он подмигнул единственным глазом и сунул в ладонь Иуды греческую камею.

— Небось, ворованная? — спросил Иуда.

— Через семь дней у старой крепости на дороге в Дамаск, — шёпотом ответил кривой. — Зачем обижаешь, красавчик? Я ворованным не торгую!

Тут Иуда рассмотрел на камее рисунок: объятие Адониса и Астарты.

— Собака! — загремел он. — Как смеешь ты предлагать мне такую мерзость? Прочь от меня!

Он подмигнул кривому и замахнулся на него палкой. Бродяга, *очень испугавшись*, бросился наутёк. Камею, однако, он успел выхватить из рук Иуды. Дело делом, но не пропадать же добру.

Иуда присоединился к друзьям, страшно возмущённый. Но с этого дня он склонился на сторону тех, кто поддерживал иерусалимский проект. Симон Зелот остался в одиночестве.

И дело было решено. Йешуа известил свою мать и всех друзей. Он уходит в Иерусалим.

Перед этим он снова ушёл в горы, где пастухи нашли для него обширную и сухую пещеру. Здесь он молился, принимал вестников и собирал своих друзей.

Незадолго до срока он взойшёл с ними на гору.

Фрагменты ранних редакций*

Р. Г. Назиров

<Разговор Иоханана с Йешуа>¹

— Куда вы идёте, люди? — спросил иудей с копьём и со значением покосился на путешественника Аарона.

— Нам нужен Иоханан, сын Захарии, — ответил Йешуа.

Стражи шатра переглянулись, и араб высокомерно сказал:

— Ступайте прочь, *Наби* отдыхает.

Арабское «наби» означало то же самое, что еврейское «неби» — пророк.

— Ты ошибаешься, — сурово ответил ему Йешуа. — Пророк не отдыхает. Он ждёт нас и считает наши шаги.

Стражи заколебались. Тогда назорей сказал им:

— Ступайте к пророку и скажите ему, что три ворона прилетели от соли и что *мы сами соль*.

Галилеянин и араб вдвоём подошли к шатру, осторожно приподняли завесу входа и поговорили с кем-то внутри. Затем оба вернулись, кланяясь пришельцам.

— Вы сказали правду, добрые люди.

— Пророк ждёт вас.

И в это время из шатра вышел и распрямился огромный человек. Его силуэт издали был виден в слабых отблесках костров. Повсюду, заведя его, с земли поднимались люди.

— Радуйся, Иоханан! — сказал ему Йешуа.

Его спутники тоже приветствовали пророка. Он ответил на приветствия с величественной кротостью.

На нём была грубая одежда из верблюжьей шерсти — одежда бедняков; ~~тело он~~ он был препоясан кожаным ремнём. Именно такую одежду, как знали все евреи, носил некогда великий пророк Илия Фесвитянин.

Симон Кананит вспомнил слова Писания об Илии: «И вороны приносили ему хлеб и мясо поутру и хлеб и мясо повечеру, а из потока он пил». ~~Так вот почему Йешуа велел передать пророку, что...~~²

Симон, один из храбрейших людей в Галилее, сунул руку за пазуху и крепко сжал висевший у него на шее *баарас* — огненного цвета корешок, отгонявший духов.

— Войдите с миром, гости! — раздался могучий голос. — А ты, зелот, перестань цепляться за свой амулет: он не более как детская игрушка.

* Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16 – 14 – 02008.

¹ Здесь и далее в треугольные скобки взяты названия фрагментов, данные нами. (Публ.)

² Зачеркнуто красной авторучкой.

Симон остолбенел.

Юный Иоханан с восхищением созерцал изумительное лицо своего соименника. Это лицо, прекрасное и страшно в одно и то же время, иссечённое страстью и скорбями, было окутано гривой чёрных волос, переходивших в длинную бороду. Глаза пророка сверкали нечеловеческой пронизательностью.

Он сам поднял завесу шатра и ввёл гостей внутрь. Здесь горела бедная глиняная лампа, и при её свете мальчик расставлял на чистой холстине скудное угощение.

Гости помолились вместе с пророком и преломили с ним хлеб. Волнение лишило их аппетита, но обычай требовал символического сотрапезования. Чаша холодной воды прошла по кругу, и затем гости вежливо потупились перед лицом Иоханана Пророка.

Наступила пауза.

— Я знал, что вы придёте, — сказал Иоханан Пророк. — Меня известил Ровоам, сын Леви. Хороша ли была дорога?

— Дорога была хорошо, пророк, — ответил Йешуа. — Нам пришлось сделать обход, чтобы повидаться с друзьями на берегу Геннисарета.

— Легко ли вы нашли меня?

— Это не так уж трудно.

— Разве люди в Галилее знают, где я стою с братством моим? — спросил Иоханан с театральным смирением.

— Лев стирает свои следы на песке хвостом, но чем стереть следы хвоста?

Огромный человек впервые слегка улыбнулся.

— Не встретились ли вам дурные люди?

— Сегодня, не доходя до колодца Элеазара, мы повстречали трёх сыновей Волчицы, на конях и с оружием.

— Кто они были?

— Два воина и декурион по имени Максим, человек с нечистым сердцем.

— Чего они ищут близ долины Иордана?

— Они как будто разыскивали Иону или его друзей, но я не верю этому.

Пророк кивнул.

— Ты прав, мудрый ессей. Иона уже взят; может быть, он сейчас умирает на кресте в городе тетрарха Антипы. Этот декурион рыщет на дорогах, ведущих ко мне, дабы узнать, что я делаю и много ли у меня силы.

— Мы побывали близ того города, — сказал Йешуа.

— Какие там новости?

— Пророк, Иезавель ищет твоей головы. Ахав готов уступить ей.

— Не посмеют, — ответил презрительно Иоханан. — Вокруг меня тьма людей, у нас много оружия. Что до декуриона Максима, то он и впрямь — самый ~~грязный~~ паршивый из волков. Он причинил много зла в галилейских селениях, но срок его близок, и Охотник уже натянул тетиву.

— Да будет воля Господа.

— Воистину, — кивнул Иоханан. — Теперь хорошие вести.

— Пророк, ты знаешь, что мы — *люди Божией воли*, живём возле Мёртвого моря. Мы принесли тебе свиток с посланием старейшин из пещер Енгадди.

Йешуа обернулся к Иоханану Ессею, и тот достал спрятанный на груди пергаментный свиток. Он с почтением протянул его пророку.

Тот взял свиток, но не стал развязывать шнурка.

— В жилище моём мало света, — степенно сказал он, — да и письма говорят мало. Он немного подумал.

— Благо, что послание принёс ты, назорей, ибо вижу — ты разумен и златоречив. Сильно ли ты утомился с дороги?

— Я готов не спать ночь, — ответил Йешуа. — Но братья мои устали.

— Так отпустим их на покой, а ты сам перескажешь мне глаголы старейшин.

— Братья, — сказал Йешуа своим спутникам, — ступайте к стражам пророка и скоротайте с ними ночь. Не забудьте об утренней росе и укройте лицо, если ляжете спать.

— Ступайте, дети мои, — сказал пророк, — мои стражи примут вас с честью.

Йешуа и Иоханан остались одни. Несколько мгновений они молчали, ибо суета не подобает мужам, да и ночь только начиналась. Потом гость пророка медленно заговорил:

— Пророк, ты славен во всём Израиле. За тобою идёт народ. Община людей Божией воли молится Богу за твои дни.

— Люди Божией воли славны своею праведной жизнью, — и молитва их крепка перед Господом, — ответил Иоханан. — Я мало знаю их, но вести Ровоама были приятны моему сердцу. Однако продолжай.

— Пророк, в послании говорится о многих удивительных и страшных знаках, которые ниспослал нам Господь за последние годы.

Иоханан согласно кивнул своей львиной головой:

— Я тоже видел много знаков. Что же читают в них праведники Енгадди?

— Они говорят, что близок час гнева Божия.

— Истина! — твёрдо сказал Иоханан.

— Пророк, старейшины ессеев хотят знать твою волю и соединиться с тобою в единую силу.

— У меня нет иной воли, кроме Господней. Я всего лишь провозвестник Того, кто сто-
крат сильнее меня. Что повелит Господь, то я и возвещаю народу верных, — со свирепой скромностью отвечал Иоханан. — А чего хотят праведники Енгадди?

— Избавить мир от вавилонской блудницы.

— Мессия избавит мир от неё. Примите от меня очищение водное в священном Иордане и ~~следуйте за~~ ступайте со мной. Во имя Грядущего за мною, я пойду на Тибериаду, и тогда Ахав с Иезавелью исчезнут, как летучая трава пустыни, которую носит ветер. Ибо такова воля Господа, я же послушный слуга, светильник ему предносящий.

— Поход на Тибериаду будет только началом, о пророк.

— Слова твои темны, ессей.

— Хватит ли нынешней силы против сыновей Волчицы? Волны в море сходятся и расходятся, народ наш скоро загорается, но и скоро гаснет. Ныне ярость и бой — завтра плач и скрежет зубовый. Жива ещё слава Маккавея, не смолкли песни о поднявшей копье против сирийского слона. Однако нет ныне Царства! Сын Волчицы повелевает избранным народом из своего блудилища на острове Капрея, а в самом Иерусалиме Претория возвысилась паче Храма Господня.

— Тиберию семьдесят два года, — резко ответил пророк.

В его устах имя властителя полумира, произнесённое открыто вместо обычных иносказаний, прозвучало подобно удару бича. Казалось, даже огонёк лампы вздрогнул от страха.

— Мене, текел, фарес! — процитировал Йешуа с вопросительной интонацией, в которой, однако, звучал тонкий оттенок мягкой иронии.

Иоханан нахмурился:

— Истинно говорю тебе, ессей, силы Тиберия истощены блудом и пожиранием излишней пищи. Дни его сочтены, дела его взвешены... Царству Волчицы скоро придёт конец! Вспомни, как Господь предал Валтасара в руки Кира. Вспомни, как парфяне выставили голову проклятого Красса на помосте игрища. Царство Волчицы сокрушится силою с Востока.

— Да будет так, — ответил Йешуа. — Однако поразмысли, пророк, и вспомни о том, как умер Юлий, как умер Октавиан. Надёт Умрёт Тиберий, но на престол его воссядет другой из той же волчьей породы. Смуты продлятся малое время, легионы Орла утишат все волнения и придут отомстить за падение Тибериады. Уповаешь ли ты на парфян? Что ж, они сразятся с латинянами, но пока весы будут колебаться — хочет ли Господь, чтобы оливы и смоковницы Галилеи стали песком и пеплом?

Иоханан побледнел и закрыл глаза.

Грудь его часто вздымалась и опускалась.

— Гость мой! — шёпотом заговорил он, но то был шёпот иерихонской трубы, — гость мой, никто ещё не смел так вопрошать меня.

Йешуа бросил на него странный взгляд.

— Гость мой! Ты говоришь, как сила. То ли написано в послании старейшин Енгадди?

— Пророк, в наших тайных писаниях сказано: «Все народы узнают Твою правду, и все племена Твою славу. Ибо Ты ввёл их в Свой достославный Завет рядом со всеми людьми Твоей воли и вместе с Твоими ангелами...»

— Подожди, гость мой! — пророк открыл глаза и приподнял свою руку, огромную и тяжёлую, как молот. — Сказанное тобою не написано в послании старейшин. Я слышу не их глаголы. Мне чудится новый голос.

— Ты слышишь новый голос, пророк Божий.

— Так поведай мне без утайки: куда ты держишь путь, гость мой? Какая звезда светит тебе во мраке?

— Пророк, от тебя ничего не скроется. Да я и не хотел ничего скрывать... Ты угадал, у меня свой путь, но старейшины ессеев слышали о нём из моих уст, и открыли свои писания, и уверовали в мою правду. Я прожил три года в Енгадди. В священной пещере я пил из золотой чаши посвящения вино виноградника Господня вместе с семьюдесятью четырьмя праведниками, и вкусил трёхдневный сон, и прошёл все испытания. Книги ессеев были открыты для меня, я восседал с праведными в их суде и совете. И всё же, скажу тебе прямо, в пещерах у Мёртвого моря я только гость, как и повсюду.

— А, так ты не ессей! Говори!

— Ты видел, пророк, с кем я пришёл к тебе? — неожиданно спросил Йешуа.

— Я видел их. Один из них — молодой ессей, мягкий, как тёплый хлеб из печи, но у него великая душа, он нужен будущему дню. Другой — галилейский зелот, крепкий, как скала и как железо его кинжала: он пригоден в опасной дороге, но кинжал может сломаться, когда он будет всего нужнее.

— Истинно говоришь ты, пророк, и я полагаюсь более на того, кто мягок, ибо он не ломается, и сила его крепче железа

— Да, я видел их, ты пришёл с ессеем и зелотом, и это достойно удивления.

— Скажу тебе и ещё, более дивное: среди моих друзей есть мытарь.

— Вот как! Ты не только соединил зелотов с ессеями, но ты допускаешь в свой круг даже предателей народа Божия?

— Он бросил свою мытницу и пошёл за мною. Теперь я послал его в город тетрарха Антипы, этот мытарь очень полезен для нас.

— Понимаю, — протяжно сказал пророк. — У меня тоже есть друзья верные в Тибериаде.

— Но знаешь ли, пророк: я принимаю к себе даже перушим, если они раскаются в несправедной жизни и прилепятся к добру.

— Даже и этих змей? — с отвращением воскликнул Иоханан. — Что же это такое, новое братство?

— Можно назвать это новым братством.

— Дают ли твои братья клятву?

— Мы никогда не клянёмся, ибо наше слово нежливое.

— Значит, ты всё же ессей, — сказал Иоханан, всматриваясь в лицо своего собеседника.

— Это не только новое братство, пророк. Это новый завет с Господом.

Глаза пророка выкатились из орбит, и он начал медленно подниматься, словно незримая рука тянула его за волосы.

— Да как ты смеешь? — загремел Иоханан, потрясая руками.

Снаружи раздались восклицания, топот бегущих ног, лязг железа. Однако те, кто снаружи прислушивался в тревоге, всё же не посмели войти в шатёр без зова Иоханана.

Йешуа сидел всё так же неподвижно, устремив взор на огонёк лампы. Ни один мускул не дрогнул на его задумчивом лице.

Иоханана вышел из шатра, словно буря, и львиное рычание его прокатилось окрест:

— ~~Негодяи~~ Бездельники, вы дерзнули взяться за оружие!

— В ответ послышались сбивчивые оправдания.

— Не подходите к этому порогу ближе двадцати шагов!

— Да будет твоя воля, Наби.

Иоханан вернулся, отчасти излив свой гнев. Он снова сел напротив ессея и вперил в него свой пронзительный взгляд:

— Говори!

Два взгляда скрестились: один — как бушующее пламя пожара, другой — как пристальный свет звезды. Толстая жила вздулась и затрепетала на лбу Иоханана. Но звезда оказалась сильнее огня.

— Я чтут Закон, — тихо сказал Йешуа — но не так, как потомки Саддока и перушим; они постятся и молятся, согбенные под пятою кесаря. Я добавляю к Закону то, что нужно новым временам.

Он говорил всё тише, словно заволакивая Иоханана пристальным светом нездешних своих глаз:

— Нужно, чтобы весь избранный народ уподобился ессеям в жизни праведной. Пора истине воскреснуть и выйти из её погребальной пещеры, пора грому греметь, потому что моё сердце полюбило тебя, глашатай Слова Божия.

— Ты говоришь непонятно. Люди Божией воли, ушедшие от мира и не владеющие ни землёй, ни очагами, — они любимы Господом, но им не дано одолеть вавилонскую блудницу! Как можно весь народ сделать ессеями? Или ты хочешь уподобить его ессеям только по внешнему облику?

— Нет, о нет, пророк Божий! Если все дети Израиля станут так же молиться и носить одежды из льна, то это будет одно лишь превращение внешнего образа. Я же хочу, чтобы все люди оставались сами собой, но прониклись духом ессеев, что хлеб сильнее железа?

— Говори далее, я провижу твои слова.

— Наше братство пока сохраняет тайну, но мы уже не уходим от мира. Мы странствуем по всей Галилее, на наших братских трапезах купец, соседствует с простым рыбаком, ессей пьёт из одной чаши с золотом, и раскаявшийся фарисей не гнушается мытарем, бывшим отверженцем веры. Все верные равны перед Богом Израиля, нет цены знатному роду, и нет чести тугой мошине, ибо легче протащить канат сквозь игольные уши, чем богатому войти в Царство Небесное.

— Воистину так! — сказал Иоханан, поражённый и покорённый помимо своей воли. — Наступает время соединения, и ты видишь далеко. Но много ли вас?

Йешуа на секунду задержался с ответом и ясно глянул в глаза пророка:

— Нет, нас пока ещё немного, но мы — *соль земли*. Тебе ли не знать, какова пища без соли?

— Ты прав, гость мой! — сказал Иоханан, в замешательстве теребя свою дикую бороду. — Волею Господа малое возрастет, а высокое умалится.

Он замолк, а затем наклонился поближе:

— Но ты ещё не сказал мне главного. Говори же, ради Господа Всевышнего, каков твой путь?

— У нас с тобою одна цель, о пророк. Старейшины Енгадди посадили меня наравне с собою, но нет во мне их благой тишины: не мир я принёс, а меч. Только время моё ещё не настало.

— Когда же оно настанет?

— Когда я соединю пустыню и море, Галилею, Иудею, Самарию, все колена народа Божия от Дана до Вирсавии. Что нам с тобою Тибериада? Мы пойдём на Иерусалим! Мы изгоним из Храма осквернителей его, неправедных жрецов, которые едят из рук всадников Понтия. Но этого мало, пророк!

— Вот как? Этого мало?

— Разумеется, — спокойно подтвердил Йешуа. — В Египте мне удалось...

— Ты бывал в Египте? — перебил Иоханан.

— Я долго жил в Египте, и мне удалось прочесть некоторые из тайных книг Тота. Не удивляйся этому, пророк, ибо нужно узнать даже и ложь, чтобы лучше отделить от неё правду. Я проник в тайны египетских жрецов, они не любят Сераписа и Юпитера. Я наблюдал пахарей Нильской долины — они изнывают под бременем Рима. Каппадокийцам, галатам, сирийцам надоело железное ярмо кесаря. У меня есть братья в земле Египетской, один из моих друзей ныне в Вавилоне или уже на обратном пути из него, мои друзья рассеяны по всей державе кесаря, и это нам на пользу. Ибо нельзя освободить Храма, доколе не поднимется весь Восток.

— Так разве ты не слыхал моих слов, — торжествующе воскликнул Иоханан, поднимая палец, — что царство Римское с Востока сокрушится?

— Нет, Иоханан, я говорю об ином. Ты уповаешь на приход Мессии с Востока, царя над всеми племенами за Двумя Реками? Снова — как те иноземцы, которые покарали гордыню Красса и злое его, причинённое Храму. Нет, пророк, я не ожидаю добра от персов и парфян. Я провижу иное — отпадение восточных земель державы кесаря, Египта, Сирии, Каппадокии и даже, может быть, Эллады, хотя эллины слишком породнились с сынами Волчицы. Однако они тоже не любят Рима и могут — хотя бы в части своей — пойти стезёю правды. Но что там эллины! Этого мало.

— И *этого* мало? — пробормотал Иоханан.

— Пророк, за морем есть земля Иберия, населённая сильными племенами. Они не раз бунтовали против Рима и пролили много римской крови. Если под храмом Юпитера шат-

нётся восточный камень, то и западная опора сломается. Пророк, царство кесаря сокрушится изнутри.

Иоханан прижал ладони к глазам.

— Я сплю и вижу сон! — сказал он.

— Напрасно ты так говоришь, о пророк! Ведь это не сон, а явь. Знай, что за полными горами живут ещё далёкие народы, которые тоже приносят дань кесарю. У них нет своего Закона, они покрывают себя шкурами диких зверей и расписывают лица синей краской, словно аравитянки. Эти охотники покорились Юлию Кесарю только после ужасных кровопролитий, но ждут часа отмщения.

— Откуда ты знаешь обо всех этих народах?

— Я странствовал, о пророк: одно я увидел, другое услышал. Людей из тех народов, о которых я поведал тебе, мне доводилось видеть в цепях и ошейниках. Бог евреев укажет им путь истины, и они пойдут следом за евреями: тогда горе державе Римской!

— Так неужто ты хочешь поднять весь мир язычников.

— Поднять мир язычников, да послужат Единому Богу.

— Не может вовеки совершиться такое, — сказал Иоханан.

Однако голос его звучал неуверенно.

— Так будет, — ответил Йешуа. — Но для этого потребны любовь и долгое терпение. Дом кесарей стоит неправдой. Они грабят все народы, оскверняют храмы, опустошают житницы, отнимают то, чего не сеяли, чтобы тешиться гладиаторскими боями и умащать мирою вымена блудниц. Злая смерть написана на челе Рима. Но пусть она подойдёт к Риму неслышными шагами. Иоханан, избегай короткого гнева и мелких стычек. Береги праведную кровь, пророк!

Иоханан стиснул руками свою косматую голову; челюсти его внутри дымно шевелившейся бороды тяжело перемалывали слова:

— Неужели мне падить этих змей в палатах Тибериады?

— Возьми их, Иоханан, если на то будет воля Божия, но не спеши. Береги кровь избранного народа и дай наполниться до краёв чаше гнева Господня.

— Мысли мои мешаются, вестник Божий, — сказал Иоханан.

Огромным усилием воли он снова заставил себя взглянуть в глаза собеседнику. На миг ему показалось, что стенки шатра и огонёк лампы поплыли по кругу. Затем всё снова остановилось. И всё-таки что-то непостижимое произошло.

— Я околдован, — пробормотал пророк.

— Тебе ли, великий человек, верить в колдовство?

— Послушай! — неожиданно сказал Иоханан. — Я, кажется, слышал о тебе ранее. Не о тебе ли говорили, что ты исцеляешь бесноватых и даже воскрешаешь мёртвых?

На лицо Йешуа набежало облачко скуки.

— Исцелять бесноватых труднее всего, — ответил он с неохотой. — А воскрешение мёртвых... люди всегда остаются детьми и рассказывают детские сказки. Если Бог призвал

человека к себе, кто в силах отнять его у Бога и вернуть к земной жизни? Нет, пророк, дело не в этом.

— Так в чём же?

— Господь иногда по милости своей дарует человеку не одну, а две смерти.

— Ты называешь это милостью? Скорее это кара!

— Пророк, это не так. Если ты выловишь утопленника, с водяной травой в волосах и без дыхания, ты скажешь: «Он умер». Но можно повернуть его вниз лицом, поднять его ноги, надавить ладонью на живот, встряхнуть его, и тогда он изблюёт воду из уст и ноздрей, и чихнёт, и откроет глаза, и начнет дышать снова: ведь что это будет?

— Вторая жизнь.

— Истинно так. Кому Господь дарует две смерти, тому он дарует и две жизни. Но первая смерть не бывает полной. Тут жизнь и смерть качаются на весах судьбы, да вмешается помощь братской руки. Мне случалось видеть, как мнимую смерть несведущие люди принимали за полную, и оплакивали, и погребали, я же замечал, что чаши весов колеблются. . .

— И ты вмешивался?.. — прошептал Иоханан.

— Да, — смутно ответил Йешуа.

— Но ведь и на это должно быть изволение Господне!

— Воистину. Но помысли, пророк: если мне дано заметить на челе мнимого мертвеца чаяние второй жизни, то значит Господь избрал меня в помощники второму рождению. И тогда я, вспомогаемый тайною мудростью ессеев, пробуждаю не вполне усопших. Я исполнял угаданную волю Господа.

— Я не встречал ещё людей, подобный тебе, назорей.

— Иоханан, я прост, но слово моё нелживо.

— Они умолкли. Длинные пальцы врачевателя прикоснулись к могучей руке галилейского пророка.

— Ты ещё не дал мне ответа, пророк. Наступает век соединения, сказал ты мне. Каково же будет твоё решение?

— Ты примешь святое омовение в Иордане?

— Я и оба мои спутника. Это первое, что я хочу от тебя. Решай же и ты.

Огонёк безумия блеснул в глазах пророка:

- Разве ты не знаешь заранее моего ответа?

~~Казалось~~, Йешуа не слишком удивился. Грустным и невероятно тяжёлым взглядом он проник в душу Иоханана и, осторожно подбирая слова, ответил:

— Да, я знаю, как ты мне ответишь. Я знал твой ответ, ещё не выйдя из Енгадди.

Настала громоподобная пауза.

— Но ты должен сам произнести ответ, ибо такова воля Господа, и моё предзнание не избавляет тебя от бремени решения.

Плечи Иоханан обвисли, голова упала на грудь. Йешуа смотрел на него, не мигая. Казалось, что на мгновение остановился тог Иордана и замер песок пустыни, перестав пересыпаться.

— Народ слушает меня, — понуро сказал Иоханан.

— *Сегодня ты Илия.*

— Народ слушает меня. Я могу многое. Что можешь ты?

— *Всё*, — застенчиво шепнул Йешуа.

Иоханан посмотрел на него и одними губами выразил своё согласие.

— Что ты говоришь, пророк? — переспросил Йешуа.

— Я говорю тебе: «Да».

Масло выгорело, и лампа угасла. В темноте двое галилейских вождей продолжали обсуждать безумнейший план мировой революции.

Конечно, он был неосуществим. Поэтому на протяжении последующих пяти веков он осуществился — *но только в общих чертах*. Как всегда в истории Земли.

Тактике зажигательной проповеди Йешуа противопоставил тактику глубинного проникновения. Незадолго до рассвета они выработали свой исторический компромисс.

Для отдыха осталось меньше трёх часов. Они вышли из шатра вдохнуть воздух ночи.

Стражи пророка и спутники Йешуа спали вповалку на земле, прижавшись друг к другу. Только араб с дротиком дремал сидя.

Услышав дыхание и шаги Иоханана и Йешуа, араб откинул с лица покрывало, осторожно протёр глаза и всмотрелся.

Те двое стояли рядом. Высокий силуэт пророка наклонял свою косматую голову к Другому, ловя его каждое слово. Арабу сделалось не по себе.

Однако всё было тихо. Араб снова опустил на лицо покрывало и задремал.

— Кстати, скажи мне, Йешуа Назорей, где твоя родина?

Гость обратил к пророку свои звёздные и тяжёлые глаза, полные тайной власти. Он казался чуточку смущённым, словно ему не хотелось отвечать. Но, будучи человеком правдивым, он всё же ответил — негромко и вскользь:

— Моя родина? Я родился в Вифлееме Давидовом.

Иоханан задрожал. У него ослабли колени.³

Вифлеем, город царя Давида.

Великое предсказание пророка Михея: *Мессия должен родиться в Вифлееме Давидовом.*

— Неужели это Ты? — без голоса закричал Иоханан, и кровь застучала в его висках.

Йешуа понял его свистящий шёпот. Он повёл взором по небу, слабо улыбнулся и начал отвечать, но Иоханан ничего не услышал, потому что от внезапного потрясения он на несколько секунд *лишился слуха*.

#

³Это предложение вписано в текст другой, черной авторучкой.

↑

убрать всякую разрядку,
и будет сильнее!

<Из разговора Йешуа с Иохананом>

1.

— Понимаю! — протяжно сказал пророк. — Ты собираешь новое братство?

— Я исцеляю больных и даю им советы, — скупое ответил Йешуа. — Мы думаем вместе.

Мы хотим облегчения ига на шее Израиля.

— Даёте ли вы клятву?

— Мы никогда не клянёмся, слово наше нелживо.

— Значит, ты всё же ессей.

— Я многому научился у них и советуюсь по-прежнему со старейшинами. Но люди Божией воли уходят от мира, и замыкаются в пещерах, и хранят великую Тайну спасения. Я же иду в мир и ради мира.

— Благо тебе! — с недоверием сказал пророк.

Он вперил в Назарея пронзительный взгляд.

— Что же ты несёшь миру?

Два взгляда встретились: один как бушующее пламя пожара, другой — как пристальный звёздный свет. Толстая жила вздулась на лбу Иоханана.

— *Милосердие*, — ответил Назарей.

Звезда оказалась сильнее огня.

— Я чту закон, — задумчиво сказал Йешуа, — но не так, как потомки Цадока. Знатные и сильные, они брезгают своим народом, ласкают греков и угождают старику, который погряз в блудилище надморском. Они терпят Орла над великими воротами Храма все употребляют имя Господа, а души их черны и заживо тленны. Ложь их одеяние.

— Воистину.

— Я чту закон, но добавляю к нему новое толкование. Нужно, чтобы весь народ уподобился ессеям в жизни праведной. Станем простыми, будем жить малым. Пусть ни у кого не станет денег на подати, и опустеет казна Иродов.

2⁴

— Ты странствуешь с ессеем и кананитом, это достойно удивления.

— Скажу тебе и более дивное: среди моих учеников есть и мытарь.

Иоханан помрачнел.

— Вот как! — язвительно сказал он. — Ты не только соединяешь ессеев с канаим, но допускаешь в свой круг и предателей народа Божия.

— Он бросил свою мытницу и раскаялся. Не стоит ли пред твоим шатром варвар с красными волосами? Это галат?

⁴Весь фрагмент в рукописи перечеркнут.

— Нет, он с Оловянных островов. Но он обрезался и принял Закон, и я допустил его к крещению водному.

— Так и мой мытарь обрёл правый путь. Он знает книги, он полезен для нас. Братия моя проста и некнижна.

<Проповедь Иоаханана>

...сквозь дыры его плаща. В своей проповеди Иоаханан сам сравнивал себя с рабом:

— За мною грядёт Тот, кому я не достоин отрезать ремень от обуви Его!

И он сыпал угрозами, как молниями. Он обличал мытарей (сборщиков податей) за их вымогательства, воинов за их насилия и нечестие, богатых фарисеев и знатных саддукеев за их лицемерие и жестокость к беднякам. Он грозил лицемерам наказанием, а жестоковыйным — полным истреблением. Правда, он обещал прощение кающимся и допущение в Царство Небесное чистым и непорочным, но основной тон его проповеди оставался мрачным и уничтожающим. Называя саддукеев и фарисеев змеями и ехиднами, он предвещал их скорую гибель:

— Уже и секира при корне дерев лежит! И лопата уже в руке Его, и Он очистит гумно своё, и соберёт чистое зерно в житницу, а солому сожжёт огнём неугасимым!

— Грядет вершитель правосудия, истинный царь Израиля! Подобно Макквеям, он поднимет меч, прогонит язычников и покарает всех, виновных в нечестии!

Он вещал внезапное пришествие давно обещанного Мессии. Подобно зелотам, он представлял Мессию в образе воителя. Он изгонит язычников и нечестивцев, вступит в Иерусалим, восстановит Царство в мире и справедливости и вознесёт Израиль превыше всех народов Земли. И далее Иоаханан, вспоминая пророчества Исайи, развёртывал перед замершей толпой иудейскую утопию «золотого века»:

— И почиет на Нём дух Господень, дух премудрости и разума, дух света и крепости, дух ведения и благочестия. Он будет судить бедных по правде и дела страдальцев земли решать по истине!.. Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козлёнком; и телёнок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. *Не будут делать зла и вреда на всей святой горе моей!*

Но светлая мечта Исайи о счастье «грядущего времени» — только передышка в грозной проповеди. Снова слышатся раскаты грома, снова покаяние и приготовление к встрече, отвержение греха и обетование прощения, пламя пожирающее для одних и свет утешающий для других...

Затаив дыхание, народ прислушивался к тяжёлой поступи Мессии. Скорее подготовимся к Его пришествию раскаянием и очищением сердца! Проторим для Него пути и спрямим стези Ему, чтобы Он пришёл скорее!

Малка Машиах г, Царь-Помазанник! В переводе на койнэ это звучало «*басилевс христос*». Великая надежда евреев, но и великая гроза: ведь Он будет отбирать достойных для Царства. «Достоин ли я?» — задавался вопросом каждый.

И жутко гремело для слабых сердце заключительное слово Иоханан:

- Я крещу вас водою, а Он будет крестить вас огнём!

Увы, этому суждено было сбыться, хотя совсем и не так, как предполагал человеческий разум Предтечи.

Ибо у пророков ведь тоже обыкновенный человеческий разум — с его тесной логикой, бедной логикой, бедными экстраполяциями и удивительными ошибками, которые повторяются из века в век, ничему не научая. И житейски, и политически царь Соломон был мудрее Илии Фесвитянина.

Пророки сильны другим. Они нужны нам не ради их разума — ведь и наш собственный ум гарантирует нам достаточное количество ошибок.

Пророки драгоценны своим внелогическим мышлением в масштабах целых наций: из совокупного мышления масс и рождается пророческий дар — всемирноисторическая интуиция. Они тоже ошибаются, не меньше других людей, но ошибки их плодотворны.

Когда Иоханан закончил свою проповедь, толпа разошлась в возбуждении, шумно и многогласно повторяя его речения. Он же, в окружении большой группы людей, направился к своему шатру. Со всех сторон ему протягивали кто чашу свежей воды, кто чистый плат — утереть пот со лба. Он благодарил усталым, тихим голосом. Он вошёл в свой шатёр, пригласив с собою Иоханана Рыбака и Йешуа Назорея.

Но пророку не удалось отдохнуть и побеседовать с близкими. Сильный шум раздался от Иерихонской дороги, и в лагере поднялось волнение. Сотни людей схватились за оружие, в нестройном гуле часто повторялись слова «смерть» и «убить». Многие бежали к Иорданским Бродам.

В разговоре Йешуа с учёным

— Так ты полагаешь, хаким, что люди ждут больших перемен?

— Все народы, добрый странник, ожидают великих перемен, и арабы, и персы, и галаты, и египтяне. . . Не так давно проезжал через Иудею учёный грек из Афин, путешественник, ехавший из Вавилона в Александрию. Он привёз мне письма от моих вавилонских друзей и родственников, а сам рассказал мне о жизни афинян. И Афины, и вся Эллада тоскует, соскучась бедным прозябанием под пятой кесарей. Многие эллины вспоминают былую славу родных городов и желают иметь своих царей.

— Но греки бессильны: Эллада скоро состарилась душою, а Рим ещё молод и свиреп.

— В Риме тоже нет единой души и единой воли. Если бы ты знал, странник, сколь многие римляне ненавидят своего кесаря и желают ему гибели. Прежде автократия не водилась у римлян!

— По-твоему, даже и римляне чают перемен?

— Даже и римляне. Они тоже люди, и мы здесь на Востоке, не всегда умеем их понять.

— *Звездарь смотрит на звёзды, а упадёт в яму.*

Астроном добродушно засмеялся и ответил Иуде:

— Да, это правда. Так же и с пророками: никому не дано знать своего часа. Человек не может жить, зная час смерти. . .

Учёный спросил, читал ли Йешуа «Одиссею».

— Слышал в Александрии у одного грека. Очень забавно и местами трогательно.

— Что особенно нравится?

— Навсикая отпускает Одиссея и старый пёс узнаёт. . .

Погано с женихами. . .

и как отталкивал тень матери в Аиде. Но это жестокая правда жизни. Правда имеет право. . . Но она портит песнь. — ———

— Его нельзя купить ни золотом, ни женщинами, ни властью. Он свободён во всём.

— Нет, он раб.

— Раб — кого?

— Раб своей чистоты.

Арест Иоханана Предтечи

Специальный отряд захватил его благодаря неожиданному нападению, извещённый Иудой о благоприятном моменте. Заранее предупреждённый сирийский легат выделил гарнизону Тибериады значительные подкрепления.

Галилея закипела, взбудораженная вестью об аресте своего пророка. Но разрозненные волнения укрощались силой оружия, а к тому же арест Иоханана совпал со временем пахоты, и крестьяне не бросили сохи.

Антипа, получая отовсюду информацию о возбуждении народа, колебался и упрямился. Однако Иродиада и её ~~родн~~ окружение, *используя все средства*, оказали сильнейший нажим на тетрарха, и он уступил. После двухмесячного заключения Иоханан был обезглавлен в пограничной крепости Махерон.

Через год властители Галилеи обнаружили, что славу Иоханана унаследовал бродячий врачеватель и проповедник Йешуа Назорей. Повсюду говорили, что незадолго до гибели Иоханан успел поклониться ему и объявить его Мессией.

Потомки царя Давида появлялись в Палестине не так уж редко, но с этим всё обстояло необычно. Популярность его была огромной, хотя никакой политической пропаганды он не вёл.

<Смерть Иоханана и начало проповеди Йешуа>

<Сильней>ший нажим на тетрарах, и он уступил После двухмесячного заключения Иоханан был обезглавлен в пограничной крепости Махерус.

Через год властители Галилеи обнаружили, что славу Иоханана унаследовал врачеватель и проповедник Йешуа из Назарета. О нём говорили, что незадолго до гибели Иоханан успел поклониться ему и объявить его Мессией.

Потомки царя Давида появлялись в Палестине не так уже редко, но с этим всё обстояло необычно. Популярность его была колоссальной, хотя никакой политической пропаганды он не вёл.

Два Иуды (вариант 3)*

Р. Г. Назиров

VII

Ласковое осеннее солнце отряхнулось от песков Аравии, окрасило лазоревым цветом суровые хребты Иудеи и Переи, осветило лагерь на западном берегу Иордана и, наконец, воссияло над его водами Иордан.

Народ, стекавшийся послушать пророка Божия, постоянно обновлялся, люди приходили и уходили, всё далее разнося слух о вернувшемся Илие; иные оставались возле него целыми неделями. Многие, отход я с семьями или откочёвывая со стадами, всё же боялись пропустить приход Мессии, а для того держались в пределах дневного перехода от Салима Енона — места, где пророчествовал Иоханан.

В лагере было много оружия, и самые горячие головы тайно просили пророка объявить священную войну против детей Ирода и против самого кесаря. Пророк выжидал, не принимая окончательного решения.

Ждал ли он знамения Божия или просто какого-то крупного политического события? Последнее в раскалённой атмосфере страстной веры неизбежно было бы воспринято как знамение свыше.

Скорее всего, Иоханан ждал смерти Тиберия, чтобы броситься на Тибериаду. Смерть Кесаря могла повлечь за собою волнения в провинциях, споры легионов, вторжение парфян. Иоханан привык ориентироваться на Восток, в духе всей многовековой еврейской традиции; однако ночная беседа с плотником Йешуа, заставила пророка взглянуть новыми глазами на политическую карту земного круга.

Солнце взошло, и лагерь у Иордана ожил. Утренняя доение верблюдиц, суматоха завтрака, крики ослов, лай собак, составили обычную симфонию восточного оазиса. Галилея всегда была известна густой примесью нееврейского населения — арабов, финикийцев и прочих. Лагерь у Иордана отличался особой пестротой.

Здесь были, кроме галилеян, евреев Севера, также идумеи со своими овечьими стадами; беглые ~~солдаты~~ наёмники Ирода, бросившие свою службу и дымные таверны Тибериады ради великого слова; целые семьи чистокровных иудеев и даже иерусалимские левиты; самаритяне, презираемые всеми евреями (ибо Самария признавала только Пятикнижие и не считала иерусалимский Храм подлинным местом пребывания Бога); тут были и раскаявшиеся разбойники, и zeloty, и несколько племён арабов со своими дротиками, своими

*Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16 – 14 – 02008.

верблюдами и безгласными закутанными до глаз жёнами. Эти язычники пустыни тоже искали Бога: в Иоханане, которого они именовали Яхья Эль Наби, им открылся подлинный пророк.

Он вышел из шатра и появился среди народа, когда солнце стояло уже довольно высоко. Его окружили самые ревностные почитатели. Народ приветствовал его на всех наречиях:

— Вот он, вот он, смотрите!

— Пророк идёт!

— Иоханан! Иоханан

— Яхья! Яхья Эль Наби!

— Иоханан, возвести нам о Мессии!

Обожжённый солнцем пустыни, отнюдь не изнурённый лишениями, но закалённый ими, как камень, этот Голиаф с лицом ясновидца поражал своей красотой: страшная мудрость и страшная горечь соединялись в этом лице. Предвидел ли он свою судьбу? Видел ли душевными очами, как его могучую голову поднимет на блюде тонкая идумеянка, ликуя и смеясь всеми своими ослепительными зубами?

Нет, он не мог этого предвидеть. Он понимал, на что он идёт: он выбрал великую иудейскую судьбу, а это значило, что он будет сражён мечом, или раздавлен боевым слоном, или распят, или заживо сожжён, или казнён ещё каким-нибудь из тысячи способов, какие измыслило людское хитроумие, вечно бегущее от однообразия. Он понимал, что история повторяется и что великая судьба всегда печальна и кровава; однако Иоханан не вполне, что история непредсказуема и что будущее — поле нашей свободы. Не мог он знать и обстоятельств своей грядущей гибели.

И вот Иоханан, сын Захарии, Предтеча Мессии, Вопиющий в пустыне, занял своё место перед деревянным престолом, под сенью грубого навеса, покрытого ветвями и козьими шкурами. Толпа в несколько тысяч человек полукольцом окружала его, медленно и постепенно смиряя собственное волнение.

Цари земли со всею их гордыней показались бы в сравнении с Иохананом юркими попрыгунчиками. Нет, в нём не было бравурного полёта Александра Великого, ни иератической важности персидских царей, ни холодной помпы римских кесарей. Но он возвышался над толпою прямо, как пламя в безветренный день; глядя на него, всякий мог почувствовать муку и счастье пламени.

И раздался голос пламени:

— Кайтесь! Приготовьте пути Господу, прямыми сделайте стези Ему!

Он углублялся в себя и *видел* (а по его остановившемуся лицу читала вся огромная толпа и видела то же, что он):

— Вот идёт за мною Тот, кому я не достоин отрезать ремень от обуви Его!

Он уже обращался к властителям Тибериады как к ничтожеству, считая их судьбы решёнными окончательно. Теперь его занимали Сион и Храм: в проповеди пророка вни-

мательные слушатели замечали новые акценты. Иоханан называл саддукеев и фарисеев порождениями ехидны, предвещая их скорую гибель:

— Уже и секира при корне дерев лежит!

Скоро, скоро грядет мститель и исполнитель правосудия, истинный царь Израиля! Подобно Маккавею, он поднимет меч, прогонит язычников и покарает всех виновных, а затем вступит в Иерусалим, восстановит Царство в мире и справедливости и вознесёт Израиль превыше всех народов Земли.

Замирая в благоговейном страхе, толпа предчувствовала тяжёлую поступь Мессии. Нужно подготовиться к Его пришествию раскаянием и очищением сердца, проторить для Него пути и спрямить стези Ему. Мессия несёт правосудие и благо, но всё же лик Его страшно представить. И точно в унисон с этой жутью гремело грозное предостережение:

— Я крещу вас водою, а Он будет крестить вас огнём!

И этому предсказанию суждено было по-своему сбыться, хотя и не так, как предполагал человеческий разум Иоханана.

Ибо у пророков тоже бывает обыкновенный человеческий разум с его тесной логикой, бедными экстраполяциями и ошибками, которые повторяются из века в век, ничему не научая. Пророки нужны нам не ради их разума, ведь и наш собственный ум гарантирует нам достаточное число ошибок.

Пророки драгоценны своим внеразумным мышлением в масштабах целостных наций: из этого мышления народов и рождается пророческий дар — всемирноисторическая интуиция.

Пророки имеют право ошибаться: даже их ошибки заряжены будущим.

VIII

Ближе к вечеру, после недолгого отдыха, Иоханан направился к берегу Иордана.

Тощая растительность пустыни здесь сменялась зелёной каймой кустарников. Река образовывала небольшой мелководный залив, естественное подобие купели: это и было место крещения.

Позднее греки называли этот обряд «баптисмос» («погружение в воду»). Омовения лица и рук входили в ритуал древних религий, в Индии считалось необходимым очищающее купанье в священных водах Ганга. Обряд, введённый Иохананом, отличался от этих омовений и купаний.

Пророк ввёл одноразовый обряд купанья, символически означавший очищение от грехов прежней жизни, по сути дела — от всего прошлого, и вступление в новую религиозную эру. Это был переход из времени неправосудия в век Мессии.

Иоханан вошёл в воду залива. Солнце, клонясь к закату, красиво освещало его косматый и грозный силуэт. Бесконечной чередой люди потянулись к реке и проходили перед Иохананом.

Полураздетые, они входили в Иордан по пояс и склоняли головы перед пророком. Он черпал ладонями и лил воду священной реки на подставляемые головы и спины. Обряд состоял

из погружения в воду и окропления водой. Люди не купались сами, их купал пророк, словно грозный и заботливый отец купает своих робко-любящих детей.

Вдруг лёгкий трепет пробежал по череде верных: Иоханан вздрогнул и пролил воду мимо поставленной спины рослого галилеянина — могучей спины землепашца со следами палок.

Пророк смотрел вверх, подняв голову.

По тропе, среди крещаемых, спускались два ессея в праздничных белых льняных одеждах своего братства. За ними шёл высокий, смуглый галилеянин, нагой до пояса.

Первый из ессеев, лет двадцати восьми, с длинными волосами, как у человека, давшего обет, казался необычен своим тихим, внимательным лицом и удивительно благородной осанкой.

Он вошёл своею чередой в Иордан и погрузился до пояса, смиренно склонив голову.

Струи воды из ладоней пророка окропили голову ессея и потекли по его спине.

Йешуа поднял голову, и пророк Иоханан вздрогнул.

Снова этот взгляд!

На мгновение всё окружающее исчезло для Иоханана, исчезли горы, Иордан, тысячи людей и само солнце. Опять охваченный страшной тревогой, Иоханан спросил, умеряя свой голос:

— Скажи, не ты ли Мессия?

Никто не слышал этих слов, кроме юного ессея Иоханана, шедшего следом за Учителем. Пророк тут же опомнился и пожалел о своём вопросе, ибо тут не место было спрашивать.

На лице ессея отразилась тень недоумения. Он уже получал этот вопрос перед восходом солнца и уже ответил на него. Неужели Иоханан забыл об этом? Или он не поверил?

Йешуа молча склонил свою мокрую голову со слипшимися волосами и сложил руки, испрашивая у пророка благословения.

Иоханан торжественно простёр над есеем обе руки, благословляя его. Люди взволнованно замерли.

Многие слышали о гостях с берегов Мёртвого моря и о том что пророк до зари беседовал с одним из них.

Йешуа вышел из воды и присоединился к тем, которые одевались на берегу ниже по течению. Он подождал Иоханана и Симона Зелота.

В глубоком молчании они вернулись в лагерь.

Здесь их ожидала нечаянная радость в образе Андрея, рыбака с Геннисаретского озера, и Фомы.

Андрей Рыбак, родной брат Симона Зелота, пришёл прямо из Тибериады и принёс важные вести. Фома, чёрный от загара, в жёлтом тюрбане, два дня назад вернулся из дальнего путешествия на Восток.

Йешуа, Иоханан и Симон встретили новоприбывших традиционными поцелуями. Всем не терпелось узнать новости, послушать рассказы Фомы о Вавилоне и Аравии, однако Учи-

тель прежде всего послал Андрея и Фому на Иордан — принять водное очищение от Иоханана Предтечи.

Они вернулись уже на закате, задумчивые и присмирившие. Йешуа сидел у костра, подкидывая в него хворостинки.

— Иоханан воистину великий пророк, — сказал Андрей, — *он узнал нас*.

— Разве он видел вас раньше?

— Нет, Учитель. Но он сразу же сказал Фоме: «Ты из названных братьев ессея Йешуа, сына Иосифа. Все вы смотрите не так, как другие люди». А потом посмотрел на меня и сказал: «И ты тоже».

— Учитель! — сказал Фома. — Он велел передать тебе, что ещё не всё узнал от тебя.

— Опять! — пробормотал Йешуа.

Он расспросил Андрея о новостях, переданных тибериадскими друзьями. Андрей донёс и весть от Марии, матери Йешуа, недовольной его долгим отсутствием.

Потом он снова молча сидел у костра, и его друзья тихонько разговаривали между собой, косвенного поглядывая на него, но не смея прервать его думы.

Наконец, он поднялся и вместе с любимцем своим Иохананом направился в сторону шатра пророка.

Солнце уже садилось, но пророк ещё был на реке. Йешуа отыскиал людей из стражи пророка — иудея с лицом ястреба и гиганта-араба.

— Братья, — сказал он им, — передайте Иоханану Пророку, что плотник Йешуа желает ему здоровья, а сам уходит со своими людьми, ибо получил важные вести.

— Хаким! — почтительно сказал араб. — Повремени и не уходит. Думается мне, Наби хочет ещё раз видеть тебя.

— Сожалею, но дорога зовёт и торопит. Передай ему, что слово его запечатано в моей груди золотой печатью.

Стражи пророка заставили ессеев взять у них хлеба, маслин и сушеного винограда, дали мех чистой иорданской воды и проводили с почётом.

— Да пребудет с тобой благословение, хаким!

— И над вами мир и благословение!

Пятеро ушли в неурочный час, когда лагерь готовился к ночлегу. Стихал дневной шум, люди лежали вокруг огней и рассказывали свои вечные предания и притчи. Где-то в сумерках зазвенели струны арфы, любимого музыкального инструмента евреев, и высокий женский голос начал знаменитый диалог:

Я черна, дочери Иерусалима, но прекрасна:

Вот за что возлюбил меня царь среди всех

И возвёл на ложе своё. . .

Вступил мужской голос, но слов певца уже не было слышно. Пятеро начали подниматься на первые холмы, и огни остались позади, и песня с арфой истаяла в тёмном воздухе.

Пятеро шли под звездами, беседуя между собой и главным образом слушая красочный отчёт Фомы. Все шли рядом — и Андрей Рыбак, и брат его Симон, позже прозванный за свою крепость «Петром» (по-гречески — «камень»), и плотник Йешуа, и тихий юноша Иоханан, получивший позднее прозвище «Сын Грома», и Фома, которому предстояло прославиться в веках своим скептицизмом.

Они были молоды, их вела надежда. Галилейская ночь открыла им свои объятия. Они шли с Иордана, и тати ночные не льстились на их виноград и маслины, чтя имя пророка, а диких зверей наши странники и подавно не боялись.

Йешуа не мог забыть тоску на лице Иоханана Пророка. ~~и его вон~~
«Скажи, не ты ли Мессия?»

IX

Спустя десять дней после описанных событий галилейский тетрарх Антипа в одном из покоев Тибериадского дворца принимал своих министров с экстренным отчётом.

Он сидел в кресле из ароматического сандалового дерева, одетый в тёмную тогу с фиолетовой каймой. Позади него в длинной пурпурной симарре восседала внучка Ирода Великого. Тонкое льняное покрывало осеняло её властное и всё ещё красивое лицо. Глухонемая нубийская рабыня равномерно обведала её страусовым опахалом, далеко разгоняя благоухание мирры и нарда.

Перед этой четой стояли их советники, военачальники, казначеи, жрецы. Отчёт был затребован не случайно. Накопилось много весьма неприятных инцидентов.

Средь бела дня в нескольких стадиях от Тибериады нашли труп римлянина, декуриона Максима Анция.

— Кто это сделал? — спросил тетрарх.

Эв бул Финикиец, начальник стражи и розыска, с поклоном ответил:

— Виновные будут непременно найдены, повелитель.

— Виновные никогда не будут найдены! — резко бросила Иродиада. — Нужно уморить следствие по этому делу.

— Как отнесутся к этому наши римские друзья, повелительница?

— Никак не отнесутся, — отрезала Иродиада. — Зачем им знать? Есть у нас в темнице свежие разбойники? Прекрасно! Отдайте римлянам двух, нет, лучше трёх разбойников как убийц декуриона, и пусть наши друзья распнут их в своё удовольствие.

— Быть так, — скрепил тетрарх.

В глубине души он горько ненавидел римлян, которые сначала вознесли, а потом унизили Идумейскую династию, разделив Царство на четыре части и превратив его, по сути дела, в свою колонию.

Однако из страха перед Римом Антипа скрывал свои подлинные чувства под шитой золотом сердечностью.

Положение его становилось непрочным, ибо сирийский легат Вителлий, которому подчинялась и вся Палестина, недолюбливал Антипу. . .

Следующее известие было ничуть не веселее. *Публикан* (мытарь) Исаак Каллисфен, весьма нелюбимый чернью за своё богатство и неукоснительную строгость взысканий, был вчера убит кинжалом на Иерусалимской дороге. Двое его телохранителей исчезли без следа. Такие происшествия случались и ранее, но в последнем инциденте появился новый и пугающий элемент: *денег не тронули*.

Тетрарх, выслушав этот доклад, метнул брезгливый взгляд на Эвбула Финикийца, и нетерпеливо спросил:

— Что дальше?

Самозванец Иона, распятый в Тибериаде дней десять назад за провозглашение себя потомком царя Давида (то есть за пропаганду против Идумейской династии), был после казни погребён его родственниками в семейной пещере. Но пять дней назад его труп был украден неизвестными. На рынках уже говорили, что Иона *воскрес*.

— Брать всех распространителей слуха! — приказал Антипа, медленно багровея. — В каменный мешок, в крепость, в Махерон!

Его тройной подбородок трясся. Обильная пища и питьё недовольно двигались в его желудке.

Сразу трое сановников сообщили сведения секретных соглашателей о странном и неожиданном сближении галилейской партии zelотов, остававшихся, по-прежнему вне закона, с южными отшельниками — ессеями.

Усилить наблюдение, — приказал тетрарх.

Наконец — самое опасное событие. Лжепророк Иоханан, сын Захарии, который из безумия или зловредного умысла позирует перед чернью в одежде пророка Илии, усилил антиправительственную проповедь на Иордане. К нему собираются не менее семи, иногда до девяти тысяч «купальщиков». Контроль над ними чрезвычайно затруднителен, у «купальщиков» много оружия, соглашатели и лазутчики отказываются от попыток проникновения в лагерь на Иордане, поскольку уже имели место случаи исчезновения людей.

— Сообщают, что лжепророк безошибочно распознаёт лазутчиков, повелитель.

— Он смеётся над нами! — проскрежетала Иродиада.

И однако одному человеку удалось побывать на Иордане, где он слушал лжепророка, принял «водное крещение» и благополучно вернулся в Тибериadu. Он принёс вести об окружении лжепророка: арабы, дезертиры-наёмники, галилейские кинжальщики, несколько испорченных до мозга костей представителей «золотой молодёжи» Иерусалима и одно новое лицо — есеей с юга, но, говорят, родом галилеянин. Имя не установлено.

— Об этом человеке говорят как об искуснейшем врачевателе.

— Что-то припоминаю, — сказал Антипа, — в прошлом году до нас доходили слухи о том, что будто бы некий галилеянин простого происхождения воскресил двоих мёртвых. . . Это о нём говорилось?

— Видиот, так, повелитель.

Раздался весёлый смех. Это смеялся учёный афинянин Гераклион, лейб-медик Антипы, стоивший огромных денегш.

— Прости мой смех, великодушный царь! Все толки о воскрешении мёртвых — суеверие невежественного народа. Когда люди умирают, то это очень и очень надолго. Даже Орфею не удалось вывести Эвридику из царства мёртвых! Конечно, мы не можем судить о смерти и воскрешение Богов, но что касается смертных. . . — афинянин изящно поклонился и развёл руками.

Повисла неприятная пауза. Антипа недолюбливал своего лейб-медика (в частности, из-за чрезмерного, как ему казалось, благоволения Иродиады к Гераклиону); многим сановникам речь афинянина показалась бестактной выходкой.

— Врачеватель — всего лишь обычная метафора: «врачеватель душ», — заметила Иродиада. — Они все так говорят.

Она не скрывала злобного презрения, произнося слово «они». Идумеянка имела в виду евреев.

— Врачеватели (терапевты) — это и есть ессеи, — важным тоном произнёс один из вельмож, давая излишнее пояснение.

Иродиада наклонилась к самому уху тетрарха и шепнула несколько слов. Он кивнул головой и тонко откашлялся.

— Надеюсь и впредь на ваше усердие, благородные, — бесцветным голосом сказал Ирод Антипа. — Пошлите в Кесарию печальное известие о гибели декуриона Максима моему другу, префекту Иудеи Понтию Пилату. Благодарю всех. Прошу остаться только Эвбула.

Советники и жрецы с поклонами удалились. Эвбул Финикиец приблизился к царственной чете. Он испытывал довольно обоснованное беспокойство по причине заметных неудач его службы.

Иродиада приказала ему сесть, что ясно польстило финикийцу и сразу успокоило его.

— Достойный Эвбул, — сказала Иродиада, — нельзя более терпеть неслыханной наглости Иоханана.

— Воистину так, повелительница! Я делаю всё возможное.

Она нетерпеливо кивнула, словно говоря: «знаю, знаю, но не об этом речь».

— Достойный Эвбул, — продолжала она, — есть ли у тебя на примете верный и искусный лазутчик?

— Пожалуй. . . да есть, пресветлая.

— Нам нужно иметь своего человека рядом с Иохананом.

— Понимаю, царица.

— Этот человек должен войти в доверие к лжепророку, вызнать его тайные приюты и убежища, всех его главных друзей.

— Это будет трудно.

— За деньгами дело не станет. В помощь ему будет всегда наготове сорок всадников. Если понадобится, дадим больше: сто копий, двести, триста, тысячу! Ты должен выбрать момент и взять Иоханана.

Финикиец слегка побледнел и молча поклонился.

— И ещё, дорогой Эвбул, — вмешался тетрарх, — вели своему лазутчику, помимо слежки за лжепророком, подружиться и с неизвестным терапевтом и войти в его ближайшее окружение.

Иродиада взглянула на мужа с ласковым удивлением; он порозовел и выпрямил плечи.

— Слушаюсь, мой повелитель.

— Кого ты предназначаешь для этого важного дела? — спросила Иродиада.

— У меня есть блестящий соглядатай, красивый молодой иудей, сын купца **Иссахара** из рода Иссахара.

Иродиада кивнула, подняла подвешенное к поясу зеркальце в драгоценной оправе и внимательно взглянула в него, беспокоясь о сохранности грима на своём лице.

— Как зовут этого красивого мальчика? — спросила она, забывая о присутствии Антипы и впадая в кокетливо-томное настроение.

— Иуда Иссахариот.

Х

Зима в Палестине — это время проливных дождей и ледяных ветров. В один из зимних вечеров, не доходя до Каны Галилейской, четверо путников оказались на дороге среди полей, ввиду приближающейся бури. Ветер пронизывал их до костей. Это были очень разные люди: красивый юноша с неподвижным взглядом; высокий и смуглый галилеянин с копной чёрных, курчавых волос и с беспокойным ~~взглядом~~ глазами; задумчивый назорей, устало опиравшийся на дорожный посох; и чёрный, худой человек в рыбацкой шапочке, очень добрый на вид. Они озирались на небеса и выказывали тревогу, — все, кроме назорея с посохом.

— Давайте свернём с дороги! — предложил высокий и черноволосый. — Отсюда в часе пути я знаю селение, где нас примут с радостью.

Трое путников с видом ожидания смотрели на задумчивого назорея, который поднимая голову, с наслаждением вдыхал холодный ветер.

Казалось, находящая буря ничуть не пугает его. Однако он понимал беспокойство своих товарищей и вчуже разделял его.

— Что ж! — сказал он. — Можно повернуть к селению. . . Пётр повсюду находит друзей. . . Только мне чудится, приют и ночлег ожидают нас где-то поблизости.

— Учитель, до Каны ещё три часа ходу, — возразил Пётр (он же Симон Зелот), — и нам не укрыться от дождя.

— Может быть, ты и прав, — ответил Йешуа Назорей, ибо это был он.

Пока они рассуждали и колебались, на дороге показались какие-то огоньки. Они дрожали и металась под ударами холодного западного ветра, но двигались навстречу четверым.

— Кто-то идёт, — сказал робкий Иоханан.

— Это добрые люди, брат мой, — ответил Йешуа.

Вскоре Четверо увидели на дороге человека в толстом плаще с круглым лицом; два раба, предносителя света, шли перед ним с факелами, третий раб, вооружённый мечом, следовал в двух шагах за хозяином.

Увидя четверых путников, человек в плаще высунул нос из-под капюшона и спросил на красивом койнэ с чужеродным афинским акцентом:

— Эй, люди добрые! Вы никак заблудились?

— Нет, господин, — отвечал Йешуа. — Мы идём в Кану, но не надеемся дойти до неё прежде грозы.

— Тогда ступайте со мной, — сказал круглолицый, — я обогрею вас и накормлю ужином, и вы переночуете в моём доме.

Йешуа Назорей вопросительно взглянул на своих спутников. Их явно обрадовало это радушное приглашение, только Симон Пётр засомневался:

— Не во гнев тебе будь сказано, добрый эллин, — сказал суровый галилеянин, — но мы правоверные иудеи, и не пристало нам оскверняться пищей язычников.

Человек в плаще грустно улыбнулся:

— Друг мой, не говори о язычниках! Я женат на иудеянке, ради неё я принял закон Моисея и совершил обрезание. Мой дом — это еврейский дом, если только в наше беспокойное и перепутанное время ещё могут быть настоящие евреи.

— Вот слова маловера! — с оттенком отвращения произнёс непреклонный желот.

— Ты прав, о путник! — невесело отвечал человек в толстом плаще. — Меня трудно спутать со святым. И всё же я выполняю обряды, подаю милостыню бедным и призываю усталых, не ожидая за это платы.

— Благослови тебя бог, господин! — сказал Йешуа, сын Иосифа. — Мы идём с тобой.

— Вот и славно, — заключил эллин.

Все вместе тронулись в ту сторону, откуда пришёл Йешуа с друзьями. На расстоянии одного стадия с четвертью от большой дороги отходила сельская тропа; предносители света свернули на неё, путники в молчании одолели подъём, и тотчас им показалась большая вилла в греческом вкусе среди сада. В доме светились огни, ожидая хозяина. Заслыша приходящих, залаяли собаки.

~~Заслышав глас хозяина~~ Увидя два факела, сторожа виллы поспешили открыть ворота; круглолицый хозяин повернулся к гостям и сделал широкий жест:

— Добро пожаловать, странники! Мой дом — ваш дом.

— Ах, есть на свете люди, — шепнул юный ессей Иоханан рыбаку Андрею, брату Симона Петра.

Андрей улыбнулся.

— На свете есть Учитель и ты, добрая душа, — сказал он, входя с Иохананом во двор. — Как ты видишь людей, таковы они суть.

Внутри виллы зажигались новые огни. Толстогубый нубиец с ключами в руках, кланяясь, встретил хозяина.

— У нас гости, — сказал круглолицый, сбрасывая плащ на руки нубийцу. — Приготовь ужин на пятерых в малом зале. Госпожа ещё не спит?

— Госпожа ждёт тебя.

— Сейчас я поднимусь к ней.

Хозяин обернулся к гостям и приветливо улыбнулся:

— Ступайте за мной, друзья мои.

Он повёл их в специальное помещение, где в каменном полу были выдолблены корытца для мытья ног; вода проходила по трубам мимо очага и была тёплой, как парное молоко.

— У тебя, видать, хорошо с водой, — заметил Йешуа, моя ноги рядом с хозяином.

Два раба помогали хозяину и пришельцам мыть ноги.

— Я отвёл горный ручей, — ответил хозяин Назорею. — Иначе у меня не было бы этого сада.

Он пригладил рукой свои редкие волосы.

— Отдайте слугам верхнюю одежду, гости, — сказал он. — Они высушат её. Ступайте в столовую, я сию минуту вернусь к вам.

И он, улыбнувшись улыбкой оправдания, торопливо отправился поздороваться женой.

— Ну, какой же это еврей? — проворчал Симон Пётр. — Только греки так увиваются вокруг своих женщин.

— Говорят, у них был славный мудрец по имени Сократ, — вставил Андрей. — Однако жена мудреца бранила его всечасно и за малым не била.

— И чего только не болтают люди! — вздохнул Йешуа. — Послушай, раб нубиец, брат мой, где у вас столовая?

— Ступайте за мной, господа, — отвечал домоправитель.

Он проводил их в ярко освещённую комнату, которая сразу неприятно поразила гостей фресками на стенах: ведь закон Моисея запрещает всякое изображение. Слуги уже заканчивали накрывать на стол, и ложа вокруг стола были мягко застланы: всё по греческому обычаю.

Евреи едва успели обозреть стенные росписи, как спустился хозяин.

— Простите, добрые люди, что я оставил вас, — сказал он, — но я хотел успокоить супругу и предупредить её о приходе гостей.

— Ты поступил правильно, хозяин, — ответил Йешуа.

Эллин с круглым лицом чуть-чуть опешил и присмотрелся к Назорею. Гости, в свою очередь, исподволь рассматривали его.

При свете многочисленных лам хозяин выглядел старше, чем показалось евреям на ночной дороге. На его круглом лице ледянисто светились маленькие голубые глаза; нос украшала крупная бородавка. Он был некрасив, но приятен. Несмотря на спешку, он успел переодеться в лёгкую домашнюю одежду, скроенную на греческий манер. Во всём этом,

и в фресках, и в одежде хозяина, не было ничего странного в тогдашней эллинизированной Иудее.

Он пригласил Йешуа, в котором безошибочно угадал старшего, прочесть молитву, после чего все возлегли вокруг стола, и трапеза началась. Это оказалась простая, но хорошо приготовленная еда — типичный еврейский ужин в хорошем доме. Прислуживали двое мальчиков, обыкновенные галилеяне.

— Прости меня, добрый хозяин, — сказал за ужином Пётр, — но почему я ранее не видел твоей виллы? Я живу в Кане и знаю всё окрест.

— Ничего тут дивного, дорогой гость. Я поселился здесь и выстроил эту виллу год назад; сад был ранее, я купил его у Кривого Натана.

— Я знаю Кривого Натана, — сказал Пётр. — Всё говорят, что сад его плох.

— Говорили правду, — кивнул хозяин. — Но я оживил его, потому что люблю сады... У меня есть деньги, я не хочу, чтобы они пропадали зря. Можно ли найти лучшее применение богатству, чем новый сад и новые плоды?

— Хорошо сказано, — заметил Йешуа.

— Воистину, — согласились его ученики.

Наступило молчание; гости степенно ели. Хозяин ел мало, обводя их блестящим и рассеянным взглядом.

— Я не велел подавать вина, — начал он, — ибо мне показалось...

— Ты правильно сделал, — успокоил его Йешуа. — Мы не пьём хмельного. Добрая беседа приятнее сердцу, чем вино, мёд и музыка.

— У твоих слуг цветущий вид, — сказал Иоханан Ессей. — Поведай нам, хозяин, как ты судишь о малых людях...

Грек был явно поражён прямоотой этого вопроса. Он с любопытством уставился на юного гостя и не сразу собрался с ответом.

— Мой юный друг, ты задал необычный вопрос! — сказал он наконец. — Правда, об этом задумываются философы Эллады, но в Иудее не часто встретишь вопрошателей истины. Здесь чересчур много думают о жертвоприношениях, постах и молитвах...

— Мы не фарисеи! — резко сказал Симон Пётр.

— Вижу, — ответил хозяин. — По моему разумению, все люди, большие и малые, свободные и рабы, равны перед роком.

— Значит, и ты гулял под Расписной Стойей? — спросил Йешуа.

— Как, и ты? — вскричал поражённый хозяин.

— Нет, я не бывал в Афинах, — ответил Йешуа. — Но продолжай.

— Я уже всё сказал. Только добавлю, что в добром отношении к невольникам нет ещё добра: просто по нраву моему видеть вокруг спокойные лица. Я не могу терпеть голодных людей.

Йешуа понимающе кивнул:

— Ты добр к малым людям ради собственного спокойствия.

— Да, это так. Я не обременяю рабов излишней работой, хотя и не люблю видеть их без дела: ничем не занятый раб портится и пропадает.

Наступило молчание.

Взор Йешуа блуждал по стенам столовой. Прямо против него на стене был изображён берег моря, женщины, стиравшие бельё, и голый мужчина, который прятался в кустах.

Йешуа указал на красивую женскую фигуру в центре фрески.

— *Навсикая*, — сказал он.

Хозяин от изумления чуть не подавился сливой.

— Неужели ты знаешь Гомера, дорогой гость?

Йешуа Назорей оставался серьёзным, только в его карих зрачках замерцали искорки добродушной иронии.

— Не правда ли, — сочувственно сказал он, — что дивно и страшно увидеть грязного еврея с большой дороги, которому знакома песнь об Одиссее?

— О, не пойми меня так! — вскричал хозяин, краснея и огорчаясь. — Я уважаю еврейскую мудрость, но она так далека от эллинского разума!

— Вот в этом ты прав, — кивнул Йешуа. — По сю пору эллин и еврей не понимают друг друга.

— И никогда не поймут! — бросил Пётр, он же Симон Зелот.

— Как знать? — отвечал Йешуа.

— Но скажи мне, добрый назорей, — спросил хозяин, — откуда ты знаешь песни Гомера?

— Я слышал их в Александрии, у одного учёного эллина доброй жизни. Он даже и не совсем эллин...

— Прости, я перебыл тебя! — спросил хозяин. — Нравится ли тебе Гомер, или ты считаешь его слишком языческим певцом?

— Это трудный вопрос, — отвечал Назорей в задумчивости. — Мне совсем не по душе песнь об осаде священного города.

— Илиада!

— Так называют её. Как мог этот певец столь однообразно и неустанно прославлять бесконечные человекоубийства?

— Ах, ты прав, клянусь утренней звездой!

— Не клянись! — сказал Андрей и его поддержали остальные.

Хозяин смутился и попросил извинения за свою забывчивость.

— Да, эта песнь мне не по душе, — сказал Йешуа. — Но песнь о мореходе гораздо лучше!

— Ты любишь Одиссея? — с жадным любопытством спросил хозяин.

— Нет, господин и друг мой, — ответил Йешуа. — *Я его не люблю*. Он слишком много хитрил и обманывал.

Эллин был явно сбит с толку.

— Так почему же Одиссея нравится тебе? — спросил он.

— Там много правды о жизни, — сказал Йешуа. — Все думают, что это баеня сказка, а там много правды.

— Но что тебе особенно по душе в Одиссее?

— Я люблю тот рассказ, где Навсикая отпускает морехода на родину, хотя полюбила его. Она подарила ему свободу, а выше этого дара нет ничего! — сказал Йешуа, указывая на стенную роспись.

— Прекрасно, прекрасно, — пробормотал хозяин.

— И ещё я люблю то место, где старый пёс первым узнаёт вернувшегося хозяина, — сказал Йешуа. — Гомер понимал, сколь крепка любовь малых и неразумных.

Хозяин, забывшись, пропел несколько слов на старом ионийском диалекте. Он был взволнован.

— Но как отвратительно и грустно слышать, — сказал с силой Йешуа, — о кровавом избитии глупых женихов, которое устроил этот несчастный мореход вместе со своим сыном. . .

— Жестокое старое время, — извиняющимся тоном сказал хозяин.

Мягкое лицо Йешуа внезапно вспыхнуло гневом.

— Когда-нибудь и о нас скажут: «Жестокое, стародавнее время!» — сказал он горько. — И будут творить жестокости на новый манер, и притворяться, что стали добрее. . . Нет оправдания насилию во веки веков!

Круголицый эллин, расстроившись, как ребёнок, отложил недоеденный гранат и подпёр голову рукой.

— А как Одиссей отталкивал тень собственной матери в преисподней? — напомнил Йешуа.

— Ему нужно было услышать прорицателя! — вскричал хозяин.

— Нужно? — иронически спросил Йешуа. — Очень нужно? Нужнее матери? Нужнее, чем добро?

— Так ты считаешь, что добро превыше жизни? — со страхом и почтением спросил стоик.

Йешуа потупился и ~~не ответил~~ сделал смутный жест.

— Прости, гость мой, а у кого в доме ты слушал песни Гомера?

— О, то был сошедший с пути еврей, — ответил Йешуа. — Его зовут Филон Александриец. Он мудр, но не прав.

XI

— Филон Александриец? Я знаю его! — вскричал хозяин. — Это самый просвещённый из евреев.

— Эллины называют его Филолоном Евреем, но для нас он скорее эллин, чем иудей. Впрочем, это не столь уж важно. . .

— Однако, любезный гость, я примечаю по твоим речам, что твоя любовь к мудрости обручена с нелюбовью к эллинам. Или я ошибаюсь?!

— Ты ошибаешься, добрый человек, — ответил Йешуа.

— Всё же ты не любишь греческой философии?

— Греческий ум — это детский ум, ответил Йешуа, — и эллины никак не могут повзреть.

— Удивительные речи я слышу! — вскричал хозяин. — Я поклоняюсь Единому Богу и не вкушаю нечистого, однако же разве иудеям нельзя ценить мудрости иных народов?

— Можно и должно, — молвил Назорей.

— Как же ты равняешь с неразумными детьми Фалеса Милетского, Платона Афинянина, Аристотеля Стагирита.

— А знаешь ли, многоучёный муж, что дети — просто дети — весьма разумны, часто даже разумнее брадатых и убелённых сединами, разумнее книжников и философов? — ответил Йешуа.

— Но всё же они дети?

— Да, мудрый стоик, всё же они дети. Многое открывает им Господь, но дети есть дети: они не имеют силы духа и живут, играя. Но таковы же и все эллины.

— Дорогой гость, расскажи мне подробнее, что ты разумеешь под этими словами.

— С охотой, любезный хозяин, только окончим нашу трапезу, омоем руки и оставим застолье, ибо и у моих друзей уже слипаются глаза. Мы много прошли сегодня.

— Учитель, — сказал Иоханан, — позволь мне слушать ваши речи.

— Нам же с братом позволь удалиться на покой, — сказал Пётр.

— Да будет по вашему желанию, друзья мои.

Хозяин кликнул своего чернокожего домоправителя и велел ему отвести гостей на ночлег, а сам с Назореем и юным есеем отправился в библиотеку, полную пергаментных и папирусных свитков. Тора соседствовала здесь с сочинениями перипатетиков, а на стене были изображены Земля, Луна, Солнце и звёзды, как их представляли себе Аристотель и Птолемей.

Усадивши гостей на греческие невысокие кресла, хозяин сам поместился напротив них и попросил Назорея продолжить его рассуждения:

— Почему же, удивительный человек, ты считаешь эллинов подобными играющим детям, а их разум — детским?

— Я скажу тебе, искатель мудрости, — ответил Йешуа. — Потому, что эллины хотят прежде всего и более все *утех* своим чувствам и *радости для плот*.

— А что же в этом дурного или порочного? — с некоторым вызовом спросил хозяин.

— Ты сейчас говоришь не так как думаешь, — заметил Йешуа.

Хозяин смутился.

— Ты прав. Питомцы Стои не считают благом радости плоти, — признал он. — Но большинство эллинов живут ради таких радостей.

— Ты сказал истину. Эллины услаждают свой слух музыкой и песнями о любви, услаждают зрение идолами, одетыми и раскрашенными наподобие живые людей, услаждают нёбо медами и винами, услаждают желудок сладкими и пряными кушаньями, услаждают свою

похоть частыми сношениями с блудницами, которые обучены своему ремеслу в особливых школах: ибо если женщину познают не ради продолжения рода, то средство к цели само становится целью, и такое сношение есть простая игра, а в игре нужны не любовь и самоотвержение, но всего лишь ловкость и искусство. И такую же пустою игрой оказывается принятие пищи без голода и питьё вина не ради утоления жажды и не ради празднества, а только ради утехы чувства... И такую же пустою игрой оказывается сотворение идолов, в которых никто не верит. Эллины живут играя.

— Мои слова — это правда. Всё знание и ум эллинов пошли по ложному пути, и он ведёт их не к обители Бога, а к бездне, наполненной смрадом и трупами.

— Ложный путь?

— Увы, многоучёный муж, это ложный путь. После мучительных размышлений нескольких мудрецов о мире и Боге и справедливости, Эллада скоро устала и вернулась к своим играм. Я не удивлюсь, если знаменитые повара напишут для эллинов пространные сочинения о том, как готовить диковинные яства...

— Такие книги есть, — пробормотал хозяин.

— Или ещё найдутся учёные блудницы, которые опишут в книгах все способы, какими они тешат любострастие развратников.

— И такие книги есть, их написала Элефантида, — сказал хозяин, — и притом самыми прелестными стихами.

— Не может быть! — вскричал поражённый Иоханан.

— Очень может быть, — спокойно заметил Йешуа.

— Так и есть, — подтвердил хозяин.

Они помолчали.

— Но вспомни, Назорей, даже в Содоме нашёлся один праведный человек, племянник Авраама. Так и в Элладе есть Стоя, есть мудрецы, презирающие утехы плоти.

— Да, — отозвался Йешуа, — питомцы Стои умнее прочих эллинов. Однако скажи мне, добрый муж, чему они учат?

— Это нелегко изложить в немногих словах.

— Попытайся выбрать главное в их учении.

— Я попытаюсь, богоданный гость мой. Мудрецы Стои, из них же главнейшие Зенон Киприот и Хрисипп Киликиец, укротили гордыню многосведущих. Знание вещей, земного бытия не может быть целью само по себе; собиратель знаний, не умеющий жить достойно, подобен скупому богачу, который спит на мешках с золотом и гложет сухую корку. Знание — это всего лишь средство для приобретения мудрости, умения жить.

— Это хорошо, — сказал Йешуа, — это истинно.

— А жить надо сообразно природе, — продолжал ободрённый эллин. — Счастье заключается в свободе от страстей, в спокойствии духа, в равнодушии. Мудрому следует избегать тревожений и нареканий на ход вещей: что толку бранить камень, падающий с горы? Судь-

ба всевластна, спорить с нею безумие. Итак, должно следовать судьбе и повиноваться ей. Не так ли, любезный гость?

— Нет, — отвечал Йешуа.

— Как? Неужели эта суровая и горькая мудрость не убеждает тебя? Или ты не веришь в судьбу?

— Пойми же, о добрый и несчастный человек, что эта мудрость ещё хуже, чем низкие страсти эллинов и римлян. Ведь если они уподобляются животным в неразумии страстей, то Зенон, Хрисипп и ты, мой хозяин, желаете прозябать, подобно траве, ибо бесстрашие — это удел растений. Камню я предпочту траву, траве я предпочту зверя, зверю я предпочту человека. Погибель равнодушным! Нет им спасения.

— Я не понимаю тебя, Назорей.

— Скажу тебе иначе: равнодушная мудрость не ведает жалости и не желает видеть язв людских. Порочный человек сегодня жесток, завтра смягчится, ибо страсти гонят его по кругу земли, но равнодушный жесток всегда.

— Но какой же смысл бороться с судьбой и не мудрее ли прозябать, как ты говоришь?

— Истинно говорю тебе, совесть превышает судьбы и воля Бога Живого свершается каждый день.

— Назорей, нам не дано изменить ни йоты в Книге Судьбы.

— Эллин, Книга Судьбы не написана, и прежде конца мира никто, ниже сам Господь, не скажет последнего слова.

— Разве мир не сотворён много веков тому назад?

— Он сотворён, и был разрушен потопом, и сотворяем вновь, а заменой потопа бывали страшные завоеватели и творение продолжается ... Ибо когда гончар остановит круг и скажет, что сосуд готов, то сосуд этот перестанет изменяться, и из мягкого станет твёрдым, а отверделое мёртво. Запомни, эллин, жизнь есть неготовое.

— Творение продолжается? Кто же ныне творит мир?

— Воля Божия через всех людей. Есть только она, и ей навстречу поднимаются мольбы человеков. Нет судьбы, которой ты поклоняешься, нет извечной и написанной прежде на все будущие времена. Ты мореход, ты попал на корабле своём в неведомое море — хорошо выбирай свой ветер! Не будь равнодушен, плыви и молись! Бог поможет пловцу. Но того, кто снял парус и бросил кормило, Бог предоставит его собственной судьбе. Бойся остаться в одиночестве, без Бога и наедине с судьбой. Равнодушие есть смерть.

— А в чём же ты видишь истинную жизнь, Назорей?

— Жизнь есть любовь, и Бог есть любовь.

— Всемогущий Эрос?

— О нет, добрый стоик, не Эрос! Жизнь только в агапэ, в любви божеской и братской.

— Никогда не слыхал я таких речей! — в изумлении вскричал хозяин.

— Ты ещё не раз их услышишь, ибо наступают новые времена. Эллин вздрогнул и вперил в Назорея сверкающий взгляд. Затем, подняв руки, он с надеждой произнёс несколько непонятных слов и уставился на Йешуа, ожидая ответа.

Тот покачал головой.

— Нет, добрый хозяин, я не понимаю языка вавилонян.

— Однако ты понимаешь, что это язык вавилонян?

— Да, я слышал его прежде, но мало. Почему ты решил, что я знаю его?

— Я подумал, что ты — *звездарь* и прорицатель людских судеб, а все, кто читают по звёздам, уважают ~~ночитают~~ Вавилон, где был корень этой науки.

— Я не звездарь, а скорее врачеватель. Но ты, я думаю, сам звездочёт. . .

— Да, я сам звездочёт.

Хозяин говорил тихо, и взгляд его затуманился.

— Узнай, Назорей, что я родился в Вавилоне, и в жилах моих течёт не только эллинская кровь.

— Я так и думал, — сказал Йешуа Назорей. — Время уже позднее, но если такого будет твоё желание, поведай нам о себе и о том, что прочёл ты в созвездиях.

— Так я и сделаю, — отвечал хозяин.

XII

— Узнай, о мудрый Назорей, что я родился в Вавилоне и был наречён великим именем Мардука, вы же, евреи, называете его Мардухай. Отца же моего звали Антипатр, и в нашем роду постоянно смешивалась эллинская и вавилонская кровь. Когда Александр Великий взял себе вторую жену, царевну Статиру, то одновременно восемьдесят его ближайших друзей тоже вступили в брак со знатными персиянками. И ещё десять тысяч воинов Александра, эллинов и македонян, тоже взяли себе в жёны дочерей Востока, ибо царь хотел породнить Вавилон с Элладой и обещал всякому, кто женится на девушке из покорённого народа, полностью заплатить долги. Среди этих воинов был Никомах Двоерукий, славный в бранях: он одинаково сильно разил и правой, и левой рукой. Это был дед моего деда.

Потомки Никомаха жили счастливо и возвысились на службе Селевкидов. Большое родство среди вавилонской знати и немалые богатства моего рода помогли нам пережить крушение державы и уцелеть в тени новых царей. Однако постепенно большинство моих предков и сородичей переселились на запад, в Сирию и Элладу, ибо иго парфян казалось им тяжело. Я родился в Вавилоне, учился в Антиохии и Афинах, жил повсюду от Евфрата до Тибра. . .

— Ты жил и в Риме? — не удержавшись спросил юный ессеи Иоханан, долго хранивший почтительное молчание.

— Я провёл в нём семь лет, мой молодой гость. Ибо я изучил не только физику, этику и логику эллинов, но и древнюю вавилонскую науку чтения звёзд. Мои гороскопы, лучшие по точности, всегда сбывались, и слава моя дошла до самого кесаря. Он приказал призвать к нему Мардония Вавилонянина (ибо эллины называют меня не Мардуком, а Мардонием), и я предстал перед самым властелином мира.

— Ты видел Тиберия?

— Я видел его, — задумчиво и без всякой важности ответил хозяин. — Я видел его, как вижу вас, и это было не единожды. Ибо кесарь пожелал, чтобы я прочёл по звёздам его судьбу.

— Но скажи нам, каков он собою, — попросил Йешуа.

— Я видел его давно, с тех пор он уже сильно изменился и, как я слышал, очень постарел. . . Он был очень высок и силён, мышцы у него были развиты толстые, как у гладиатора, и он был красив лицом, с орлиным носом и большими серыми глазами; но он очень трудно разговаривал. Говорили Рассказывали, он мог одним щелчком пробить темя взрослого человека, но он никогда не изучал ни риторики, ни диалектики. Телесная красота и сила — вот всё, что я запомнил о Тиберии.

— Самое непрочное, — сказал Йешуа.

— О чём же кесарь говорил с тобой, достойный муж? — спросил Иоханан.

Тиберий хотел узнать, нет ли у него врагов среди приближённых. Мне пришлось проделывать громадный труд и множество расчётов. Я не стал скрывать от него правду, — хозяин понизил голос и невольно огляделся.

Йешуа и Иоханан молчали.

Мардук, сын Антипатра, заново пригляделся к ним.

— Вы люди верные и не станете говорить об этом..

Оба гостя молча кивнули.

— Звёзды открыли мне, что кесарь Тиберий умрёт от руки человека, которому он верит. Я не скрыл от него правды, но просто сказал ему, что он должен остерегаться одного из людей, им любимых. Тиберий был поражён этим, однако, как мне кажется, в душе признал истину моего предсказания. Он щедро наградил меня и приказал мне молчать об этом под страхом смерти. Вы первые, кто услышал эту тайну.

Тиберий запретил римлянам обращаться к звездочётам, ибо не хотел, чтобы его подданные, между прочим, могли узнать и его собственную судьбу. Но спустя год, тревожась тайными посещениями звездочетов, кесарь повелел выслать из Италии всех предсказателей судьбы, числом не менее четырёх тысяч.

Он не забыл и обо мне: ко мне домой явился центурион и сказал, что по воле кесаря мне даётся двухдневная отсрочка для продажи моего имущества, а через два дня мне дали самых лучших лошадей, чтобы я как можно скорее покинул Италию.

Я оставил эту вероломную страну и удалился в Афины, где нашёл своих друзей; однако власти знали о немилости кесаря и не дали мне покоя. Тогда я уехал в Азию и жил очень

хорошо, только один мой гороскоп вызвал гнев большого римского чиновника. Я не стал ожидать худшего и уехал в Антиохию, где собирается прекрасное общество; там в домике Дафны, во время увеселений, я встретил знатное и богатое иудейское семейство, дочь которого стала моей женой. Мы оба хотели уединения, а потому избрали Кану Галилейскую и этот сад. Мой тесть знаком с большими людьми в Тибериаде, мне же довелось оказать маленькие услуги кое-кому из иных людей; простой народ уважает меня, рабы мои счастливы, и я живу мирно. У меня есть сад и звёзды, а более мне ничего не нужно.

— Рассказ твой хорош и правдив, — промолвил Йешуа Назорей, — однако ты сказал не всё, что ты знаешь.

— Ты прав, славный муж, я умолчал о самом важном, ибо не знал, что более интересует тебя и твоего друга. Есть вещи намного важнее моей жизни.

Ты говорил, мудрый Назорей, что нет от века предначертанной судьбы. Хотя в речах твоих слышалась вера и сила, всё же трудно мне отрешиться от мысли, что есть в мире знаки будущего. Ибо, по моему разумению, грядущее не только будет, оно уже отчасти есть. И то, что есть из завтрашнего дня, знают звёзды, ибо они были прежде нас и пребудут много дольше, а потому наши тайны не открыты.

Тридцать лет тому назад, когда я был ещё ребенком и лишь подбирал крохи от пиршества халдейских мудрецов, хвостатая звезда возшла на востоке и ушла на запад: ранее никто не видел такой. Самые учёные мужи Вавилона рекли, что звезда эта возвещает рождение царя, который потрясёт вселенную. Где родился он, я не знаю, и никто не знает. Но он родился.

Два года назад, незадолго до моего приезда в Галилею, в этих местах явился пророк дикого и сурового вида, именем Иоханан; я думаю, вы слышали о нём. Он купает людей в Иордане и проповедует скорое пришествие Царя-Избавителя, Помазанника Божия, по-еврейски он называется Мессия, а по-гречески Христос. Немало уже было случаев в этой стране, когда народных вождей объявляли Мессиями, так что иногда в Иудее в один и тот же час было по три Мессии. . .

— Молчи и слушай! — повелел ему Йешуа.

— Да, я тоже думаю, что это были самозванцы. Говорят, Иона плакал, идя на казнь в Тибериаде. Но пророк Галилеи не выдаёт себя за Мессию, а лишь предвещает его приход. Думается мне, что хвостатая звезда возвестила рождение того самого царя, о котором говорит Иоханан Предтеча. Он говорит истину: тому царю должно быть тридцать лет — может быть, тридцать с небольшим. Он скрывается, но его час близок.

Я здесь не перестал наблюдать звёзды. Ныне явились небывалые сочетания звёзд и планет: картина неба не та же самая, что была всегда. Увеличилась сила красной звезды, Марса, а это предвещает войну, кровь и людскую гибель. Возможны землетрясения. Друзья написали мне из Египта, что, по глаголу тамошних жрецов, птица Феникс готовится восстать из пепла. Это означает перемену времён.

— Всё это похоже на правду, — сказал Йешуа, навивая на палец пряди своей бороды.

— Очень похоже на правду, мудрый Назорей. Кажется мне... и я ещё раз прошу вас о скромности... что к кесарю приближается Великая Успокоительница, а посему вечный сон его близок. Все знают, что Юлий пал от кинжалов собственных друзей и сенаторов Рима; Октавиан умер спокойно в своей постели; какова будет кончина Тиберия?

— Она будет плохой, — сказал Йешуа.

— Откуда ты знаешь это, если не веришь звёздам?

Йешуа улыбнулся.

— Будущее говорит не только устами звёзд, но и устами пастухов.

— Как мне понять эту загадку, мудрый гость?

— Ты веришь в судьбу предначальную, я верю в суд Божий по делам людским. И знаки этого суда явлены тем, кто желает видеть. Взявший меч погибнет от меча, и неправое сокрушится неправдой. Истина же пройдёт мимо.

— Ты объясняешь тайну тайной.

— Я сказал тебе много, Мардук, сын Антипатра.

— Мне трудно постигнуть путь твоего разумения.

— Почему же?

— Вот, к примеру, ты первый сказал ныне, что наступают новые времена. И когда я привёл свидетельства звёзд, то ты не оспорил, а подтвердил их. И однако ты не веришь в судьбу...

— Мардук, я уже говорил тебе, что судьба сильна и ужасна, как власть кесаря. Но как Парфия ставит предел кесарю, так и Бог превышает судьбу. Борись и мужайся — ты можешь охрометь в борьбе, но судьба не одолеет тебя. Совесть сильнее судьбы.

— Но звёзды?

— Что ж, звёзды сильны. Но знаешь ли, что говорят мудрейшие люди в Иерусалиме? Праотец наш Авраам обречён был звёздами на бесплодие. По его гороскопу, у него не могло быть детей. Он же родил Исаака, откуда нёнён корень избранного народа, и ты сам женат на дочери этого народа, хотя этого не было начертано от века и звёзды сулили иное.

— Что же это... как понять? Космоса нет? Неужели мы живём среди хаоса, и космос — только видимость?

— Нет, мир устроен, он космос, порядок, но устройство его длится, как я тебе уже сказал. Когда ты строил дом свой и обновлял сад, разве не приходили тебе в голову переделки плана?

— Да, мне случилось спорить с моим архитектором, ибо я хотел с крыши дома без помех наблюдать небо, он же не понимал, для чего я нарушаю стройность пропорций... И сад я разбил не так, как мне советовали.

— Видишь? Так чему же удивляться, что Господь испытует и меняет приговоры, если даже один дом на земле переделывается при постройке?

— Но вести о переменах — ты с ними согласен?

— Да, это будет воистину, ибо это должно быть.

— Должно?

— Да, Мардук, не предначертано от века, а теперь сделалось должным. И не судьба сулит перемены, а обида народов, ею же явлен гнев Божий. Тысяча племён хотят изменить лик земли: значит, этого хочет Бог. Все люди ждут больших перемен. Они будут.

— Перемены зависят от самих людей?

— Нет, перемены зависят от Бога. Но люди могут познать его волю. . .

— Кто познал волю Бога?

— Несколько человек хорошо поняли её. В Иерусалиме живёт благочестивый и учёный человек именем Гамалиил, из братства фарисеев; но, хотя он фарисей, слово его неложно и жизнь его свята. Он видит многое. Совсем иной человек — тот, о котором ты уже помянул: Иоханан, сын Захарии. Он познал волю Бога. Но более всех видят знаки Божия суда старцы из пещер Енгадди, имена же их ненарицаемы, ибо они ушли от мира.

— Мудрый гость, ты ещё и сам не назвал своего имени.

— Прости, Мардук, я ждал, когда ты спросишь. Я зовусь Йешуа, сын Иосифа Плотника, сам я и плотник, и врачеватель, и теперь прохожу по земле, разнося слово истины. Я жду.

— Чего ты ждёшь, Йешуа Назорей.

— Я жду, когда исполнится чаша гнева Божия и сбудутся речения пророков Израиля, ибо час близок.

— Тут мы сходимся с тобою, желанный гость.

— Да, Мардук, ты неволею вещаешь истину и время великих перемен. Хоть разум твой омрачён ложной мудростью, Бог и для тебя не пожалел немного света, и радуйся этому!

Мардук кивнул головой. Он выразил полное согласие с гостем:

— Воистину миру настанет перемена. Её ждут арабы, иудеи, галаты и египтяне. Афины и вся Эллада тоскует, соскучась рабскою жизнью под пятой кесаря. Многие эллины вспоминают былую славу своих городов и желают иметь собственных царей.

— Эллада бессильна, а Рим свиреп.

— О мудрый странник, Рим удивителен и многолик! У него нет единой души, а у него две души: одна смиряется перед силой, другая оплакивает свободу. Ведь прежде автократия не водилась у римлян.

— Нет, Мардук, не говори мне о Риме. Сыны Волчицы забыли свободу ради дарового хлеба и тёплых бань; рабство пришлось им по душе, и более всего на свете они любят свой неправый закон. Он твёрд, словно железо, и столь же мёртв. Закон заменил им Бога, а посему — смерть в душе Рима.

— Ты полагаешь, Йешуа, что парфяне завоюют нас и уничтожат силу кесарей? — с волнением спросил хозяин.

— Нет, Мардук, — отвечал Йешуа. — Ещё могут быть войны с парфянами, на долю обеих сторон выпадут и победы, и поражения, но этим ничто не решится. Обе великих державы

истошат сами себя, и не войнами, а вечной готовностью к ним. Ибо сила изнурительна для сильного. Рим сокрушится изнутри.

— Сам собою, естественным ходом вещей?

— Нет, Мардук, добрый хозяин, не сам собою, а по Божией воле.

— Но, если я правильно понял тебя, воля Бога осуществляется людьми?... Теми, кто уразумел её?

— Да, теми, кто уразумел её, и теми, кто пошёл за уразумевшими... Люди камень по камню разрушат Дом Юпитера, перо за пером ошпилют Орла его. Чёрный ветер пустыни пролетает над городами, и сила его бессильна, но тьмы малых песчинок, тьмы тем и более того сыплются тихо и днём и ночью, погребая сады, колодцы и храмы.

Мардук, сын Антипатра, в волнении стиснул руки и всем телом подался вперед:

— Значит ли это, о Йешуа...

Йешуа кивнул и ответил:

— Мы разрушим Рим.

Заметки к роману «Звезда и совесть»*

Р. Г. Назиров

1.

Общие принципы.

Посредством полифонии, юмора, трагики, скептицизма и энтузиазма создать плюралистическое повествование.

Grand style + фактичность.

Славянизмы и модернизм.

Главное — плоть, фактичность. Масса мелких деталей. Язык Библии. Точность географии. Травы и лекарства. Апостолы — это люди, которым он преподавал свой метод: сперва лечение, потом проповедь. Он читал Платона и знал египетские фокусы. Восточная медицина. Гипноз и внушение. Лечил летаргию и истерию. Умел выводить из кататонии. Особенно удачно лечил женщин и детей. Гениальный целитель неврозов.

Эпичность. Везде истреблять и педантичные длинноты, и скороговорку.

Иисус — гениальный терапевт и великий патриот. В его речи должны быть медицинские сравнения. Он изучал греческую медицинскую литературу.

2.

Важный драматический поворот.

Сначала Иуда Иссахариот явился с поручением от пророка, который из Махерона спрашивал: «Не ты ли Мессия».

Тень сомнения у Назорея. Почему? Очень красив (жгуче-красив), по-восточному театрален, создан для роли жён — премьера. Всю жизнь хочет быть героем романа.

У него есть и другое поручение — совершенно тайное: об аресте Йешуа. Привести его к месту, где будут ждать люди из Тибериады, римляне, слуги тетрарха. . .

Привёл. Но по пути, слушая Назорея, уверовал в его реальную силу: все знают его кругом, тут же чудо с Магдалиной, какое-нибудь воскрешение. Красавчик испугался.

Он решил примкнуть к движению и занять в нём видное место. Он обманул охотников и спрятал дичь. Гонимые смотрели из засады. (Иуда решил, что Иисус Христос — великий маг).

[Ещё увидев их, Йешуа сказал: «они ждут нас». Эта прозорливость решила сомнения Иуды. Он вдохновенно симпровизировал подвиг. Вызвался пойти и отвести им глаза.]

*Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16–14–02008.

3.

Поискать к «Звезде и совести»:

Симон Маг, детали Иудаизма, флору Палестины.

Вставить специальную главу о Тиберии (Дьяченко, тетрадь с эромифами, брошюрка Кубл. [нерасшифрованное сокращение — публ.], набросок из моих запасов в папке). Светоний.

4.

Таинственное убежище. Рыбы.

При возвращении — астролог.

Чудеса и исцеления.

Мария из Магдалы.

Весной Иоханан появляется вновь и крестит уже в пределах Галилеи. Угрожающее приближение.

Рядом с ним — Иуда Иссахариот.

После взятия пророка часть иоаннитов группируется вокруг Йешуа. Среди них Иуда.

Они побуждают Иисуса к активным действиям. Начало его проповеди. Синагога, камни, бегство. Финикия.

Иуда, пластичный характер, перековывается возле Иисуса. *Забывает о шпионском долге.*

Но его полюбит женолюбие.

5.

Тетрадь № 1, 45 {¹ Гороскоп Авраама.

«Вода крещения смывает печать созвездий».

Облик Тиберия, Бунин. — Изгнание астрологов. Тетрадь № 3.

Предсказания перемен. Феникс, avis saecularis ...

6.

Некоторые принципы всей штуки.

Анекдоты, притчи и хохмы. *Юмор* (редуцированный смех). Дать массу материала. Сокращать буду потом. Добиться того, чтобы в конце греческий, арамейский и латынь занимали 25

Нужно «мясо», материал, плоть, полнокровие фактов и данных! Топография, одежда, обычаи, имена.

Суть метода: начав со старомодного стиля, кончить потоком сознания и сюрреалистическими грёзами. Мотивировка — агония: в момент Страстей бред описывать как реальность. Он стал Богом под давлением народа: постепенно.

¹Знак «{» в рукописи относится и к этой, и к следующей строке.

Эпилог: конец Тиберия. Опять эпический, спокойный рассказ.

Пересмотр Иуды. Что он выдал? Весь Иерусалим знал Учителя. Подлинным Иудой оказался Симон=Пётр, по малодушию сорвавший план освобождения Учителя.

Иуда выдал мессианический секрет!²

7.

Вторая тетрадь:

крещение Иисуса, ← Шюре!³

сцена во дворце тетрарха,

Эпилог повести: казнь Иоханана, новое движение переходит в Иудею, к Иисусу присоединяется красивый молодой человек, фанатично преданный ему...

Смерть Тиберия?

8.

План романа

I. Экспозиция, исторический фон, имя Иоханана.

II. Трое идут по дороге. Встреча с римлянами. Всё ещё экспозиция.

III. Трапеза с пастухами. Врачеватель.

IV. Лагерь у Иордана. Ужин с Иохананом.

V. Беседа терапевта с пророком. Спор. (Усилить пророка).

VI. Йешуа одолевает в споре. (Но всё же усилить пророка).

VII. Проповедь вопиющего в пустыне (чуть-чуть облегчить, добавить красок).

VIII. Крещение терапевта. «Не ты ли Мессия?»

IX. Тибериадский дворец. Задание для Иуды.

X. Переделывается. Ночная буря. Путники укрылись от непогоды в одинокий дом с башней. Станный хозяин, астролог-любитель, пугало соседей. В Египте жрецы объявили, что феникс (секулярная птица) готовится восстать из пепла (смена эпох). Небывалое сочетание звёзд и планет. Близится перемена времён. Возможны землетрясения. (Смерть кесаря?). — Тип интеллигента, без корня, потомок македоно-вавилонских браков Александра, *чуждой всем*. Особенно восхищён Иудой.

Утром, когда ушли, Иуда кается со слезами Учителю, что согрешил с женой чудака-хозяина. Удивление и задумчивость Йешуа. «Учитель, если ты прогонишь меня, я умру». Йешуа понял, что этот честолюбивый юнец говорит правду.

XI. Йешуа получает запрос Иоханана из Махерона и не отвечает. В Иудее его путают с Иохананом. Движение перешло в Иудею.

XII. Смерть Тиберия (см. у Бунина, у Светония).

²Вписано чернилами или авторучкой другого цвета.

³Вписано чернилами или авторучкой другого цвета

Перепроверить все даты. . .

Дать книге чуть больше цвета и запаха, но главное — мысль.

Осталось написать 3 главы.

9.

Портреты

Тетрарх Антипа — с тройным затылком (зашейник).

Иуда пошло-красив: опереточный тенор.

Йешуа — внешность, напоминающая какого-нибудь великого учёного или хирурга (А. Эйнштейна, А. Швейцера, но не тип Павлова).

Симон Пётр — гневливый, в ярости глаза начинают косить, жилист и очень силён, несмотря на сухую фигуру. Краснота на крыльях носа, как у многих легко возбуждающихся людей.

Иоханан — робкий, почти трусливый мальчик (полжизни провёл среди молчалиников-ессеев, где камни и пещеры). Девичья красота, большие мечтательные глаза, очень добр. При всей своей трусости он не боится скорпионов, разговаривает с ними.

Понтий? Антибулгаковский. Целиком и полностью прагматик. Холодно презирует туземцев, но считает нужным лавировать. После кровавого подавления на горе Гаризим (недолго до ареста Йешуа) знает о недовольстве сирийского легата, о доносах в Рим и потому хочет спустить на тормозах дело Йешуа, именуемого «царём Иудейским». В тоже время ему выгодно, не вызывая восстаний, создать перед Антиохией и Римом впечатление своей доброй воли и злобы туземцев, их опасности и коварства. Отсюда план Понтия: симулировать отбитие приговорённого внезапным нападением zelотов.

Главное звено плана — верный слуга Понтия должен найти Симона Петра и изложить ему суть дела. Проинструктировать, научить, сговориться о месте и времени.

Но Симон Пётр трижды отрёкся, и пришлось осуждённого всерьёз распять.

А он ждал! Он ждал до конца! Изобразить, как ждал!

10.

Он вернулся через неделю, весь избитый. Его приняли, как своего. Симон — Пётр, заглаживая прежнее недоверие, обнял, как брата.

Один юноша Иоханан молчал. Он ничего не говорил, был ровен, но он догадывался.

Подвиг Иуды в том, что он указал врагам ложное направление. Никого не найдя, его действительно избили и прогнали вон. Он действительно стал апостолом и творил чудеса.

Сон Йешуа. (Вещий).

В эпилоге Магдалина убивает Иуду и уходит рядом с Петром. Начинается новая свобода, новый вид предательства (идейного). Предательство веры, друга, Человека.

Пётр — главный предатель.

[Сцена ареста в Гефсиманском саду:
— Вот Йешуа Назорей.
— Без тебя знаем, — ответил стражник.]

11.

Главы недостаточно познавательны. Не хватает «мяса», материала: топографии, растений, фактов, одежд, обычаев, подлинных имён. Пройти по тексту с тетрадью № 1, дополнить, поправить, обогатить.

Одежда стражников.

Где сначала проповедовал И оханан?

Главу IV начать описанием Тибериады. Не модернизировать! Кабинета министров не было! Был восточный диван с римско-греческим оттенком.

II глава исторически неверна. О мировой революции речи не было.

Переписать всё!

12.

The _ history - fiction

Материалы:

Дьяченко, Бунин, Франс, Флобер, книжка об арабах. Важнее всего — природа Палестины. Эротико-детективная фанташья.

Первую Тибериадскую интермедию переписать в стиле Дюма. Нужен злой юмор — комментарий к диалогу в виде тайных мыслей тетрарха (немного).

13.

Два Иуды

Встреча (вариант 3)

Слабоваты сцены на Иордане (повествование хуже диалога).

Слабы реалии греческой виллы.

<Тетрадь> №2

Сильно переписать, дать тон, цвет, запах.

Природа должна включать исторический колорит.

Западный берег Иордана плоский, восточный — крутой, обрывистый. . .

Неплоха философская дискуссия.

14.

Оглавление II-й тетради.

VII. Проповедь Иоханана.

VIII. Ессеи принимают крещение.

IX. Антипа и Иродиада.

X. Приют в ненастье.

XI. Спор о судьбе и совести.

XII. Дума о кесаре.

#

Для 3-й тетради:

Совет астрологу продать и раздать бедным? Нет, имея жену, он не может этого: жена-тому этого не посоветуют.

Ладно, совет идти к Иоханану. Вода крещения смывает печать созвездий.

Сновидения Назорея (Египет, девочка, крокодил).

Пробуждение от поцелуя женщины.

Сцена с женой астролога.

Ранний уход, хотя хозяин просил ещё погостить.

Кана Галилейская. К учителю приводят Мариам — одержимую бесами Магдалину (sein pi, патлы, расцарапанное лицо).

15.

Два _ Иуды

The history-fiction

< Тетрадь > № 3⁴

Плохая, сырая тетрадь: масса работы, особенно не вызывает доверия экзорцизм (нет двойного объяснения, всё очень плоско, хотя есть задатки мысли).

16.

Дальнейший план

XVI. Исцеление Марии из Магдалы.

XVII. Известия о казни Иоханана.

XVIII. Проповедь Йешуа (Нагорная). Мысли Иуды о свободе.

XIX. Развалины горной крепости и обращение Иуды (его первое предательство).

XX. Мария Магдалина ищет Йешуа. Рассказ людей о его проповеди в пустыне и чудесах.

Конец I части.

Отделка стиля и расцветка. Борьба с банальностью и мелодрамой; нужны изобретения и находки.

Часть II -я. Иерусалим. (Встреча с астрологом, Никодим, Иосиф, Гамалиил. . .)

⁴Рукопись в ученической тетради. «№ 3» дописано к напечатанному слову «Тетрадь» на обложке.

Часть III. Апофеоз. Эпилог: смерть Тиберия.
В каждой части по XX глав (по 3 тетради).
Всего 60 глав + эпилог.
Вся книга — рационализация мифа.
Мировая революция, инициатором которой явился Чехов.
Мой Йешуа = Эйнштейн + Чехов.
Курс на 500 действующих лиц с толстовской рельефностью и уникальностью: чтобы ни одно лицо не было похоже на другое.
С кем я? С искателями свободы⁵.

17.

С самого начала создать атмосферу ожидания:
1) Нечего копить деньги, так как римские деньги пропадут.
2) Эллинам надо опасаться Мессии, арабам ничего не будет...
3) Что было внизу, станет наверху, и vice versa. Те, кто ныне пирует на серебре и спят с эллинскими блудницами, будут просить подаяния у порогов наших домов, а дочери их будут плясать за баранью кость на наших пирах.

Когда Он сказал:

«Ну, что ж, воздайте кесарево кесарю, а божие богу!» — То это было сказано в насмешку, так как в Иудее почти не ходили монеты с портретом кесаря, обычно с пальмовой ветвью и проч. — Этот эпизод ложно понят: он предлагал до времени откупаться от римлян, платить им дань — пока. Скоро, мол, этой дани придёт конец.

18.

Х.

Нет, Йешуа, сын Иосифа, не был мечтателем, ни визионером, ни абстрактным теоретиком. Думая приукрасить и возвеличить его образ, поклонники его в дальнейшем много нагнали о нём.

Это был гениальный врачеватель, собравший глубокие знания Востока, Египта и Эллады, но державший в тайне своё врачевание, ибо это занятие всё же не было достаточно престижным. Йешуа был великий патриот, понявший, что нельзя освободить только один свой народ; для этого нужно разрушить морально-правовой фундамент всей Империи и сокрушить державу кесарей. Только общая свобода может стать и моей свободой.

Моралистом он сделался поневоле: только из-за давней любви иудеев к моральной регламентации, к сложным «случаям совести» ему приходилось вечно отвечать на эти вопросы.

⁵Вертикальная помета на левом поле листа.

(Нет, это вне текста. Можно это думать, но не писать)⁶.

19.

Звезда и совесть

Суть метода — начав со старомодного стиля, постепенно разогнаться и кончить потоком сознания казнимого (обзор всей жизни).

В эпилоге (три смерти: самоубийство Иуды, смерть Тиберия на мысе Мисенум, ввезён в Рим Аппиевыми вратами; смерть Понтия Пилата в Галлии) опять спокойный, традиционно-эпический рассказ.

Во время крестной муки бред описывать как реальность. Знаменитое цитирование псалма — после него перед Ним открылось небо, словно раздвинулась завеса, и он увидел с облегчением суровое, но приветливое лицо Отца. — этим и кончить. Йешуа под влиянием народа осознал себя богом.

Он безобразен. Народный мудрец, самоучка. На койнэ говорит плохо. Греков не читал. Филон Александрийский (+ ок. 50 н. э.) ни словом не упоминает об Иисусе. Не нужно преувеличивать учёность Йешуа. Он знает Писание и жизнь, мудрость народа.

План его — национальный блок Иоханана, фарисеев, zelотов против саддукеев и иродиан. Иоханан — вождь. Себя Йешуа предлагает посредником. Но с фарисеями ничего не получилось (*провал миссии Иисуса* у фарисеев), а более близкие ему, как демократу, zelоты ждали Мессию как воина. Zelоты — народные мстители. Фарисеи — национально-религиозная буржуазия, сделавшая из правоверия политическое знамя против саддукеев (оппортунистов, коллаборационистов, эллинистов).

Кафкоджойсизация метода Вальтера Скотта⁷.

Анти-Флобер в плане стиля

Анти-Булгаков в плане идеи опровергнуть!

В конце — поток сознания без знаков препинания, с переходом в белый стих. . .

20.

Фарисеи и саддукеи искушали Христа, требуя знамения с небес. Он утратил выдержку и сорвался: «Вечером вы говорите: будет ведро, потому что небо красно; и поутру: сегодня ненастье, потому что небо было багрово. Лицемеры! Различать лицо неба вы умеете, а знамений времени не можете! . . . »

Характер у него был не сахар.

⁶Эта фраза вписана авторучкой другого цвета, похожего на записи, сделанные Назировым к заметкам под номерами 6 и 8. Можно предположить, что эти пометки сделаны одновременно при одном из повторных обращений автора к материалам романа.

⁷Эта строка и остальные до конца заметки вписаны предположительно той же авторучкой, что и дополнительные записи в заметках 6, 8 и 17.

21.

Дополнения и пометки любого рода к «Звезде и совести»

1. Ирод Великий был одним из участников заговора против Юлия Цезаря вместе с Брутом и Кассием. Проверить.

2. Согласно раннехристианским идеалам, плотская красота — от дьявола. В «Деяниях Павла и Теклы» апостол Павел изображён уродцем. У Иустина, Оригена, Климента Александрийского и Тертуллиана отражено предание о безобразии самого Христа. Это значит, что Иисусу приписывалась одна из черт, которые в ветхозаветные времена считались мессианскими (см. Ренан, Жизнь Иисуса, СПб, 1906, с. 61, примечание 4).

3. Иоанн, сын Зеведея, рыбак с Геннисаретского озера, был учеником Иоанна Крестителя и последовал за Иисусом после его первой встречи с галилейским пророком. Это он позже будет прозван «сыном грома».

4. Иуда Искариот, по преданию, ведал кассой апостолов и со временем начал потихоньку таскать из неё деньги; легенда обвиняет его в алчности, оттого-де он и продал Христа за 30 сиклей.

5. Иосиф Аримафейский — богатый и знатный иудей, член синедриона, из г. Аримафеи (также Рама, Рама). Тайный последователь Христа, он только после его казни открыл своё обращение: испросил у Понтия Пилата позволения снять тело Христа и с почестями предал его погребению в своей собственной фамильной гробнице, в саду своего богатого иерусалимского дома. Другой член синедриона, Никодим, из секты фарисеев, тоже объявил себя учеником Христа, отправился вместе с Иосифом Аримафейским отдать последний долг распятому Учителю и за это был лишён своего сана.

6. Тиберий родился в 42 до н. э., приёмный сын Августа. Стал императором в 14 г. н. э.; человек был ловкий и сильный, но с годами всё более жестокий и подозрительный. Неслыханную силу при нём приобрел его фаворит Сэян (род. в Вольсинии ок. 20 до н. э.). В 23 г. н. э. внезапно умер сын Тиберия Друз, отравленный Сэяном. С 26 года Тиберий почти безвыездно жил на Капрее, а в Риме всем распоряжался продажный и жестокий Сэян. В 29 году умерла Ливия, мать Тиберия. В 31 г. по приказу Тиберия Сэян был удушен. Власть перешла к префекту преторианцев Макрону — это последний фаворит Тиберия.

Умер Тиберий 16 марта 37 года в своей вилле в Мизенуме. По преданию его глубокий обморок окружающие приняли за смерть; вдруг он к общему ужасу очнулся. Тогда Макрон приказал задушить его, навалив на него много одежды.

22.

Иисус никогда не называл себя Мессией. Евангелист Марк приводит его беседу с учениками: «За кого почитают меня люди? Они отвечали: за Иоанна Крестителя; другие же — за Илию; а иные — за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете меня? Пётр сказал ему в ответ: ты - Христос. И запретил им, чтобы никому не говорили о нём»

(Марк, VIII , 27–30; ср. Матф. XVI , 13–16; Лука, IX , 18–21). Запретил говорить, что он - Мессия (Христос).

Прощение прелюбодейной жены — позднейшая интерполяция.

Из древневосточной медицины. Травы в мешках и корзинах. Мускатный орех — от болезней сердца, хмель — послабляющее средство, сандаловое дерево — для лечения подагры и головной боли, камфара — от головокружений, кровотечений и воспаления мозга, амбра — от судорог. Чеснок и лук — средство от гипертонии, сок граната успокаивает боли в сердце; *пепел виноградной лозы, смешанный с уксусом, сглаживает рубцы.*

Настоенные на спирту скорпионы — средство от их же укуса. Гадание о будущем по лопаточной кости овец.

Чудесные исцеления. Французский психоневролог Ж. М. Шарко в книге «Исцеляющая вера» писал, что, решившись отправиться к святому месту, человек начинает жадно собирать о нём сведения; причём определённая установка заставляет его специально отбирать факты. Затем паломник отправляется в путь. В дороге все мысли и чувства его полны ожидания и надежды. И вот он приходит к цели, где встречается с людьми, которые пришли за тем же. «Начинается инкубационный период, подготовительное очищение, во время которого вера всё более и более усиливается благодаря *самовнушению* , заражению от соседства» (Шарко).

Шарко отмечает, что все святилища сходны между собой, отлиты в одну форму, несмотря на различие эпох, цивилизаций, религий. Он пишет, что внезапность исцеления во всех случаях является скорее воображаемой, чем реальной. Однако, по мнению Шарко, психологическая подготовка и психическое напряжение могут быть столь мощными, что человек *действительно способен почувствовать облегчение.*

Иисус говорит: «Что ты называешь меня благим? Никто не благ, как только один Бог» (Марк, X, 18). Никогда не называл себя Мессией!

Братья, сёстры, соседи Иисуса (Марк, XIII , 55–58).

Семья (и даже мать) боялись, что он свихнулся, и хотели забрать его домой. *Обычное дело: все психиатры заражаются от своих пациентов* , и большой психиатр (много лечивший) — сам немножко псих. Поэтому Он любил уединяться, чтоб отдохнуть. Уходил в пустыни и пещеры, как потом Магомет. Но у того была эпилепсия. А Иисус — *циклотимик*. В периоды депрессий уходил, скрывался, *никому не выдавал своей слабости* (принцип врача — внушать доверие больному собственным здоровьем).

Ридли считает, что у Христа был исторический прототип — вождь «мессианского восстания», распятый на кресте Пилатом.

«Я пришёл разделить человека с отцом его, и дочь с матерью её, и невестку со свекровью её. И враги человеку — домашние его» (Матфей, X, 35–36). Он на себе это испытал: *пария семьи.* Un idiot de la famille!

«Чудеса» он совершает ТОЛЬКО в атмосфере веры!

Когда ел с пастухами, благословил пищу.

Из логий: «Говорит Иисус: не бывает принят пророк в отечестве своём, да и врач не лечит знающих его».

? Аристион — ученик I иисуса!?

Об исцелениях, магии I иисуса,

Об исцелениях, магии I иисуса, внушении говорил уже евангелист Марк (V , 29–30). Слюна I иисуса имеет целебные качества (VII , 33; VIII , 22). Не потому ли целовал Марию Магдалину в губы? Поддерживал в ней психическое равновесие! — Марк древнее других евангелий.

Проповедническая деятельность I иисуса началась после заточения I оханаана Крестителя. I иисус приходил в Иерусалим на одну пасху. Проповедовал только в Галилее.

23. Заметка к главе 1.

Одежда была яркая: даже бедняки носили голубую, жёлтую и красную одежду.

Ессеи носили белую — только белую одежду.

24. Заметка к главе 2.

Не преувеличивать учёность Йешуа (он народный мудрец, самородок).

? Тайное создание общей казны? Идея Иоханаана?

NB | Иоханаан полностью покорился его тихой и могучей воле. — Ученики Иоханаана — полуессеи: унылые, печальные, часто постились.

В главе много литературщины, банала, особенно в авторских ремарках... Диалоги слишком сгущены. Их надо раздробить слегка авторскими ремарками; ремарок сделать больше.

Мелкие реплики соединять. У меня слишком много коротких фраз. Диалоге не должен быть натуралистичным, это не магнитофон. Нужен образ диалога.

25. Заметка к главе 2.

Отказ крестить!

Общая казна нации.

Суть!

План Йешуа — объединить Иоханаана и ессеев с фарисеями и zelotami против саддукеев и иродиан. Себя он предлагает посредником. Иоханаан даёт санкцию на переговоры. Но с фарисеями ничего не получилось, а zeloty ждали Мессию как воина.

Фарисеи = национально-религиозная буржуазия, сделавшая из правоверия политическое знамя.

NB Борьба двух культов, двух идей. Сделать беседу конфликтнее! Переписать noch ein mal! И сильно!

26. Заметка к главе 2.

Глава II . Лагерь за Иорданом

Не преувеличивать ученость Йешуа: он народный мудрец, самородок. Филон Александрийский (+ ок. 50 г.) ничего не упоминает о нём.

NB! Создание тайной национальной казны. Идея Иоханана? Общая казна нации!

Больше авторских ремарок, диалоги слишком сгущены.

Ассидеи (хассидим) = «благочестивые», воинство Иуды Маккавея.

Левий Матфей, мытарь, ещё не входил тогда в общину Йешуа. Позднее — пир у Левия и его переход в братство бедных.

Тут самая беда — много литературщины, банала, особенно в авторских ремарках...
Нужно чистить главу. Особенно внимательно — с. 19.

Иоханан полностью покорился Его могучей тихой воле!

NB! | Ученики Иоханана — полуессы: печальные, часто постились.

27. Заметка к главе 2.

На наших братских трапезах купец соседствует с простым рыбаком, и раскаянный мытарь, жалкий отверженец веры, пьёт из одной чаши с золотом.

28. Заметка к главе 3.

Дополнить портреты посланцев — они пока что куклы. — Проповедь не называет прямо фарисеев, а только иносказательно.

29. Заметка к главе 5.

Описать детальнее быт города.

Ревекка и грек. Эротич<еский> момент.

Аристофан! Мысли грека. Позы! Как львица на царских вратах или персидск<ие> туфельки к потолку.

Алазонеиرون! *Дать тивериаду изнутри!*

Перистиль, коринфские колонны, акантовые капители.

Подробнее дом Марии?

Портреты братьев Йешуа.

1-ю стр. и конец переписать!

30. Заметка к главе 7.

Глава VII . Таинственное убежище.

Это горный грот в виду Галилейского моря; вход — узкий лаз, скрытый в кустарниках. Внутри древнее святилище. О нём знают только галилейские рыбаки и хранят в глубокой тайне, ибо подозревают, что с этим местом не всё в порядке: это был храм хананеян ещё до завоевания евреями земли обетованной (1000 лет?).

Но это был храм Рыбы, и они по молчаливому уговору берег<ут> его; ведь они живут от рыбы; Галилейское озеро, очень богатое рыбой, кормит их. *Рыба кормит их.* В древних же верах, забытых евреями, рыба была тотемным предком рода человеческого.

У вавилонян был бог Рыба. Филистимский Дагон с рыбной головой. А Держето?

Не случайно в Иерусалиме считают Галилею полуязыческой страной и сомневаются в правоверии галилеян. Угасший культ Рыбы оставил среди галилейских рыбаков тайные (или бессознательные?) симпатии.

На одной стене грота — древнее изображение Рыбы, более новое — *ладья*. На другой стороне свежее изображение — Илия в верблюжьем плаще в окружении отрубленных голов (баалитов?) Это добавили недавно галилейские рыбаки, чтобы лишить древнее святилище его однозначного языческого смысла.

Иаков удивлён изображением рыбы. — Куда вы меня привели? Это... etc.!!!

— Но почему...? Может быть, это Левиафан, «Рыба Бога», о которой говорится в Писании. Длина его 100 локтей, плавники толще дуба, а хвост как кедр ливанский.

Йешуа странно улыбается, но он не возражает против Рыбы.

Беседа братьев. Иаков одобряет план союза с фарисеями. Создать национальный блок против иродиан и саддукеев. *Надежда на смерть кесаря.*

! А снаружи льёт дождь. Томно, тихо, скучно. Лирическая глава, неторопливая, задумчивая и скромная!

31. Заметка к главе 7.

Аскалон — один из главных филистимских городов, здесь находился храм Держето (Астарты) и пруд, с посвящёнными ей рыбами. Аскалонцы всегда враждовали с иудеями. Главные города филистимлян — Асдол, Газа и Рафия. Газа главнее всех.

В Эдессе — храм богини моря, покровительницы рыбаков: жертвенник, почерневший от крови, и бассейн, в котором плавают священные золотые рыбки. Над ним бронзовая статуя нагой женщины с маленькими грудями — богиня. Эдесса — богатый город в Северной Месопотамии, столица княжества, пограничного с Парфией, входящего в состав римской провинции (???).

32. Заметка к главе 8.

Глава VIII . Поздняя беседа.

Мало авторского комментария к диалогу и мало драматизма.

33. Заметка к главе 8.

VIII. Таинственное убежище.

(Йешуа ищет травы в горах с учениками, потом оставляет их и идёт навестить беглецов в пещере, украшенной изображениями корабля и рыбы. Святилище тайного народного культа плодородия. Царь-Рыбак...).

34. Заметка к главе 8.

Иудейский календарь (лунный)

Аб — от 24 июля до 22 августа.

Адар — от 20 февраля до 24 марта. В лунном календаре месяцы не составляли полного года; через каждые 2 года прибавляли дополнительный 13-й месяц «*веадар*» (2-й адар).
Лунный месяц = 28 дней.

Аоаним — сентябрь с началом октября: месяц, на который приходится Праздник Кущей.

Бул — октябрь + часть ноября.

Каслев = ноябрь.

Нисан — 1-й месяц еврейской календаря, отчасти соответствующий марту. В этот месяц была Пасха и распятие Христа. Новолуние (греч. *нумен* **и** *я*) — еврейский праздник 1-го дня каждого месяца.

35. Заметка к главе 8.

Архиграмматевс = начальник книжников, президент синедриона.

Архитриклин = распорядитель пира.

Ассидеи = (hassidim) = «благочестивые», воинство Иуды Маккавея.

Ауларх = двороначальник, первый дворцовый чиновник.

Антилотрон = избава, выкуп за пленника.

Анамимн е скон = напоминатель, царский канцлер.

Апедевт = неписьменник, необразованный человек, невежа.

Архиатрос = главный лекарь.

Баал и м = идолы, истуканы.

Аметист = драгоценный камень цвета фиалки; антракс = карбункул, рубин. Лигирий = драгоценный камень желтоватого цвета.

Апотека = 1) житница, погреб, склад; 2) лекарня.

Фармак и я = приготовление отрав и лекарств.

Фармак о с = приготовитель отрав, чародей, заклинатель. — Коллурий — глазная мазь.

Костоломный недуг = ревматизм.

Трапеза = стол; трапезит = меняла.

Пэдагогос = пестун, детоводец, наставник детей благонравия.

Дом века = гроб (*зониос топос* , вечное место).

Пневматофор = ветроносец, ветрогон, легкомысленный и пустой человек.

Дидаскалос = учитель, наставник.
Дипла = двойная одежда (на подкладке).
Кенсос (census) = подать.
Киботос = киот, Ковчег Завета. Киботион = ковчежец, ящик для денег.
Лазарома = гробная одежда, плащаница.
Тератоскоп = дивозритель, знаменосмотритель, гадатель о будущем по необычайным явлениям.
Ксенодох = странноприимец.
Мавл и стрия = сводня, приманщица.
Макеларий = мясник; макеллия — мясной ряд на рынке.
Мартолос = грабитель, разбойник.
Мастропа = гадальщица.
Мелиглоттос = медоязычный.
Парас и тос = прихлебатель, ласкатель.
Тел о н = мытарь, сборщик податей, лихоимец, притеснитель. Телоний = мытница, таможня.
Эпитанатий (эпифанатиос) = насмертник, приговорённый к смертной казни.
Эпитр о пос = смотритель, надзиратель, местоблюститель, наместник.

36. Заметка к главе 8.

Ненависть его к трапезитам (менялам). Они блудят с деньгами, и от этого блуда рождаются новые деньги: деньги от денег.

37. Заметка к главе 8.

Симон Кифа, рыбак, и Симон Зелот — два разных лица.

38. Заметка к главе 8.

Апограф э = перепись (на койнэ).

39. Заметка к главе 8.

Биография Иссахариота

Сын богатого купца, рос в довольстве. Мать его +, дав ему жизнь. Красавчик и баловень.

Отец вдовел, а потом купил молодую рабыню из Дамаска. Через год сириянка влюбилась в юного наследника. Отец застал их, убил рабыню и проклял сына. Тот бежал прочь из Иудеи, скитался, бедствовал, даже воровал. Потом в Тибериаде он стал слугою Эвбула, а затем афаром, соглядатаем. Сперва на рынках. Потом на Иордане.

Примкнув к Йешуа, он рассказал ему первую половину биографии. О тайной службе умолчал.

Казначей группы, бережлив и расчётлив, за что его и невзлюбили прочие.

40. Заметка к главе 8.

Флавий: «По дороге Помпей разрушил крепость Анамею, которую укрепил киликиец Антиох, и разгромил владения Птолемея Меннея, гнусного человека, который был несколько не лучше своего родственника, обезглавленного Дионисия из Триполиса, сам же за свои злодеяния он избег кары ценою 10.000 талантов, которыми Помпей и выплатил жалование своим солдатам. После этого Помпей овладел Лисиадою, где властвовал иудей Силас. Затем он прошёл через города Гелиополь и Халкиду и, перейдя через хребет, пересекающий Келесерию, через Пеллу достиг снова Дамаска».

Келесерия — провинция империи Александра Великого, включавшая Дамаск и Пальмиру.

41. Заметка к главе 8.

Считалось, что Афродита не любит кровавых жертв. Лишь изредка в жертву ей приносили зайцев, коз, поросят. Для неё возжигали благовония, а обычными жертвами ей были розы, мирты, яблоки и гранаты.

В Афинах у входа на Акрополь стояла группа харит — произведение Сократа, изваянное в ту пору, когда Сократ занимался ещё скульптурой в мастерской своего отца Софрониска.

! |⁸ Аристотель: «Вояки в большинстве своём очень влюбчивы».

| Тацит в 6-й книге своих «Анналов» сообщает, что во времена Тиберия в Египте появился Феникс, которого там не видели более 200 лет.

Тирс — прут с воткнутой на него кедровой шишкой.

Дочери Диониса Ойно, Сп *е* рмо и Эл *а* ис обладают чудесным даром превращать всё в вино , зерно и масло. Сам Дионис из ничего создаёт молоко и мёд, а от удара его посоха из скал начинают бить источники.

Пастухи строго соблюдали полуденный отдых — «час Пана».

| Во времена Тиберия в Риме рассказывали удивительную легенду. Однажды некая компания плыла из Греции в Италию, но путешествие было прервано внезапным штилем. После ужина пили, забавлялись, а уже ночью могучий голос из глубины острова позвал кормчего по имени Таммуз. Когда призыв прозвучал в 3-й раз, Таммуз отозвался; тогда голос приказал, чтобы Таммуз, когда корабль прибудет в назначенное место, возвестил, что великий Пан умер.

Когда судно достигло этого места, Таммуз крикнул во всю мочь: «Великий Пан умер!» Тотчас со всех сторон раздались испуганные вопли и стоны. Все находившиеся на корабле были свидетелями этого происшествия. Весть скоро достигла Рима. Тиберий приказал привезти Таммуза, а после разговора с ним собрал философов, чтобы узнать их мнение. Все склонились к тому, что по-видимому, на самом деле умер великий бог лесов.

Нарцисс — цветок с белыми лепестками и золотым сердечком.

⁸Здесь и далее во всей заметке № 37 вертикальное отчеркивание относится ко всему абзацу.

Волшебная шапка из собачьей шкуры делала Аида невидимым.

В Риме Диоскуры (К **а** стор и П **о** ллукс) стали патронами сословия всадников и имели храм на Форуме.

42. Заметка к главе 8.

I. Далее какое-то благодеяние, исцеление, за которое очень благодарна жена Хузы; с целым караваном мулов, с дарами, с вином. Это вино и пойдёт на свадьбу Симона Кананита с сестрой Назорея. Первое чудо было шуткой этого весёлого человека. Описать общее изумление.

II. Потом проповедь в синагоге и бегство в горы с друзьями. Потом астролог.

43. Заметка к главе 8.

Вилла в греческом стиле, с фресками на стенах. Отсюда и начало разговора — Одиссея.

44. Заметка к главе 16.

— Исцелишь ли ты её?

— Да, исцелю, но она к тебе не вернётся.

— ???

— Потому что её болезнь — одной природы с твоей любовью. И если она станет здоровой, то ей останется одна жизнь — следовать повсюду за своим исцелителем.

Богатый юноша колебался, но вытер слёзы и принял неизбежное (в тайной надежде на возобновление связи с Марией Магдалиной).

Исцеление — колыбельная песнь.

45.

Террор Тиберия. В 25 году н. э. Кремуций Корд был привлечён к суду сената по страшному обвинению в «оскорблении величества», так как в своей «Летописи» назвал Брута и Кассия последними римлянами. Не чая спастись, он добровольно уморил себя голодом.

Жертвой судебного убийства стал поэт Лутаций Приск, а Элий Сатурний за стихи против Тиберия низвергнут с Тарпейской скалы. Литература в Риме смолкла, поэтов больше фактически не было: известны только ритор Анней Сенека, энциклопедист Корнелий Цельс, баснописец Федр.

46.

Иудея и Сирия в I веке (детали)

В Палестине в самые жаркие часы дня пустели улицы и дороги, прекращались полевые работы; люди отдыхали до вечерней прохлады.

47.

Идумейский полководец Антипатр в гражданских войнах Рима присоединился к Юлию Цезарю и был за это вознаграждён властью над Иудеей. Сына его Ирода второй триумвират признал царём иудейским. Этот «Ирод Великий» правил Иудеей в 37–4 годах до н. э.

Евреи презирали жителей Эдома (Идумеи) — гористой страны к югу от Мёртвого моря; эдомитяне (идумеяне) были разбойниками, пастухами и водителями караванов. Только при помощи римлян Ирод добился иудейского царства, а потому с исключительной угодливостью выполнял все приказания Рима. Алчный и жестокий, он тяжко угнетал Иудею, выколачивая из евреев огромные средства для роскошных построек и богатых подарков римским государственным деятелям.

У Ирода было 8 жён и 14 детей. Подавляя недовольство евреев, он прибегал к террору и не остановился перед казнью своей жены, тётки и ряда сыновей.

В Иерусалиме он строил грандиозный Храм, законченный и роскошно отделанный уже после его смерти, но прежде всего воздвиг мощную цитадель — Башню Антония (названа так в честь Марка Антония).

Для защиты от арабских набегов построил на границе пустыни крепостью *Махэрус* (восточнее Мёртвого моря): она стояла на конической базальтовой скале и была практически неприступна. В крепости был царский дворец, украшенный портиками; его плоская кровля была огорожена сикоморовой баллюстрадой. Над этой террасой натягивался над мачтой *велариум*.

В подземелье Махэруса содержался под стражей и был убит галилейский пророк Иоханн Креститель.

48.

Римлянин носит сандалии, широкую тунику до колен, препоясанную шнурком с кистями; туника сшита из мягкой серой шерстяной ткани, красная кайма на вороте, отверстиях для рук и полах; сверху — светлоголубая мантия.

Еврей носил тонкую белую шерстяную одежду, покрывало, привязанное к голове жёлтой тесьмой и ниспадавшее на затылок.

Поэзия курит фимиам у алтарей, риторика живёт только в синагоге.

Страстный патриотизм: «горжусь, что я еврей». Образ мысли, нравы и законы еврейского общества не допускали сатиры и шуток.

К спору в Золотом доме.⁹

Об эссеях полагали невежи-греки, что у них много сходного с пифагорейцами и что они верят в *парок*.

В Иудее у рабов в знак их положения прокалывали толстым шилом мочки ушей.

⁹Запись на полях напротив следующего абзаца.

Саддукеи допускали живопись и ваение, любовь к прекрасному во всех его формах. Иудеи утверждали, что Ковчег не уничтожен вавилонянами, что он скрыт в какой-то горной пещере и затерян (ибо скрывшие его погибли). В своё время он будет найден и явлен миру, и при виде изображённых на нём херувимов люди, видевшие чудеса греческого резца, преклонятся перед искусством иудеев, дремавшим тысячи лет.¹⁰

49.

Еврейский дом (не бедный) — I в. н. э.

Два этажа. Дом похож на крепость, совершенно квадратный. Фасад на северо-запад. Стены сложены из грубых камней, с наружной стороны не отёсанных. Вид дома суров, даже груб; его оживляют окна и орнаменты на портиках дверей. Все окна — только на втором этаже ~~выступающем над улицей~~. В нижнем этаже единственным отверстием в стене были ворота-двери, запёртые на крепкие железные засовы и накрытые мраморным полувесом — карнизом, смелые и искусные очертания которого указывали, что владелец этого дома принадлежит к секте саддукеев. От западных ворот дома во внутренний двор (*patio*) тянулся коридор-туннель, вдоль стен которого стояли каменные скамьи. Внутренний двор был полон скота и птицы; отсюда калитка пропускала в садик, где виноград и кустарник с бассейном (!) (Цистерна (?)) Нижний этаж затеняли навесы, опирающиеся на примитивные колонны. Евреи были неважными строителями, ещё худшими живописцами, а скульптуры практически не знали.

Войдём в комнаты верхнего этажа. Потолок поддерживается дубовыми балками. Пол выложен белыми и синими черепицами (плитками). Стулья с точёными ножками в виде львов. Низкий синий диван полуприкрыт полосатой шерстяной тканью.

На кровлях домов в Иудее устраивали бельведеры (у царей — из мрамора и золота).

На крыше устраивается на ночь семья, любителю звёздное небо, беседует, отдыхает.

Зажжённый медный светильник. Деревянный поднос. Кружка молока. Белый хлеб. Лёгкое печенье из пшеничной муки. Жареная птица. Мёд. Соль. Серебряный кубок с вином.

50.

Дворец в Иерусалиме, на горе Сион, с садами, фонтанами, бассейнами, водами которых питались заросли мелкого тростника и олеандров. Дворцовые строения достигали 2 этажей и имели веранды, галереи, низкие колоннады. В окнах видны были седые головы учителей, по дорожкам сада гуляли, беседуя, юноши; широкими листьями шелестели пальмы. Орешник, рожковые и абрикосовые деревья. На едва заметном пологом возвышении стоял глубокий мраморный резервуар; дверцы его открывались в сухое время года, и запасённая вода стекала по узким канавам в сад.

(Всё тот же Лью Уоллес)¹¹

¹⁰Весь абзац выделен одним большим восклицательным знаком на поле слева.

¹¹Очевидно, имеется в виду Лью Уоллес (1827–1865), американский политический деятель и писатель, автор исторического романа «Бен-Гур: история Христа» (1880).

51.

Иудейская трапеза в субботу. С потолка свешиваются серебряные лампы, обвитые гирляндами цветов. Произнеся молитву над бочонком вина из Эшкола, хозяин разливает его по кубкам с эмблемой Израиля — виноградной лозой.

52.

Всё о скорпионах.

Желтоватый паучок, возбуждающий страх своим ядом... В XX веке биологи обратили на него особое внимание. Был даже создан специальный институт для изучения этого хищника. Биологов интересует прежде всего потрясающая сопротивляемость скорпионов. Оказалось, что, будучи погружены в воду, они выдерживают 48 часов и остаются в живых. Замороженные скорпионы, как только их извлекут изо льда, тотчас обретают свою жизнедеятельность. Они устойчивы против бактериальных инфекций, вызывающих обычно болезни у зверей и людей. Особенно удивительна их сопротивляемость радиоактивному излучению. Скорпионы гибнут при дозе порядка 75.000 рентген, тогда как человека убивает доза в 600 R. По мнению учёных, это объясняется структурой и биохимическими реакциями скорпионов.

В Западной Европе живут 3 вида: крупнейший — *лангедокский* скорпион (желтоватый, длиной 5 см); маленький чёрный скорпион с жёлтым ядовитым шипом; и слепой скорпион, живущий в гротах и пещерах.

Вообще тело скорпиона (длиной до 18 см) подразделяется на головогрудь, переднебрюшье и заднебрюшье (*хвост*), оканчивающееся жалом. Ногочупальцы вооружены клешнями. Они встречаются в тропических, субтропических поясах и на юге умеренного. Питаются насекомыми, пауками etc. Яд крупных скорпионов опасен для человека и животных.

53.

Верблюд

«Корабль пустыни». За один приём выпивает до дюжины вёдер воды: может пить и солёную воду. В горб про запас откладывает свыше центнера жиров. Десять суток может обходиться без воды и пищи, но всегда выручит хозяина: молоко верблюдицы, смешанное с солёной водой, спасает человека от жажды и голода.

Верблюд выживает, теряя в солнцепёк до четверти своего веса. Обычная скорость его — до 10 км/час. На гонках сильный верблюд бежит вдвое и втрое быстрее: раньше верблюды использовались в боевой кавалерии.

Пасётся верблюд ночью, самостоятельно, и утром приходит к хозяину.

Одногорбый верблюд (дромадер) приручен людьми в глубокой древности. В долине Нила археологи нашли статуэтку навьюченного верблюда: её возраст превышает 5.000 лет. Ещё древнее наскальные изображения верблюдов в Асуане.

В диком виде дромадер не известен. В природе уцелел лишь дикий двугорбый верблюд (*бактриан*): впервые он обнаружен и описан Пржевальским близ озера Лобнор в пустыне Гоби. Считают, что сейчас численность диких бактрианов не превышает 300 голов.

Одомашненный бактриан широко используется в Монголии, Северном Китае и Казахстане. Бактриан был приручен раньше, но потом двугорбого верблюда вытеснил в большинстве стран более выносливый к жаре дромадер.

Бактриан сыграл роль секретного оружия в битве при Галисе (546 до н. э.). Крез Лидянин готовил свою конницу к атаке на армию персов, но внезапно в авангарде их появились ужасные и невиданные двугорбые чудовища. Их вида не выдержали не только лидийские воины, но и их лошади. Конница Креза обратилась в бегство и опрокинула собственную пехоту. Кир Персидский завоевал всю Лидию.

54.

Набль — древнееврейский струнный инструмент.

В иудейских городах через улицы перекинута мосты.

Иерусалим. Цитадель Преториум с Антониевой башней, в которой сидел римский гарнизон.

Галилейское местечко: единственная улица — это тропа, протоптанная стадами. Дома разбросаны неправильными группами: это простые хижины, квадратные, одноэтажные, с плоской кровлей; они обвиты зеленью виноградников.

Эздредонская долина и склоны гор покрыты пастбищами, садами, рощами пальм и фруктовых деревьев, виноградниками.

Кесария — богатый эллинско-семитический город, морская гавань к югу от Тира.

«Земля Иерихонская — самая плодородная в Иудее, производящая в огромном изобилии пальмовые деревья и бальзаминовые кустарники, из которых, если надрезать заострённым камнем нижний ствол их, капают ароматные слёзы, которые и собирают как бальзам» (Иосиф Флавий).

55.

Римляне в I веке

Caliga = сапог (преимущественно солдатский). Caligarius = башмачник.

Aquila = орёл, знак (знамя) легиона; aquila gentea, aquila decimae legionis. Так же назывался и солдат-орлоносец. он же aquilifer.

Corniculum = 1) рожок, 2) солдатский знак отличия, который носили на шлеме. Cornicularius = награждённый почётным рожком (и назначенный на младшую командную должность) солдат.

Centuria = отряд в 100 (позже 60) солдат. Каждой центурии придавался мул для перевозки продовольствия.

Центурион = командир центурии.

Primipilaris = центурион примипилов (первой центурии первого манипула 1-й когорты). Центурион примипилов, примипиларий — самый заслуженный воин; при Империи — чин военного интенданта.

Manipulus = 1/3 когорты = 1/30 легиона. В манипул входило 2 центурии, обычно 120 человек, только у триариев — 60.

Suggestus = насыпь, возвышение, трибуна; земляная насыпь, с которой военачальник говорил речь солдатам.

Exactor = 1) сборщик податей, 2) наблюдатель, блюститель.

Exactor promissorum = требующий исполнения обещаний, а exactor supplicii = палач.

Tugurium = 1) хижина, шалаш; 2) конура (tugurium canis).

Epulae =) яства, кушанья, еда; 2) торжественный обед, пиршество, угощение; 3) наслаждение, усада (oculis epulas dare = дать пир очам). Epulatio = пиршество.

Epulo, epulonis = 1) устроитель пира; особая жреческая коллегия эпuloнов обязана была устраивать религиозные пиршества; 2) бражник, участник пиршества, кутила, гурман.

Byssinum (греч.) = виссон, тонкая льняная ткань, очень дорогая. Bissus = виссон.

Tunica _ byssina

Ternas _ tabellas _ dare = вручить судьям 3 таблички: с буквой A (absolvo, оправдываю), с буквой C (condemno, осуждаю) и N. L. (non liquet, неясно, т. е. воздерживаюсь).

Manum _ de _ tabula ! = руку прочь от картины! (поговорка: довольно! будет!).

Драхма = 6 оболов. Триобол = полдрахмы.

Sacella = небольшое святилище, алтарь под крышей (sacella Priapi).

Sudarium = (носовой) платок для вытирания пота.

Elemporia (греч.) = торговля (растительным) маслом.

Эпио́ема (epithema) = греческая примочка, припарка, компресс.

Эпитога = одежда, которую надевали поверх тоги.

Эпитрапезиос = находящийся на столе в качестве украшения.

Эпитропос — смотритель, надзиратель.

Эпитир (epityrum) — греческий салат из маслин.

56.

Луций Вителлий — римский патриций, при Тиберии проконсул Сирии (легат?), успешно воевал с парфянами, хитростью и лестью снискал расположение Калигулы.

Сын его, Aulus Vitellius, родился в 15 н. э., воспитывался при дворе Тиберия, которому нравился как неутомимый собутыльник, Калигуле — мастерской ездой на колесницах, Клавдию — азартом в игре, Нерону — утончённой развращённостью. При Клавдии управлял провинцией Африка — и со знанием дела, но позже погряз в обжорстве и пьянстве...

57.

Маршрут по заиорданской дороге.

Адомским бродом — переход через Иордан в Галаад.
Севернее Иавона — тетрархия Филиппа; далее, за рекой Иероманка, — *Гавлонитида*.
Мимо *Гадары*, пересекая большую дорогу (?), в Гамалу (встреча с сынами Гавлонита).
Отсюда на лодке через море, ввиду Тибериады.
Капернаум — Кана (5 миль вверх).
«Поднялись в Кану».

58.

«Онейрокритика» *Аноллод* Артемидора.

59.

Крах Сеяна — 18 октября 31 года. Очень детально в Брокгаузе и Ефроне, т. 58, с. 271.
Использовать для целой главы!

Всего 3 «римских» главы: Тиберий на Капрее, падение Сеяна, смерть Тиберия но уже для I-й нужно взять из Брокгауза и Ефрона (Сеян).

60.

Исайя, прорицая царство Мессии, нарисовал утопию золотого века: «И почиет на Нём дух Господень, дух премудрости и разума, дух света и крепости, дух ведения и благочестия; и страхом Господним исполнится и будет судить не по взгляду очей своих и не по слуху ушей своих решать дела. Он будит судить бедных по правде и дела страдальцев земли решать по истине; и жезлом уст своих поразит землю, и духом уст своих убьёт нечестивого. И будет препоясанием чресл его правда и препоясанием бёдр его истина. Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козлёнком; и телёнок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. . . Не будут делать зла и вреда на всей святой горе моей. . . » (XI , 2–6, 9).

Филон Александрийский рассматривает тело как темницу души, а душу как искру божественного Логоса; он формирует идеал аскета, который такой ценой достигает общения с Богом.

Секта ессеев во внутреннем нравственном совершенствовании видит путь к спасению «в конце дней». Ессеи отвергают телесные наслаждения, проповедуют аскезу, презируют стяжательство, рассматривают тело как темницу бессмертной души. Общность имущества, личный труд, общее потребление.

Фарисеи верят в бессмертие души и, по оценке Иосифа Флавия, в своём учении близки к стоикам.

В 6 году н. э. Иудея стала римской провинцией 3-го класса, управляемой префектом из всаднического сословия.

Сикарии — крайне радикальные zeloty, из бедняков. Иосиф Флавий сообщает об уничтожении ими долговых документов, о привлечении в свои отряды рабов, о кинжальных расправах с римскими ставленниками и собственными богачами.

Кумранская община «сыны света». Они вступили в Новый завет с Богом. Общность имущества, общий труд, вражда к стяжательству и богатству. Ессеи (эссены) — не самоназвание. Они себя называли «бедными», «простецами», «младенцами», «сынами света».

Симон Маг — «отец» гностицизма; его учителем одна версия называет ересиарха Досифея.

«*На путь к язычникам не ходите...*» (Матф., X, 5). Раннее христианство было иудео-христианство, оппозиционная секта внутри иудаизма. «На путь к язычникам не ходите, и в город самаритянский не входите, а идите наипаче к погибшим овцам Дома Израилева»!!!

Исследования

Исследования

Сложное впечатление

А. П. Власкин

Магнитогорский государственный университет

От текста произведения у меня осталось сложное впечатление.

С одной стороны, «историко-этнографические» фрагменты информативны и интересны. Они кое-что добавляют к тому, что мы знаем из романов Фейхтвангера (Трилогия о Флавии) и Т. Манна (Иосиф. . .). С другой стороны, всё, что можно отнести к художественности (характерология, сюжетика, эпитеты, метафоры), — откровенно слабо, на мой вкус. Поясню — почему.

Характеры: иные — плоские, другие, напротив, — прихотливо причудливые. Соответственно, и образы не складываются. Я полагаю, причиной тому — неопределенная позиция автора по отношению ко всему этому «человеческому материалу» (и к религиозному преданию). Эта авторская неопределенность сказалась даже в совсем уж условном обозначении жанра («фантастический роман»). Вот у Л. Андреева или М. Булгакова — была эта необходимая определенность.

Сюжет очень неровный. Местами большие фрагменты, особенно ближе к концу (порой целыми главами-например, 14-я, часть 15-й, 18-я), напоминают более конспект «для себя», чем законченный текст. В то же время они соседствуют с другими, излишне детализированными (до натуралистичности) описаниями как в сцене исцеления бесноватой. В этой связи не могу признать этот текст «законченными главами». Всё это сыро, недоработано.

О черновом характере текста свидетельствуют и периодические противоречия. Например, в имени матери-то Мария, то Мариам. Кстати, заметно дублирование в ее характеристиках.

Противоречия есть и в описаниях Йешуа. Ранее представлялся неоднократно «уродливым». Например: «На уродливом лице Йешуа появилась щербатая улыбка», «... тяжёлым взглядом этот горький урод проник в душу пророка» и т.д. Здесь автор как бы демонстративно отступает от библейского предания. Потом вдруг как будто спохватывается, и ближе к финалу дети уже слушают «красивого человека с чёрной бородой и длинными волосами»...

Текст насыщен «ударными» будто бы эпитетами и метафорами: «со свирепой скромностью отвечал», «Настала громоподобная пауза. . .», «Голосом сильнее урагана он посулил. . .» и т.д., и т.д. Все эти «сотрясения» не убеждают (меня, во всяком случае).

Резюмируя, скажу, что, например, печатать этот текст я бы не рекомендовал. Думаю, и автор со мной согласился бы (и согласился ведь, оставив рукопись в архиве). Публиковать с мемориальными целями? Но этот текст ничего не прибавит в глазах читателей к высокой репутации Р. Г. Назирова.

«Звезда и совесть» как учёная проза

Б. В. Орехов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

1 Пояснения

Звезда и совесть — это *учёная* проза. Подозреваю, любому читателю (не только осведомлённому о широких познаниях автора) трудно забыть, что перед ним текст, написанный эрудитом (ну хотя бы вот краткое описание, содержащее сразу два пояснения: «кефье — плат, ниспадающий на плечи и перехваченный агалом (тесьмой) вокруг головы», Гл. 1), который не просто много знает, но и привык рассказывать (не в смысле «повествовать», а в смысле «излагать») и объяснять. Из-за этого роман оказывается перегружен исторически достоверными деталями («направляясь в Иерихон в сторону реки Иордан», «галилеянами (северными евреями)» в начале романа, но всего их не счесть), перекручен в самообъяснимости (цитата про безумие того, кого хотят погубить высшие силы, немедленно увязывается со своими греческими истоками), лишен лёгкости. Намеренно ли?

Очевидно, что автор, несмотря на обилие деталей быта изображаемого, не стремится поместить читателя в атмосферу событий, разводит воспринимающего субъекта и предмет нарратива, постоянно напоминая о временной и культурной дистанции между ними: «*В то время* Иудею переполняло множество сект»¹ (Гл. 1); «*В ту эпоху* мир был заражён суевериями. Евреи и римляне, вавилоняне и греки, египтяне и скифы одинаково верили в духов» (Гл. 4).

Так же, надо сказать, устроена и Назировская проза о писателях (по-видимому, тоже поздняя, как и разбираемый роман): Назиров конструирует особенного повествователя, которого нет в его ранних произведениях. В институтских рассказах повествователь — это остроумный и внимательный наблюдатель, человек этически чуткий, но в целом включенный в описываемый мир, переживающий и сочувствующий. Назировский нарратор поздних текстов, рассказывающий о Пушкине, Батюшкове или Христе, одинаково вознесён над описываемым. Он не столько всезнающ, сколько *значителен*, он стремится показать свое знание, а не подать его незаметно для читателя.

Возьмём наугад цитату из романа о Пушкине: «Взойдя в 1796 году на русский престол, он из ненависти к Зимнему дворцу тотчас заказал Василию Баженову проект новой резиденции в Петербурге на средневековый западный манер. Бренн построил этот замок по проекту Баженова»²

¹Курсив здесь и далее мой — Б. О.

²Назировский архив. 2014. № 4. С. 8.

А это цитата уже из пролога «Звезды и совести»: «Завещание Ирода утвердил Октавиан Август, как покровитель союзной страны. Полцарства унаследовал с титулом этнарха (народоправца) любимый младший сын Ирода — Архелай: он получил собственно Иудею, Самарию и Эдем».

Ассоциации с учебником истории здесь не случайны. Но об этом чуть далее. Главное здесь ясность того, насколько пояснения важны для общей структуры повествования и намертво вплетены в текст. Поэтому крайне сомнительно, будто бы «подобного рода пояснения при вёрстке ушли бы в сноски, а возможно, только отражают ход авторской мысли и при попытке обнаружения и вовсе исчезли бы»³

Вот пассаж, прекрасно иллюстрирующий и знание повествователя (поданное в форме серии вопросов, так что это всё-таки не акцентированное *всезнание*), и обнажение временной границы между читателем и событиями: «Предвидел ли он свою судьбу? Видел ли душевными очами, как его львиную голову подымет на золотом блюде тонкая идумеянка, ликуя и смеясь всеми своими жемчужными зубами?» (Гл. 3). Весьма показательно, что знание автора абсолютно в сфере исторических событий, но в данном случае не охватывает личных эмоций и переживаний персонажа. Это уже не системная характеристика позднего Назирова-прозаика. Об эмоциях Пушкина он знает всё: «Он осторожно приблизился. Немец в шляпе, видимо, лекарь, выходил как раз из ворот и важно наставлял какую-то женщину с обличем служанки, как кормить больную с ложечки. *Пушкин похолодел*. Оказалось однако, что Аглая здорова»⁴. Хотя всезнание всё же прорывается в 17-й главе «Звезды и совести», где мы видим сон Йешуа. Но не случайно, что это уже 17-я глава, почти самый конец первой части романа (согласно черновым планам в каждой из трёх частей должно было быть по 20 глав⁵). В первых главах автор всё же рисует своего героя загадочной фигурой, и даже само упоминание его имени оттягивает на вторую половину первой главы.

На этом фоне более чем странно выглядит заявление повествователя в прологе: «Автор этой книги не скрывает своего дилетантизма в исторических вопросах». Ведь в тексте ровно наоборот, автор не пытается скрыть то, как много он знает, не пытается скрыть и своего желания поделиться знаниями с читателями: «В Иерусалиме Галилею считали косной окраиной, а галилеян — “людьми земли” <...> презрительным прозвищем “ам га-арец” (“человек земли”)...»; «Именем древнего нечестивого царя последователи Иоханана Пророка называли тетрарха Ирода Антипу»; «“Анастасиос” по-гречески значило “воскресший”»; «взялся за эфес короткого римского меча, называемого *gladius*»; «Один падёт в шеолу (ад), на престол воссядет другой»; «и даже римский кенсос (опись) не касается его»; «Он намеренно назвал префекта Иудеи греческим титулом эпитроп (наместник)»; «Бет-Лехем по-еврейски означало “Дом Хлеба”. Давно было известно, что Мессия придёт от семени Давидова». Как видно, текст просто усыпан такими пояснениями. Где-то мы сталкиваемся с откровенным

³Зарипов А. Р. Роман Р. Г. Назирова о Христе: степень завершенности и творческая история текста // Назировский архив. 2014. № 4. С. 159.

⁴Назировский архив. 2014. № 4. С. 35–36.

⁵Зарипов А. Р. Цит. соч. С. 159.

жанром энциклопедической справки: «Иордан, река длиною в 215 километров, течёт с севера на юг, протекает через Геннисаретское озеро и впадает в Содомское или Мёртвое море, оно же Лотово озеро, бессточное и горько солёное».

Откуда же такая ложная скромность? По всей видимости, она отражает само болезненное отношение автора к истории, оставляет пути для отступления, если вдруг какой-то ещё более сведущий специалист уличит рассказывающего в ошибке. Такие пути не были бы нужны автору с менее интимным переживанием истории. История (вернее — историческая правда), таким образом, становится важным интеллектуальным узлом всей конструкции романа, хотя я затрудняюсь сказать, почему именно историческая достоверность оформления так важна здесь с художественной точки зрения. Желание юного Назирова стать историком известно, академический интерес к событийному контексту изучаемого явления — тоже (и Пушкин, и Достоевский, и история сюжетов обязательно исследуются Назириным с точки зрения соположенного им событийного ряда). Но какова тут художественная задача?

Уместно было бы упомянуть ещё одного писателя-филолога, У. Эко, который также насыщает свой текст деталями и исторически достоверными подробностями, но делает это тоньше, вплетая свои описания в сюжет и диалог, а не оставляет их на долю авторской речи:

— Да, но машина, о которой я говорю, будет указывать на север в любом случае. Как бы мы ни меняли направление. Мы всегда будем знать, куда поворачивать.

— О, это было бы дивно! Но где взять такую машину? Она должна уметь распознавать север и юг в темноте, в закрытом помещении, не сообщаясь с солнцем и звездами... Не думаю, чтобы даже ваш хитроумный Бэкон мог построить такую машину! — со смехом ответил я.

— Вот и ошибаешься, — сказал Вильгельм. — Ибо машина подобного рода уже сделана, и кораблеводители ею уже пользуются. Она не сверяется ни со звездами, ни с солнцем, а использует силу одного замечательного камня. Того самого, который мы видели в лечебнице у Северина. Он притягивает железо. Это свойство было изучено Бэконом и еще одним ученым, пикардийским магом Петром из Махарикурии. И описаны многие возможные употребления этого свойства⁶.

Если бы на месте Эко был Назиринов, он бы написал что-то вроде: «Компас был изобретён в начале XIV века Флавио Джойя и уже существовал ко времени, о котором здесь идёт речь, использовался в судоходстве, но был всё ещё в новинку для тех, кто жил тогда, однако такой образованный человек, как Вильгельм Баскервильский, конечно, знал об этой технической новости и мог собрать его самостоятельно». Хотя, справедливости ради, заметим, что Эко тоже не удержался от разъяснений, но вынес их в отдельный текст «Заметок на полях „Имени розы“».

⁶ «Имя розы», глава «Третьего дня, вечера».

Учёный характер прозы увязывает её с научными трудами учёного. Нельзя не обратить внимание на эпизод с ловушкой, в которую попадают герои по пути в Кану в 4-й главе: «Они увидели над дорогой лошадиный череп со светящимися глазами». В статье «Череп на шесте. Международные параллели к одному русскому сказочному мотиву» (1982)⁷ Назиров говорит о конском черепе как об особом предмете устрашения, распространённом у иудеев, хотя это и не главная обрядовая функция этого объекта. Другой важной ролью лошадиного черепа, как мы знаем из той же статьи, является оберег, и это, по всей видимости, следует учитывать при интерпретации романа. Может быть, встреча с оберегом подготавливает нехлопотное общение с Бар-Раббой?

Отметим тут ещё одну деталь сходства научной и художественной прозы: «Она была права, — заметил самый юный из путников, отрок с красивым лицом и длинными ресницами» (Гл. 1). Обращает на себя внимание страсть Назирова к такой форме абсолютных высказываний. Сравним: «Марр считал, что это положение действительно и для культуры в целом. Он был совершенно прав» из «Очерка истории лингвистики»⁸ и «Чернышевский в “Заметке о журналах” возразил Дудышкину, отрицая какое бы то ни было сходство между Печориным и героями Тургенева: “Это люди различных эпох, различных натур...”. Он был совершенно прав»⁹.

Итак, Назиров создаёт учёную прозу. Читатель же в этой системе отношений оказывается заведомо ниже эрудированного повествователя, с одной стороны. С другой стороны, читатель оказывается его, повествователя, современником при том, что сам нарратив — о далёком прошлом. Субъект повествования, в отличие от ранних рассказов, внеположен описываемому художественному миру, но при этом ориентирован на читателя: даёт исторические справки и лингвистические комментарии. Фактически перед нами автокомментируемый текст, в котором комментарий выступает не в роли постмодернистского приёма в духе «Бледного огня» или «Бесконечного тупика», а в своей первичной функции поясняющего компонента текста. Назировский повествователь всерьёз¹⁰ поясняет и объясняет своему читателю происходящее. Это подводит нас ко второй важной грани этого произведения: мы имеем дело не только с *учёной* прозой, но с *учебной* прозой. Такие автокомментарии всерьёз, а не как пародийная филология, популярны у авторов в специфические перио-

⁷Назиров Р. Г. Череп на шесте. Международные параллели к одному русскому сказочному мотиву // Фольклор народов РСФСР: Сборник статей. Уфа, 1982. С. 33–43.

⁸Назировский архив. 2015. № 1. С. 27.

⁹Назиров Р. Г. Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул. Автореф. дисс. ... докт. фил. наук. Екатеринбург, 1995.

¹⁰Обилие шуток Ромэну Гафановичу вообще не было свойственно. См. воспоминания А. Л. Осповата: «Сколько я помню, он не так охотно шутил и не приветствовал чрезмерную шутливость. Он был серьёзным. Серьёзен, обидчив и одинок, наверное <...> Он *серьёзный* был человек». Назировский архив. 2014. № 2. С. 152, 154. Позволю себе напомнить и мои наблюдения над заметками Назирова к собственным черновикам: «... юмор, присутствующий в назировской прозе, никогда не становится доминантой авторской эмоции. Очевидно, что такая установка была вполне сознательной, об этом свидетельствуют посвящённые шуткам в тексте автокомментарии». Орехов Б. В. Очерк малой прозы Р. Г. Назирова // Назировский сборник: исследования и материалы. Уфа, 2011. С. 36.

ды истории литературы. Например, Кантемир, снабжающий примечаниями свои сатиры, и Державин, «объясняющий» издание 1808 года — это авторы эпохи становления литературы. Литературы, ещё не выработавшей свой язык для собственно художественного диалога с читателем.

Но случай Назирова иной. Он находится в совсем другом историко-культурном контексте, который предполагает уже довольно мощную традицию выстраивания системы сигналов, которыми обмениваются автор и читатель на разных уровнях коммуникации от языкового до жанрового. Либо автор «Звезды и совести» предпочитает этого не замечать, либо его логичнее рассматривать в одном ряду, например, с Пушкиным, вводящим авторские примечания к тексту для декларации своей литературной позиции¹¹, или с Брюсовым, ещё одним учёным автором-филологом оснащающим свои стихи автокомментариями в рамках его поэтико-филологической программы. Последняя ассоциация особенно привлекательна.

Вкусовые соображения таковы, что баланс между эрудицией и художественным началом здесь нарушен в пользу эрудиции. Если же отстраниться от этого модуса и вернуться к аналитическому дискурсу, то нужно заметить, что тип автокомментариев Назирова далёк от описанного Лотманом Пушкинского примечания. У Назирова это разъясняющий и поясняющий, *учительствующий* (хотя и не дидактический в традиционном смысле) автокомментарий.

2 Интертексты

2.1 Интертексты осмысленные

Учёный характер прозы подразумевает не только знание исторических планов и деталей, но и отсылки к претекстам. Действительно, в романе достаточно евангельских цитат: «Не мир я принёс, но меч» (Гл. 2); «Взявший меч погибнет от меча» (Гл. 8) и т. д. Но они как раз ожидаемы. Более любопытен уже упомянутый случай: «Ты полагаешь, Бог насылет мрак на тех, кого желает погубить? Это греческая мысль» (Гл. 1).

Действительно, этот афоризм, восходящий, по всей видимости, к греческой драме, в разных вариациях представлен в нескольких античных текстах вроде речи Ликурга против Леократа, но ассоциируется прежде всего с именем Еврипида, так как появляется в комментариях к его собраниям сочинений. Следующая за этим характеристика греческого мировоззрения не случайна. Во всём романе прощупывается остраение греческой культуры, а своеобразная эллинистическая обстановка совместного общежития разных народов помогает автору постоянно играть на культурных различиях и заставлять смотреть на как бы привычную для европейца греческую модель глазами чуждого ей ближневосточного человека. Особенно это заметно в главе 8, в которой ключевые для грека нарративы и тексты

¹¹ см. Лотман Ю. М. К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина (Проблема авторских примечаний к тексту) // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960–1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 228–236.

оцениваются иудеем. Что важно — оцениваются этически и, что не менее важно, этической оценки не проходят.

Это иудее-эллинистическое противопоставление важно для автора и в контексте его концепции исторического развития, и в контексте основной проблематики романа. В своих лекциях Р. Г. Назиров не раз подчёркивал, что нынешняя западная цивилизация стоит на двух столпах: культурном наследии античности и конвергированной в Библии традиции Ближнего Востока. Роман как будто представляет нам два основных фактора Европейской цивилизации ещё не монолитных и способных рефлексировать друг над другом и над взаимными сходствами и различиями (греки выражают своё отношение к еврейским обычаям в главе 5).

Кроме того, именно с греками ассоциируется сложно устроенная философия судьбы, получившая наиболее известное воплощение в мифе об Эдипе и связанных с ним текстах. А ведь именно судьба — один из ключевых поводов для размышлений автора. По всей видимости, раскрыться в полной мере эта тема должна была в ненаписанных главах, но Назиров проговаривается и в доступном нам тексте: «моё предзнание не избавляет тебя от бремени решения» (Гл. 2), а также в разговоре о стоиках и в некоторых других местах.

В принципе, вопрос о том, насколько свободен Христос в своём земном бытии, довольно традиционен для художественной словесности. Насколько предопределено совершаемое им, а насколько оно является результатом его личной воли, — этот вопрос занимал многих писателей и философов. Назиров, как я считаю, не стал исключением. В этом же противопоставлении кроется разгадка заглавия романа. За символическими именами звезды и совести скрываются предопределённость судьбы и человеческая воля. То, что недоступно для влияния человека (*судьба, звезда*), и то, что ему подвластно (*совесть*, следование собственному моральному закону), вступают в конфликт в поворотный момент истории и в душе конкретного человека — Йешуа.

В первой части романа Йешуа более следует своей звезде, именно звезда увязывается с его фигурой в нескольких эпизодах: «Два взгляда встретились: один как пламя, другой как звёздный свет. Толстая жила вздулась на лбу Иоханана <...> Звезда оказалась сильнее огня. Пророк опустил голову» (Гл. 2); «... тридцать лет назад, когда у меня ещё не росла борода и я ещё только подбирал первые крохи от пиршества халдейских мудрецов, хвостатая звезда взошла на востоке и ушла на запад: никто раньше такой не видел. Учёные мужи Вавилона изрекли, что звезда возвещает рождение царя, который потрясёт вселенную» (Гл. 8). По всей видимости, этический полюс должен был быть развёрнут в недоступном нам продолжении.

Говоря об интертексте, нельзя обойти и ещё один момент. По всей видимости, одной из ключевых фраз романа является адресованная пророку реплика Йешуа:

— *Декурион — дурной человек, даже для римлянина* (Гл. 2).

Любопытна она не сама по себе, а в контексте известного диалога из другого романа о Христе, опубликованного, по всей видимости, задолго до активной работы Назирова над своим текстом¹²:

— *А теперь скажи мне, что это ты все время употребляешь слова «добрые люди»? Ты всех, что ли, так называешь?*

— *Всех, — ответил арестант, — злых людей нет на свете. <...>*

— *А вот, например, кентурион Марк, его прозвали Крысобоём, — он — добрый?*

— *Да, — ответил арестант, — он, правда, несчастливый человек.*

Скорее всего, это сознательная полемика (тут надо сказать, что коллега С. С. Шаулов в личном сообщении указывал на скептическое в целом отношение Назирова к Булгакову, так что полемика, а не солидаризация здесь весьма предсказуема). В чём роман Назирова полемичен по отношению к Булгаковскому? Прежде всего, в отношении к историческому фону. У Булгакова он более условен. Назиров же явно с большой страстью старается вписать в повествование множественные достоверные детали и описания отношений. Как я уже говорил, правдивость исторического оформления для Назирова важна до болезненности.

Разумеется, полемична и сама этическая модель. «Все люди добрые» для правоверного еврея — неприемлемая сентенция, и Назиров показывает, почему это так.

Другая отсылка к Булгаковскому роману — призыв из «Пролога»: «Благосклонный читатель! <...> Итак, прошу вас мысленно перенестись в Иудею на пятнадцатом году принципата Тиберия». Он хорошо увязывается с экспрессивным началом 19-й главы «Мастера и Маргариты»:

За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрешут лгуну его гнусный язык!

За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!

Это тоже может быть скрытой полемикой, призывом автора следовать именно за ним, а не за другими авторами, возможно, предлагающими ложную дорогу.

2.2 Интертексты бессмысленные

Чтобы выдержать каноны жанра филологической работы, напишу немного и про бессмысленные интертексты. Все знают, что в филологической работе обязательно должно быть про интертексты, причём, они ничего не должны объяснять в исследуемом произведении. Так вот.

У меня было субъективное желание связать «Звезду и совесть» со «Стихотворениями Юрия Живаго», известным Назирову¹³ поэтическим циклом, имеющим очевидное тематическое сходство с романом о Христе. Однако убедительных параллелей не нашлось. Картина

¹² А. Р. Зарипов указывает на 1973 год как на год публикации полного текста романа «Мастер и Маргарита», однако первая журнальная публикация с купорами состоялась гораздо раньше — в 1966–1967 годах.

¹³ См. отзыв о ряде стихотворений Пастернака, в т. ч. «Гефсиманский сад», в дневниковой записи от 12 августа 1957 г. в Назировский архив. 2014. № 4. С. 151.

в экспозиции первой главы на первый взгляд могла отсылать к началу «Гефсиманского сада», однако у Пастернака мы видим летнюю ночь, в то время как Назиров рисует осенний день; река Кедрон будто бы может «рифмоваться» с названным в начале главы Иорданом, однако третий компонент экспозиции стихотворения Пастернака, Масличная гора, оказывается без соответствующей пары у Назирова.

Внимание также привлекает форма «прислонясь» в «прислонясь спиной к камню» (Гл. 1) вместо более частотного «прислонившись». Здесь могла бы быть отсылка к первому стихотворению цикла, «Гамлет». Однако, обзор русской художественной прозы 1950–1980-х годов показывает, что форма «прислонясь» вовсе не уникальна и порой вполне успешно конкурирует со своей более удачливой парой. Особенно забавной выходит соположение таких цитат:

- (1) *Видя всё это и не видя этого всего, государственный советник второго ранга Иннокентий Володин, прислонясь к ребру оконного уступа, высвистывал что-то тонкое-длинное.* А. Солженицын «В круге первом», т. 1 (1968).
- (2) *Прислонившись лбом к оконному переплёту, Надя ладонями раскинутых рук касалась холодных стёкол.* А. Солженицын «В круге первом», т. 1 (1968).

Таким образом, надёжным способом связать евангельский цикл Пастернака и роман Назирова не получается.

Ещё в копилку ничего не значащих переключек:

— *Мы не те, кого вы ищете,* — наивно добавил плотник (Гл. 1).

Эта реплика напоминает ставшую крылатой фразу «These aren't the Droids you're looking for» из фильма «Star Wars. Episode IV: A New Hope», вышедшего на экраны в 1977 году, то есть приблизительно в то время ($\pm$ два года), которым коллеги датируют финальный этап работы над «Звездой и совестью»¹⁴ Интерес тут в том, что в обоих случаях фразы вложены в уста персонажей, обладающих особенной силой¹⁵ и умением сохранять спокойствие в сложных сюжетных ситуациях, кроме того, сходны и внешние обстоятельства: ближневосточная пустыня во многом напоминает пейзажи Татуина, снятые в своё время в Тунисе. Ну и, наконец, в названиях обоих произведений присутствует звёздная тема.

3 Прочие мотивы

В романе заметно ещё несколько мотивов, которые, скорее всего, должны были получить развитие позднее. Среди них упомянем мотив равнодушия, которое предстаёт одним из тяжких человеческих грехов: «равнодушие рассказчика к предмету речи уличает его в том, что цель рассказа — он сам» (Гл. 5); «Горе равнодушным, ибо им нет спасения» (Гл. 8).

¹⁴Зарипов А. Р. Цит. соч. С. 158.

¹⁵Ср. реплику из главы 5: «Йешуа не проявлял никаких признаков усталости. В его худом теле таился кладёз внутренней силы...».

Введение этой темы ещё больше подчёркивает этическую доминанту произведения, хотя, казалось бы, куда уж больше, если эта проблематика заявлена в заглавии.

Три раза в не таком большом тексте повторяется мотив сильной жены при слабом муже: Ревекка, жена Хузы (Гл. 5), Аарон и его жена, заставившая его принять иудаизм (Гл. 8) Ирод Антиппа и Иродиада (Гл. 18). Надо признать, это не самый частый мотив в художественных интерпретациях истории Христа, хотя хронологически близкий к ней сюжет о танце Саломеи (упоминаемый в романе) в принципе навевает нужные ассоциации. Очевидно, этот мотив должен был оттенить задуманные автором развитие главного персонажа в рамках его отношений с Марией Магдалиной.

Итак, согласимся с А. Р. Зариповым в том, что «можно судить об относительной идейной завершенности»¹⁶ произведения. Как кажется, имеющийся текст позволяет провести вполне осязаемую реконструкцию общей авторской установки и воспроизвести основные конструктивные приёмы романа.

4 Проблема публикации

Подводя итог скажу несколько слов и о тексте А. П. Власкина. Коллега А. П. Власкин написал, скорее, критический отзыв, чем литературоведческое исследование. Не скрою, и у меня был подобный соблазн, ведь мы имеем дело не с признанным прозаиком-классиком, а с, в общем-то, писателем-любителем, авторитет которого в сочинительстве не подтверждён ни редакторами, ни рецензентами. Такого можно и оценить, и разложить на дурное и удачное, а то и по плечу похлопать. С Тургеневым или Лермонтовым такие жесты выглядели бы маргинально. Однако я всё же попытался в меру сил этого соблазна избежать и остаться в рамках литературоведения, не впадая в литературную критику. И вот почему.

Р. Г. Назиров не просто заслуженный и уважаемый человек, которого следует иногда вспоминать и благодарить за сделанное. Это оригинальный мыслитель, идеи которого могут сформировать современную повестку гуманитарной науки. Но только в том случае, если будут прочтены внимательно и беспристрастно, без эмоционального «нравится — не нравится». Игнорирование того факта, что Назиров большое место в своей жизни уделил художественному творчеству, и именно в нём реализовал часть своего интеллектуального потенциала, сильно обедняет взгляд на его персону, да и, в конце концов, искусственно ограничивает нам объект исследования. А наследие Назирова можно и нужно исследовать. Это уже происходит, достаточно взглянуть на раздел «Труды о Р. Г. Назирове» в «Сводной библиографии трудов Р. Г. Назирова и работ о нём (1955–2015)»¹⁷, там десятки работ!

В свете этого решительное возражение вызывает финал отклика: «Резюмируя, скажу, что, например, печатать этот текст я бы не рекомендовал». Но почему? Потому ли, что роман не отделан, не отредактирован, не закончен? Он, безусловно, стал бы лучше, продол-

¹⁶Зарипов А. Р. Цит. соч. С. 163

¹⁷Назировский архив. 2015. № 2.

жи Назиров работу над ним, но судьба распорядилась иначе. Если руководствоваться этой логикой, следовало бы вовсе отказаться от публикации незавершённых художественных текстов. А ведь известно, что из неоконченного Пушкинского отрывка «Гости съезжались на дачу...» родилась «Анна Каренина»¹⁸. Останься этот текст среди рукописей — и не было бы в русской литературе великого романа. Кто может взять на себя ответственность решать, чему давать билет в жизнь, а у чего отнять будущее? Я бы поостерёлся. Если история о чём-то нам и говорит, то только о том, что она течёт не такими очевидными путями, как кажется, так что культурная евгеника может иметь непредсказуемые последствия.

«Думаю, и автор со мной согласился бы (и согласился ведь, оставив рукопись в архиве)», — пишет А. П. Власкин. Такого рода апелляция к автору кажется мне совершенно неуместной. Как раз наоборот: автор не согласился с А. П. Власкиным, оставив рукопись в архиве, ибо имел возможность вместо этого роман уничтожить, как уничтожил многое другое. См. об этом замечание С. С. Шаулова: «В 2003 году мы вместе с Б. В. Ореховым помогали ему разбирать старые бумаги. Много он при нас же тогда выбрасывал (он основательно почистил свой архив), многое он с нашей помощью разложил по папкам»¹⁹.

«Публиковать с мемориальными целями? Но этот текст ничего не прибавит в глазах читателей к высокой репутации Р. Г. Назирова», — недоумевает А. П. Власкин. Отвечу. Цели, конечно, у такой публикации не «мемориальные», а исследовательские. У учёного, пытающегося реконструировать сложную концепцию мифа Назирова, без этого романа никогда не будет адекватной картины его предмета. Так что публиковать обязательно нужно — и этот роман, и многое другое. Не для услаждения глаз читающей публики и не для укрепления репутации Назирова, а для полноты представления о том феномене, с которым мы имеем дело. История сама произведёт нужный ей отсев.

¹⁸Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 91 т. Т. 62. М., 1953. С. 16.

¹⁹Шаулов С. С. Литературные суждения в дневниках Р. Г. Назирова // Назировский архив. 2014. №4. С. 146.

Не научный отзыв

М. А. Перепёлкин

Дорогой Сергей Сергеевич!

Постите, что заставил Вас напоминать мне о задуманном семинаре и о моём обещании дать отзыв о романе Вашего коллеги и учителя, — дело в том, что обещания даются легко, а браться за чтение романа — признаюсь — мне было несколько страшновато. А что, если он разочарует меня, покажется слабым или вторичным, — смогу ли я сказать об этом прямо и без обиняков? Ведь как мы знаем и привыкли думать, для настоящего произведения мало быть написанным, — нужно суметь прорваться к своему читателю, не остаться среди «неопубликованного». Таким — прорвавшимся — произведениям верить как-то проще, даже если они в результате этого и не заслуживают. Но вот я решился, прочёл роман и могу, наконец, поделиться впечатлениями.

Разумеется, главный вопрос, который стоит перед читателем произведения, не знакомым с творчеством того, кто его написал, — а «был ли мальчик»? Роман ли это? Или — может быть — шутка, пастиш, розыгрыш, придуманный, например, Сергеем Шауловым-младшим и выдаваемый за чьё-то «неопубликованное» заветное? Есть ли в нём что-то, над чем стоит задуматься читателю? Что-то такое, что приводит в действие его, читательскую, мысль и чувство? Очевидно, что от ответа на этот вопрос зависит и всё последующее. И этот ответ я нашёл — не сразу, но нашёл. Да, есть. Есть и герой, и сюжет, и драма, и — не одна. Но этого героя надо искать всё-таки не среди персонажей романа, и сюжет его — не их, персонажей, действия и поступки. Главный герой романа «Звезда и совесть» — это его автор, медленно, с большими трудностями и невероятными усилиями вчитывающийся в евангельскую историю, продирающийся к тому, что за буквой, переоткрывающий её для себя и для своего читателя. Евангелие написано на века, но это «на века» будет только в том случае, если каждый, кто встанет предстанет евангельскому слову, прорывается через мертвящее спокойствие написанных страниц и ощущает на своём собственном колене рану от когтей льва. Вот это и делает автор романа, «перечитывающий» Евангелие и открывающий, что многое из того, что кажется чудесным на самом деле — никакое не чудо, а «горящее бревно на мели», настоящее же чудо — совсем в другом, но найти его должен ты сам. «... Мир есть космос (порядок), но устройство его длится и ныне», — говорит автор «Звезды и совести», — и пусть читатель не думает, что, если он знаком с Евангелием, он всё знает: вся наша жизнь и есть это самое чтение-приближение-удаление-забывание-отталкивание евангельской истории. И именно это, с моей точки зрения, и есть главный сюжет романа Р. Г. Назирова.

«Учёная» ли это проза? Или какая-то ещё? Не знаю. Возможно, это так и есть. Но в любом случае мне как-то теплее жить и думать о мире, зная, что на протяжении долгих

месяцев (лет? десятилетий?) человек, который мог бы заниматься какими-то вполне конформистскими делами, приносящими результаты в том или ином эквиваленте, писал эту мужественную прозу. Может быть, сам факт этой прозы (и подобных ей) делает «семидесятые» (?) не «грязно-глухими», как выразилась однажды Т. Бек, а глубокими и отзывающимися долгим эхо. «Но под властью татар жил Иван Калита», — сказал поэт. Прочитав роман Р. Г. Назирова, я теперь знаю, что жил такой Калита и в Уфе, и может быть именно в силу его труда и ему подобных «власть татар» и не кажется нам теперь кромешной.

Печатать ли роман? На этот вопрос я, естественно, отвечать не могу и не буду. Да и не нуждается он в этом моём ответе: если роману это необходимо, и если его время действительно пришло, он будет напечатан во что бы то ни стало. Единственное, что могу сказать я: публикаторов не должна ни в коем случае останавливать «фрагментарность» и неоконченность. Такие романы и должны быть фрагментарными и неоконченными, это — их дыхание и их природа. Окончание было бы лживым приспособлением к литературности, вызванным стремлением поставить точку любой ценой.

И последнее. Ещё раз хочу высказать своё восхищение ученикам Р. Г. Назирова, разбирающим его архив и думающим о судьбе его творческого наследия. Может быть, мы и становимся филологами и пишем свои диссертации, чтобы потом разбирать архивы наших учителей и говорить с ними на том самом языке, который не слышен никому кроме их, ушедших, и нас — тоскующих по их урокам?

Простите, что мой отзыв слишком не научный — наверное, писать «научный» — это всё-таки дело тех, кто знаком с предметом гораздо ближе меня. А мне просто хотелось поделиться впечатлениями.

С уважением,

Михаил Перепёлкин

Реплика (записано с ее слов С. С. Шауловым)*

В. В. Борисова

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы

1. На мой взгляд, это вполне добротная проза. Конечно, какие-то места выглядят недо-работанными, но это понятно, поскольку роман не закончен. Местами заметны излиш-ние красоты. Местами, наоборот, текст выглядит «суховатым». Но надо учитывать, что это ведь не просто человек писал, а первоклассный филолог (в том числе и фи-лолог-теоретик), который не мог не видеть и не понимать структур своего текста. Поэтому эти вещи надо оценивать как какие-то приемы. Возможно, с их помощью он беллетризует повествование.

В целом его стремление к достоверности привлекает. Особенно на фоне современных, порой совершенно диких трактовок традиции.

2. Роман «Звезда и совесть» , без сомнения, вторая стадия осмысления материала. Пер-вая — сбор и систематизация информации, в данном случае, исторической. Вторая — ее обобщение, здесь проходящее в художественной форме. Заметно его стремление к максимальной исторической достоверности. Я, кстати, думаю, что и современные библеисты и историки не смогут найти там серьезных погрешностей. С этой точки зрения роман неплохо было бы рекомендовать для чтения студентам-историкам, куль-турологам, филологам. Причем и в духовных учебных заведениях тоже. Я не считаю Назирова собственно писателем, в том смысле, в каком это слово обычно понимают. Не нужно разделять Назирова-писателя и Назирова-ученого. Надо эти аспекты вос-принимать в синкретическом соединении. Думаю, что он не делил себя на писателя и филолога.
3. Назиров не мистик, не декадент, не романтик. Он воспитан на реалистической прозе, причем не только XIX века, но и на советской. Отсюда и стремление к подчеркнуто реалистическому повествованию. Однако он и не стремился излишне «очеловечивать» и «сентиментализировать» героя (в отличие от Ренана и Штрауса). Думаю, что в ро-мане на самом деле нет противоречий с христианской культурой. Есть попытка разо-браться в ее исторических корнях, находясь на иной, внеположной традиции.

*Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ 16 – 14 – 02008.

Обсуждение романа Р. Г. Назирова «Звезда и совесть»*

21 ноября 2015 года

Уфа, Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы

С. С. Шаулов (к.ф.н., доцент кафедры. русской литературы и издательского дела БашГУ), **М. С. Рыбина** (к.ф.н., доцент кафедры романо-германского языкознания и зарубежной литературы БГПУ им. М. Акмуллы), **Л. А. Каракуц-Бородина** (к.ф.н., доц. каф. журналистики БашГУ), **И. В. Савельев** (прозаик, литературный критик), **А. Р. Зарипов** (магистрант филологического факультета БашГУ).

С. С. Шаулов: Я прежде всего очень рад всех вас видеть. Можно сказать, просто счастлив, что несмотря на эту совершенно безумную погоду вы сюда добрались. Добрались не все из планировавшихся, но те, кто добрались, — те молодцы, те настоящие люди. Значит, у нас сегодня с вами обсуждение найденного — не так уж ново-, но сравнительно недавно найденного — в архиве Назирова неоконченного романа «Звезда и совесть». Есть у нас четыре заочных отклика на роман: от профессора Магнитогорского университета Александра Петровича Власкина, отзыв от профессора Самарского университета Михаила Анатольевича Перепелкина, отзыв от нашего местного профессора Валентины Васильевны Борисовой (БГПУ), которая личным присутствием не сумела нас почтить, но отозвалась вот таким образом, и, наконец, отзыв от доцента Высшей школы экономики Бориса Валерьевича Орехова, которого мы тоже прекрасно знаем, помним, ценим.

Итак, роман «Звезда и совесть». Я рассылал какие-то вопросы предварительные, в основном апеллировавшие к трем аспектам размышлений о романе, к трем вопросам. Первый — это вопрос качества текста с позиций читательских вне зависимости от того, Назиров это или не Назиров. То есть качество текста как таковое (что бы под этим словом ни понималось).

Второй вопрос — это ценность текста ... Какую он представляет ценность эстетическую, научную, историческую и прочее, понятно, что это вопросы взаимосвязанные, но всё — таки разные. И наконец, третий вопрос — это, так сказать, текст на фоне эпохи. Насколько он тривиален / не тривиален, какой у него контекст, насколько важно его в этот контекст поместить ...

Был и четвертый вопрос. Он, можно сказать, несколько условный: я спрашивал о том, надо ли это печатать и как это печатать, если надо. Ну, понятно, что мы это в любом случае напечатаем где-то или в «Назировском архиве». А может, и не только в нем, не в одном месте. Если вас ещё какие-то заинтересовали аспекты темы, то я чрезвычайно буду рад и все мы будем рады послушать. На этом считаю свой вступительный спич оконченным

*Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ 16–14–02008.

и ... Ну что, Игорь, начнешь? У тебя там, по-моему, большой текст лежит приготовленный ...

И. В. Савельев: Нет, это я сейчас делаю. Пытался как-то сложить конспектом свои попутные записи ...

С. С. Шаулов: Ну, давай всё-таки с тебя начнем. Почему? Потому что с Артёмом я общаюсь регулярно, с Машей мы тоже общаемся достаточно часто ; с Любовью Анатольевной мы много общались в рамках семинара «Третье литературоведение»¹ в свое время, а у тебя будет именно свежий взгляд на проблему, и это как раз самое интересное, мне кажется.

И. В. Савельев: Хорошо. Ну, я начну, наверное, с того, что мне посчастливилось несколько лет учиться у Ромэна Гафановича Назирова в последние годы его жизни. И как раз, когда я читал журнал «Назирровский архив» , его большой биографический очерк² , там эти годы были названы такими годами, «депрессивными» , может быть, я ошибаюсь, но там как-то в таком контексте ...

С. С. Шаулов: Ну, они, видимо, были такие ... субъективно тяжело переживаемые.

И. С. Савельев: Да, замечалось. У меня сложилось впечатление, что в тот период Назирову уже, ну, по крайней мере, как преподавателю, были не очень интересны литературоведческие спецкурсы, которые он всё-таки нам читал в рамках специализации. Но с гораздо большим интересом он вёл у нас предмет, спецкурс, который, в общем-то не был его профильным, это был спецкурс, посвященный истории религии и, скажем так, каким-то аспектам культуры, связанным с историей религии³. Это был очень интересный спецкурс, на который приходили люди с других факультетов и со стороны, все приходили слушать. И сейчас, прочитав роман «Звезда и совесть» и вспоминая то, что Назиров нам говорил, я понимаю, что главное, что, может быть, доставляло ему удовольствие в этой работе, в этой теме — это какая-то его раскованность. Это была раскованность светского специалиста, который пытается досконально разобраться в истории ислама, в истории христианства и так далее, в истории древних цивилизаций. И я так понимаю, это было связано с тем, что закончилось советское время, эта тема перестала быть табуированной в какой-то степени и так далее. Назиров с большим удовольствием эти темы поднимал, мы о них говорили.

Теперь мы видим роман, который тоже связан с этим материалом, роман, который, как мы знаем, написан в семидесятые годы. Что хотелось бы о нем сказать ... Очень заметно, что этот роман написан в ситуации некоторого вакуума, то есть ситуации определённой табуированности темы. Понятно, что какие-то вещи, которые были связаны с христианством, не могли появляться в открытой печати, и в современной на тот момент литературе они

¹Филолого-методологический семинар, работавший в Уфе в «нулевых» годах. См.: Третье литературоведение. Материалы филолого-методологического семинара (2007–2008). Уфа, 2009 ; Третье литературоведение. Ученые записки филолого-методологического семинара (2008–2009). Биробиджан, 2015.

²См.: Орехов Б. В., Шаулов С. С. Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назирровский архив. 2015. № 2. С. 76–116.

³Курс назывался «Религия и культура». См.: Назиров Р. Г. Культура и религия. Программа спецкурса для студентов 2 курса филологического факультета. Уфа, 2003 ; <http://nevmenandr.net/nazirov/culture-n-religion.pdf>.

не очень освещались, хотя существовал какой-то корпус «апокрифических» текстов, которые уже всё - таки были признаны классикой: это и Леонид Андреев, это и Томас Манн и так далее. Но тем не менее, весь этот корпус он был . . . в том, что связано с историей христианства . . . он был каким-то «подспудным». И то, что этот роман появлялся в ситуации такого вакуума, конечно, заметно. Некоторая его энциклопедичность, она даже кажется, может быть, избыточной в ситуации современного чтения, когда читателю доступны какие-то источники, и вещи, о которых пишет Назиров, широко всё-таки распространились и о них много пишут, говорят.

В романе видно стремление рассказать обо всём, буквально начиная с того, что такое Иордан, заканчивая какими-то другими вещами, связанными с той эпохой. То есть, конечно, в этой ситуации, когда сегодня всё это доступно и весь корпус каких-то литературных апокрифов и других материалов, связанных с темой, стал доступен, какая-то часть очарования романа теряется. Можно только предположить, если бы этот роман был дописан в восьмидесятые годы, если бы он появился, может быть, не напечатанным, но, тем не менее, в качестве готового текста, появился каким-то образом где-то там, может быть, в самиздате или как-то, то, может быть, он выглядел бы более революционно, чем он смотрится сегодня. Но, тем не менее, он достаточно уникален, он уникален именно светским взглядом, потому что неизбежно начинаешь его сравнивать как минимум с одним текстом — я имею в виду книгу «Сын Человеческий» Александра Меня, которая посвящена тому же материалу и очень схожа по, скажем так, манере авторской. Схожая фокусировка происходит на истории различных еврейских, иудаистских течений и на том, как на их базе постепенно появляется христианство, формируется на основе каких-то конфликтов и так далее. То есть вот это сходство очень заметно. На фоне этого сходства как раз четче прочерчивается разница, потому что всё - таки Александр Мень — это был человек церкви, и его авторская позиция отличается от позиции Назирова, несмотря на то, что и там тоже очень широкий культурный контекст и там достаточно свободная в плане мышления вещь. Тем не менее, Александр Мень не позволяет себе каких-то художественных решений в плане сюжета, сюжетных ходов, которые бы отрывались от канонических текстов Евангелий. Например, это тема, связанная с семьей Иисуса Христа, то есть с вопросами о том, были ли у него братья, не были, какую роль эти братья играли и так далее. Здесь, конечно, Мень идет в русле канонических евангельских текстов ; это — первое. И второе: конечно, Назиров позволяет себе гораздо больше, чем тот же Александр Мень, в плане какого-то такого «расщепления» образа Иисуса Христа, его очеловечивания, потому что очень заметно, если вчитываться в роман, что роль Мессии распадается на несколько образов, разделяется. В значительной степени она отдана Иоанну Крестителю здесь, а не Иисусу Христу, потом она частично отдана Ионе и так далее. Гиперфокус на Иисусе Христе, который обычно существует в апокрифах, тем более, в текстах каноничных, в Евангелии, здесь немножко снят. И это немножко выбивается из апокрифической традиции, потому что в двадцатом веке в литературе тоже фокус, центральный фокус отчасти сместился с Иисуса Христа,

но он сместился, например, на Иуду. То есть традиция, заложенная Леонидом Андреевым, многократно продолженная в мировой литературе, традиция, в которой тема человеческой слабости оказалась в какой-то степени интересней, чем идеальная тема, связанная с Иисусом Христом Здесь у Назирова этого нет, но какое-то снижение образа за счет его очеловечивания, за счет передачи мессианских функций другим персонажам, прежде всего Иоанну Крестителю, оно заметно.

Что я хотел бы сказать о самом романе как о художественном произведении, каковы его особенности, на мой взгляд? Назиров как-то достаточно резко включается в текст как творец сюжета. Где-то до половины, может быть, до трети романа, всё идет в соответствии с канонами. То есть те, кто читал Евангелие, они в принципе предполагают, что этот текст представляет собой художественную запись евангельской истории без сюжетных отступлений, и внезапно вмешивается авторская фантазия ... Здесь, конечно, довольно сложно разделить авторскую фантазию и, допустим, авторскую интерпретацию каких-то неканонических вещей. Понятно, что какие-то вещи были, скажем так, придуманы Назировым как автором: например, то, что касается того же Иуды и тому подобное ... Здесь, конечно, требуется бо льшая культурологическая база, связанная со знанием истории христианства, нежели присутствует у меня, потому что мне довольно сложно бывает это различить. Я вижу, что происходит некое отступление от канонической истории, но мне трудно понять, где начинается авторский замысел Назирова, а где проходит его интерпретация каких-то неканонических вещей. Назиров очень четко работает, очень скрупулезно работает с фактическими знаниями, с фактурой, потому что там даже в мелочах мы видим, что там не верблюд проходит в игольное ушко, как это принято говорить, а корабельный канат, и если мы посмотрим, что это такое, мы увидим, что действительно есть такая проблема с неправильным переводом, когда изначально был корабельный канат, а позже это интерпретировано было, переведено было по-другому. И так далее.

Значит, то, что Назировым вынесено в качестве центральной сюжетной линии, здесь не очень понятно. Потому что здесь, конечно, тот романный материал, который у нас есть на руках, он немного распадается. Может быть, это авантюрный сюжет, связанный с похищением брата Иисуса Христа: брат его Иаков попадает в тюрьму, и часть сюжета связана с тем, как ученики Христа, его соратники, его как-то оттуда вытаскивают. Этот авантюрный сюжет, как я понимаю, в значительной степени сгенерирован, придуман Назировым, потому что я смотрел разные материалы, мне в принципе не встретился нигде такой поворотов в неканонических евангельских историях. Может быть, это и является сюжетным, смысловым ядром романа.

Может быть, таким ядром является тема культурологическая, потому что те дискуссии, которые ведутся Иисусом и другими персонажами о культуре, они очень интересны. Тема Иисуса как читателя Гомера, например. Этот вот пласт сочетания, связи христианства с античным наследием, связи еврейской истории с античным наследием, это столкновение разных культур, всё это очень интересно, и Назиров это делает одной из центральных

сюжетных линий. Условно говоря, отношение Христа, отношение Иисуса к античной философии, к античной культуре и так далее... Это тоже может одним из главных смысловых центров.

Но в какой-то степени проблемой можно назвать и то, что основной смысловой центр не выделяется. Мы видим, что происходит к финалу романа: распад на несколько, может быть, новелл (то, что связано с Марией Магдалиной, например, и так далее). Здесь становится не очень понятно, что было задумано как основной сюжетный и смысловой двигатель романа. Может быть, речь шла о каком-то эпосе, более значительном эпическом полотне, и мы видим просто несколько сюжетных узлов, мы не видим чего-то центрального, поэтому нам не очень ясно. Это то, что касается сюжетно-содержательной части.

И ещё момент, на который я обратил внимание: языковая, стилистическая пестрота. Она очень бросается в глаза, в этом романе очень странно сочетаются вещи, связанные со стилизацией под евангельский текст, с каким-то, может быть, неожиданным для Назирова, такого, каким мы его представляем, пафосом. Лексика довольно неожиданная... и в общем какая-то даже, я бы сказал, стилистическая неряшливость, не неряшливость, но такой вот немножко разноречивой, он чувствуется, и если роман будет готовиться к печати, то следовало бы подумать о том, как он может редактироваться, потому что в какой-то степени эта лексическая, стилистическая разница его ухудшает, на мой взгляд.

И последнее, что я хотел бы сказать: проблема прозы литературоведов существует, потому что проза крупных литературоведов, она обычно как-то не принимается читателями. Есть такое предубеждение, что литературовед, который пишет прозу, это примерно, как спортсмен, который пользуется допингом, то есть, как специалист, который владеет различными запрещёнными приемами...

Л. А. Каракуц-Бородина: Потому что с шестом нечестно.

С. С. Шаулов (смех).

И. С. Савельев: Да. И на этом фоне можно назвать несколько произведений, к которым очень полярные, противоположные отношения. Например, роман Чудакова «Ложится мгла на старые ступени», который, с одной стороны, почитался и почитается частью читателей, частью профессионального сообщества как текст, едва ли не равный корпусу русской классики, в связи с чем его награждали многократно различными премиями и так далее, а другой частью он отторгается как такой новодел, строго говоря, который...

С. С. Шаулов: Ну, мне даже встречались выражения «графомания», «писательский зуд литературоведа»...

И. В. Савельев: Ну да. Можно назвать ещё несколько текстов, но суть в том, что вопрос их читательской судьбы довольно сложен, потому что они всё равно в итоге почему-то не прочитываются широким кругом читателей и всё равно остаются в каком-то таком каткомбном существовании. Что касается Назирова, конечно, это моя частная точка зрения, роман нужно публиковать. Всё у меня. Спасибо.

С. С. Шаулов: Спасибо. Коллеги, вопросы? Так. Ну ... Есть у тебя что-нибудь, Артём? Потому что у меня сейчас длинный спич будет ответный, не хочу ничью мысль перебивать.

А. Р. Зарипов: По поводу шероховатостей текста хотелось немного прокомментировать. Действительно, текст неоднороден, потому что есть пропуск в несколько глав, и заметно в пространстве романа, где они сходятся вроде бы и текст не совсем отшлифован. Но вот — я имею в виду смешение лексики — мне оно кажется у Назирова намеренным. Так, например, когда речь заходит о политических событиях, он употребляет такие словосочетания как «проект революции», «плетение политических интриг», он переходит специально даже на советский новояз в какой-то момент. Роман каким-то образом последовательно выясняет отношения свои с современной Назирову советской действительностью. Поэтому, я думаю, стиль стоит внимательно очень исследовать. Я не знаю, насколько это художественно, но какие-то трансформации проходят на протяжении всего романа, и они выверены, можно выявить, я думаю, их закономерности ...

И. В. Савельев: Я соглашусь с тем, что трудно предположить, что это ненамеренно, когда он говорит — я тут делал какие-то выписки, сейчас не нахожу — о том, что Иисус — я не помню — «санкционировал создание патриотического блока»⁴. Ну трудно предположить, что Назиров это как бы ненамеренно ...

С. С. Шаулов (смех).

А. Р. Зарипов: Да, я именно это имею в виду.

И. В. Савельев: «Компромиссы» и так далее. Он говорит такие вещи, про которые понятно, что они сделаны сознательно ...

М. С. Рыбина: ... явно сознательные вещи, притом они тоже имеют традицию. Вот такие сознательные анахронизмы, которые, с одной стороны, позволяют провести параллели с актуальным моментом, в известном смысле освежить восприятие канонического текста. Ведь он уже существует в определенной традиции не то, чтобы как музейная редкость, как музейная вещь, но тем не менее, к нему уже выстроено отношение, а вот это позволяет «снять» это отношение и вновь текст сделать свежим. У меня сразу ассоциации возникают с экзистенциализмом, который тоже обращен к мифу, чтобы создать параллель с современностью, увидеть в ней одновременно универсальное и актуальное ...

С. С. Шаулов: По поводу стиля у меня тоже есть одно соображение ... Дело в том, что вообще Евангелие с определённой точки зрения, по отношению к литературе своей эпохи, эпохи позднего эллинизма, тоже ведь представляет собой очень сильный эстетический и стилевой «разнобой», потому что и евангелисты были людьми совершенно разного интеллектуального и культурного уровня. Ну, это, собственно, вопросы библеистики ... но, может быть, Назиров пытается в доступной ему форме это стилизовать? Сама по себе

⁴И. Савельев имеет в виду следующий пассаж: «Иоханан санкционировал секретные переговоры с фарисеями в целях создания патриотического блока и принял посредничество Йешуа Назорея».

эта проблема мне кажется очень важной. Как и проблема оконченности / неоконченности, фрагментарности / нефрагментарности сюжета.

Я вот, например, на авантюрный сюжет как-то не обращал внимания в романе. Вот сейчас ты говорил (обращаясь к И. В. Савельеву), и я понял, что он действительно там есть, он как бы начат, но естественно не продолжен. Тут я могу отчасти согласиться с тем, что если мы это публикуем именно как литературное произведение, тут будет нужна редактура. Но она будет сложнее от того, что возникает вопрос: а что мы редактируем? Это, может быть, сознательная стилизация евангельской или апокрифической стилистической «неряшливости» или на самом деле это стилистическая неряшливость, порождённая тем, что он что-то записал, но не дописал, не дочистил. .. То, что мы обозначили как законченные главы, на самом деле с текстологической точки зрения — в статье у Артёма это было⁵ — представляет собой довольно разные вещи, там есть машинопись, а есть рукопись, и у Назирова это разные этапы обработки текста.

В связи с этим мне не совсем понятно, что и как делать с редактурой. Если мы это даём как чисто архивный документ в журнале «Назирровский архив», тогда, естественно, никакой редактуры в принципе не нужно. С другой стороны, проблема реконструкции итогового замысла, если его можно реконструировать, — это тоже большая проблема. Я вот хотел ещё ... но сначала у меня чисто терминологический один вопрос, просто для того, чтобы мы на одном языке разговаривали (обращаясь к И. В. Савельеву): говоря «апокрифы» ты имеешь в виду татариновскую концепцию⁶ — апокрифы как произведения современные о ...

И. В. Савельев: Апокрифы как бы в широком смысле, как литературные произведения на евангельскую тематику.

С. С. Шаулов: Ага, то есть именно литературные, не беря, скажем, собственно евангельские первых веков, средневековые ...

И. В. Савельев: Нет, ну, я как бы в контексте употреблял слово, что под традицией апокрифов я имею в виду ...

С. С. Шаулов: А, то есть самое широкое понимание, объединяющее и то, и другое. Ага, ладно, просто мне было непонятно. У меня, собственно, вопрос: у тебя это прозвучало, но мне хочется, так сказать, окончательного суждения. Вот смотри: у меня была идея в свое время, и у Артёма тоже, по-моему, независимо от меня родилась, что роман не то, чтобы не окончен, что он намеренно не дописан. Как романы Кафки формально все не завершены, ну, кроме «Процесса». И «Процесс» — то, собственно говоря ...

М. С. Рыбина: Он тоже считается незавершённым.

⁵Зарипов А. Р. Роман Р. Г. Назирова о Христе: степень завершенности и творческая история текста // Назирровский архив. 2014. № 4.

⁶Имеется в виду литературовед А. В. Татаринov, за несколько месяцев до семинара приезжавший в Уфу с лекциями, и его исследования посвященные евангельскому сюжету художественных произведений русской литературы Нового времени. См.: Татаринov А. В. Жанровая природа и нравственная философия художественных текстов о евангельских событиях. — Краснодар, 2005.

С. С. Шаулов: Ну, он не завершен, но там, по крайней мере, сюжет Йозефа К. доведен ...

М. С. Рыбина: И тем не менее ...

С. С. Шаулов: Тоже считается незавершенным ...

М. С. Рыбина: Кто в иных обстоятельствах помешал бы Кафке написать: «и он проснулся ...»?

С. С. Шаулов: Да... Вот (обращаясь к И. В. Савельеву) не кажется ли тебе, что это всё - таки именно намеренная неоконченность, или всё - таки тебе кажется, что это незавершённый в обычном смысле слова текст.

И. В. Савельев: Ну, мне кажется, что замысел в том виде, в котором его, видимо, задумывал Назиров, не осуществлён. У меня такое впечатление есть ...

С. С. Шаулов: Ладно. Для прояснения позиции важно. Ещё вот такой вопрос: ты говоришь, проза литературоведов обычно не приносит больших плодов, не становится, так сказать, общечитаемой. Но тут есть всё - таки несколько обратных примеров. Роман «Ложится мгла на старые ступени» — это одно, а есть тыняновские романы ...

И. В. Савельев: Ну да ...

С. С. Шаулов: ... которые в принципе читаются и переиздаются и по сию пору. А в свое время были даже и весьма популярны. Это одно. Потом есть Умберто Эко.

М. С. Рыбина: Да, я тоже хотела сказать, что Эко есть.

С. С. Шаулов: Есть Умберто Эко, то есть « учёная проза », как Борис на это указывает, она бывает довольно успешной. Бывает довольно успешной ... но тут у меня несколько другое. Борис же указывает и на отличие « учёной прозы » Назирова от, условно говоря, « учёной прозы » Эко: отличие в том, что у Эко вся эта историческая информация всё-таки включена в канву именно художественной прозы, а у Назирова она даётся как бы такими ... примечаниями в тексте. В формате примечаний в тексте. Отсюда вытекает то, что Валентина Васильевна говорит: « Роман « Звезда и совесть » , без сомнения, — вторая стадия осмысления материала » , то есть она вообще роман воспринимает именно как интеллектуальную работу с материалом и дальше говорит о том, что не надо разделять Назирова-учёного и Назирова-писателя: для него это единая, так сказать, активность.

Коллеги, я полагаю, надо бы подумать вместе: насколько можно говорить о том, что - исходя из того, что все мы Назирова знали, Артём только не застал, а в основной массе мы все Назирова знали, — всё-таки, как Вам кажется: он всё-таки писал свою учёную прозу как дополнение к своим учёным занятиям или это нечто самоценное?

Вот Александр Петрович < Власкин > пишет о том, что публиковать не надо, раз сам Назиров не публиковал. Сам не публиковал, значит, и нам не надо. В случае с Назировым, мне кажется, это не работает, потому что он не опубликовал девяносто девять процентов из написанного. Причём там были законченные вещи, которые ничто не мешало публиковать. Причины, почему он не публиковался, — это другой вопрос совершенно. Ответ лежит,

по-моему, не в сфере законченности/незаконченности, а в сфере каких-то психологических категорий. Кафка тоже не любил публиковаться.

Насколько всё - таки этот роман сам по себе оставляет впечатление самостоятельной эстетической ценности? Или это всё - таки лишь дополнение к его же «Истории религий», будущему «Становлению мифов ...» — книге финальной. Я почему этот вопрос так педалирую: он для меня самого не решён. Я не могу понять. То, что стиль рваный и местами фрагментарный, мне иногда действительно кажется следствием недоработки, иногда я перечитываю и чувствую, что это всё-таки приём. В каких-то вопросах, в каких-то случаях роман на меня действует эстетически, как на меня действуют сильные тексты. Но я не могу понять: тут накладывается моё личное знание и личная память об авторе или это объективно текст интересный? Вот, помогите разобраться, что называется.

Л. А. Каракуц-Бородина: То есть мы завершили? А к Игорю ещё вопросы можно?..

С. С. Шаулов: Можно, конечно.

Л. А. Каракуц-Бородина: ... задать по вступлению и по Вашему дополнению. Извините, простейший у меня вопрос: меня немножко зацепило вот это замечание о — хотя и в виде вопроса заявленное — о редактуре, надо ли редактировать или нет. Какова вообще практика в таких случаях при публикациях? Что-то редактируется в случае, когда не ясен, так сказать, статус произведения в смысле законченности? У меня просто ... я в своих примерах копалась, у меня с «Лаурой» (имеется в виду незавершённый роман В. В. Набокова — ред.), естественно, ближайшая ассоциация всплыла. Там, конечно, другой вопрос, там вопрос перевода возник ... Но вот как раз это очень похоже, да, перевод, как некая передача. Неслучайно так много вокруг этого споров и всяких возмущений было. А что ... возможно ли вообще в этом случае редактировать? Или можно только комментировать?

С. С. Шаулов: Да, это вопрос. Интересный. Именно Игорю как человеку, знакомому с современной практикой издания художественных текстов более, чем мы ...

И. В. Савельев: На практике это — вопросы, связанные с отношением издающей структуры к фигуре умершего автора и со взаимоотношениями с правообладателями.

С. С. Шаулов: То есть случается, что и редактируют?

И. В. Савельев: Ну, тут бывает очень сложно разделить корпус классики, которую, строго говоря, нельзя редактировать, и корпус текстов умерших авторов, которые, как издающий считает, можно редактировать. Это решается в каждом конкретном случае.

С. С. Шаулов: Понятно. Мое-то мнение по этому поводу какое: в качестве чего мы это издаем? Если как чисто архивный документ, который важен прежде всего для понимания личности, эволюции взглядов Назирова и прочего, и как исторический документ, тогда мы, конечно, ничего не редактируем — надо только передать всё в публикации соответствующим образом ... Если мы всё-таки воспринимаем это как некую эстетическую ценность, тогда, может быть, нужно что-то попытаться. ... Или нет. Я не знаю.

М. С. Рыбина: Ну, это тоже вопрос, а почему мы считаем свой вкус в данном случае определяющим? Мы всё равно не сможем сказать: принял бы эту правку Ромэн Гафано-

вич или нет? Поэтому мне кажется, что если издавать, то только как архивный документ, потому что ...

С. С. Шаулов: Ну там, понимаешь ... там есть на самом деле моменты неряшливого стиля. Там есть даже ...

М. С. Рыбина: Согласна с этим. Возможно ...

С. С. Шаулов: ... на грани речевых ошибок иногда.

М. С. Рыбина: И все-таки если мы начинаем исправлять, то, соответственно, мы начинаем и реконструировать в духе той концепции, которая нам кажется более приемлемой ...

С. С. Шаулов: Да, это, конечно, неправильно будет.

М. С. Рыбина: Даже если мы это коллегиально сделаем, поставим, так сказать, на обсуждение и позовём всех — я имею в виду всех, кто знал Ромэна Гафановича, имел дело с публикацией его работ, переизданием его работ и так далее, — мы, во-первых, никогда не дойдем, не найдем, не придём к общему решению, потому что будет, как минимум, то, которое здесь обозначено: нет, не издавать, потому что это ничего не добавляет к облику Ромэна Гафановича, а, пожалуй, его в какой-то степени портит. Да, позиция Власкина ...

С. С. Шаулов: Нет, ну тут, конечно, Александр Петрович абсолютно не прав.

М. С. Рыбина: Почему не прав? Это его позиция. Я даже могу назвать и других людей, знавших Назирова, которые придерживаются той же самой позиции. У них тоже есть, право на ...

С. С. Шаулов: На мой взгляд, как раз Борис очень адекватно на это ответил. Реплика Бориса, мне кажется, закрывает спор по поводу того, что ...

М. С. Рыбина: Я, видимо, до неё не дошла просто ...

С. С. Шаулов: Ну я могу процитировать. Во-первых, что значит «не добавляет»? Как раз добавляет, и очень много ...

М. С. Рыбина: Я сейчас озвучила, во-первых ...

С. С. Шаулов: Извини, перебил.

М. С. Рыбина: ... не свою точку зрения в данном случае. Я просто сказала, что есть и другое мнение, которое тоже имеет право на существование. Оно есть. И это тоже люди, которые знали Назирова, у них свой взгляд и своя система аргументов опять-таки. То есть, если мы берём на себя смелость редактирования, мы изначально берём на себя и ответственность за то, что мы имеем смелость реконструировать личность Ромэна Гафановича такой, какой она нам нравится. На мой взгляд, это, конечно, неправильно. И поэтому если публиковать, то как архивный материал и дальше смотреть: если попадает под категорию речевых ошибок, то всё-таки это уже ...

С. С. Шаулов: Ну таких-то там нету. Там есть просто ...

М. С. Рыбина: ... на грани, скажем так. На грани некоторой небрежности, которая явно была вызвана тем, что текст не готовился к публикации. Если бы Ромэн Гафанович его готовил, то, понятно, он бы принял какое-то решение здесь. Но, видимо, это можно дать

как обозначенный пропуск текста, как вариант ... Я не знаю, тут нужно действительно решать сложный текстологический вопрос, когда будет решён формат этого издания.

С. С. Шаулов: Нет, я прекрасно тебя понимаю, я понимаю, что позиция «не публиковать» — это не твоя позиция, просто она меня, на самом деле довольно сильно коробит. Вот. Она неверна фактически. Я далеко не за редактуру тоже, для меня это вопрос проблемный. Проблемный ещё и потому, что мне непонятен именно ценностный статус текста. Ценностный статус текста, то есть, что мы в нём видим? Что мы в нём видим? Вот отзыв Михаила Анатольевича Перепёлкина, там есть интересный пассаж о том, кто главный герой этого текста. Главный герой — сам Назиров, то есть человек, который из советской действительности прорывается к евангельскому слову. Причём Перепёлкин там прочитал роман довольно внимательно, цитирует его («коготь льва на колене» и прочее). И вот в этом, собственно, в эстетическом движении автора, в самом писании романа он видит главную его ценность, понятно, что эта ценность тогда чисто историческая. Насколько Перепёлкин в этом прав, я опять же не знаю.

М. С. Рыбина: Но тут будет всегда вопрос интерпретации. Дальше текст попадает в некую среду восприятия, то есть становится объектом дискуссий, критики, здесь уже мнений будет много.

С. С. Шаулов: Ну вот хотелось бы их собрать, конечно.

М. С. Рыбина: Ну пока неизвестно, как это будет. Я могу сказать только о своём впечатлении, постараюсь, чтобы оно было читательским, хотя мне очень сложно абстрагироваться от личности Ромэна Гафановича, от интонации, от воспоминания о том, когда ты это услышал ... Поэтому я не думаю, что моё восприятие в этом смысле абсолютно объективно. Даже, скорее, скажу, что оно будет очень субъективным. У меня было ощущение очень двойственное: с одной стороны, — я говорила уже об этом Сергею и снова повторю — этот незаконченный роман мне нравится больше всего, что я прочитала из художественных произведений Ромэна Гафановича ...

С. С. Шаулов: Извини, ненадолго тебя перебею, просто для справки. Что мы до этого, собственно говоря, имели из художественной прозы: мы имели ранние рассказы, довольно неплохие, некоторые, по крайней мере, из них, но, конечно, масштаб явно не тот. То есть в «Звезде и совести» мы уже столкнулись, всё-таки с явлением принципиально другого масштаба. Насколько он, этот масштаб, соответствует тому, что ещё не открыто в архиве, я не знаю. Но пока это первый такой текст. Всё (*М. С. Рыбиной*).

М. С. Рыбина: Просто был ещё роман о Пушкине. Я его не читала целиком, но фрагменты смотрела, поэтому ...⁷ Другое дело, что мне всё равно это нравится меньше, чем литературоведческие работы Ромэна Гафановича. Это опять-таки никак не говорит об объекте, это говорит о субъекте восприятия ... мне этот роман, мне этот текст, кажется очень интересным с нескольких точек зрения: и как исторический документ, о чем мы уже говорили, и как документ, который был бы очень интересен в сопоставлении со спецкурсом

⁷Назирова Р. Г. Главы из романа о Пушкине // Назировский архив. 2014. № 4. С. 8 - 61.

о религиях, и как своего рода экспериментальная площадка ... Потому что у меня есть ощущение, что Ромэн Гафанович как бы экспериментировал с тем, что он обнаруживал, допустим, у Достоевского, обнаруживал в своих литературоведческих исследованиях. То есть это был некий прием, чтобы посмотреть, как это работает на практике. Я думаю, можно найти параллели между его исследовательскими работами и художественной прозой, где, возможно, создаётся такая экспериментальная ситуация ...

С. С. Шаулов: ... то есть именно отработка приёма, даже не темы, а именно приёма?

М. С. Рыбина: Мне кажется, приёма. Или, я бы сказала, и темы, и приёма, потому что вот эти вещи — разные ракурсы, стилистическая эклектика, да и то, что было отмечено по поводу образов, что они представляются разными ...

С. С. Шаулов: Угу, это у Власкина.

М. С. Рыбина: ... да. Изображёнными на разных принципах ... Мне кажется, что это мог быть своего рода эксперимент, некое наблюдение, которое захотелось проверить. Вот, сочетание, допустим, реалистической детали со схематизмом, символизмом образов ... или, допустим, намеренное прерывание сюжета, когда очевидно, что читатель знает продолжение, знает, чем история заканчивается, и поэтому мы здесь можем поставить паузу: пусть додумает читатель. И этот сплав историографической прозы, комментария, потому что комментарии мне здесь действительно кажутся гораздо более заметными, чем они заметны у Умберто Эко, но при этом они таким интересным образом предвосхищают ту форму литературных текстов, которая активно развивается сейчас, когда комментарий существует в художественном тексте наравне с самим текстом. К примеру, Паскаль Киньяр — современный писатель, который очень любит такой синтез эссе с повествованием ...

С. С. Шаулов: Этого я не знаю. Тут я недостаточно начитан. Но интересно. Опять извини, что прервал ...

М. С. Рыбина: Мне почему французы-то вспоминаются? Потому что это жанр беллетризованной биографии, который был очень популярен во Франции и опять-таки продолжал традицию Ренана ... Биографии исторических личностей, литературных персон, которые подпадают под определения «не-совсем-романов», потому что у того же Андре Моруа очень большое место занимает вот такое комментирование. Но у него это действительно в духе школы Сент-Бёва и её традиции, а у Ромэна Гафановича явно появляется и другой ракурс ... Но всё равно этот источник узнаваем, и поэтому любопытно посмотреть: а не было ли это продолжением традиции? Я понимаю, что не сформулировала ещё ... но попытаюсь

С. С. Шаулов: Нет, очень интересно. В связи с этим вопрос ... Ну хорошо, предвосхитим дальнейшую логику: это роман модернистский или постмодернистский?

М. С. Рыбина: Постпостмодернистский (*смеётся*).

С. С. Шаулов: Постпостмодернистский (*смеется*). Артём что-то хотел ...

А. Р. Зарипов: Можно замечание всё-таки по поводу рецензии Власкина, того места, в котором он говорит о стилистических неряшливостях и приводит даже примеры из текста романа? Я их нашёл в самом тексте, в самой «Звезде и совести», и это во всех случаях фраг-

менты, характеризующие реплики Иоанна Предтечи. И они, скорее, говорят об авторском отношении к этому герою и ко всей его деятельности. . . их можно понять так, что Назиров с некоторой иронией оценивает эти вещи. Поэтому, по-моему, тезисы, высказанные автором рецензии, по крайней мере, ввиду тех примеров, которые приведены, как-то повисают в воздухе. И также его претензия к формулировке, к авторскому определению жанра — «фантастический роман» . . . Мне кажется, тут не нужно видеть прямого воплощения фантастического, а, скорее, традицию Достоевского . . .

М. С. Рыбина: Мне тоже показалось, что это «Кроткая».

А. Р. Зарипов: Абсолютно. «Фантастический рассказ» , да.

М. С. Рыбина: В том смысле, в каком пояснял . . .

С. С. Шаулов: Секундочку! Но в «Кроткой» есть вполне конкретное авторское объяснение, в чём фантастичность. Фантастичность в фигуре некоего наблюдателя, который записывает внутренний монолог героя.

М. С. Рыбина: Безусловно.

С. С. Шаулов: В романе Назирова такое объяснение фантастичности, на самом деле, в воздухе повисает. Кстати, Власкин здесь, мне кажется, некую проблему-то нам указал, которую неплохо бы осмыслить . . .

А. Р. Зарипов: А как же Пролог, где как раз-таки говорится, что он берёт на себя скромную роль по-своему интерпретировать историю? Может быть, с этим связано? Как-то даже соотносится с тем, как характеризует Иван Карамазов свою легенду перед тем, как представить её Алёше.

С. С. Шаулов: Ну, может быть.

М. С. Рыбина: Мне просто кажется, что здесь определение «фантастический роман» явно содержит аллюзию к Достоевскому, а дальше уже можно действительно задаваться вопросом, в чём состоит фантастичность. В данном конкретном случае при этом указаны прецеденты, которые . . .

С. С. Шаулов: Связь, конечно, есть, прецедентный текст имеется.

М. С. Рыбина: Прецедентный текст есть, причём, не один. Тут уже и текст, который опять-таки за «Кроткой». Это — Виктор Гюго, «Последний день приговоренного . . . »

С. С. Шаулов: Ну, я это понял, да. Если говорить об индивидуальных интерпретациях, то у меня, конечно, не то, чтобы интерпретация, но у меня есть понимание или ощущение . . . Когда мы говорим о ценности, сразу возникает вопрос . . . Ценно то, что уникально. В чём уникальность этого текста? У меня есть своя позиция по этому вопросу, просто я её не озвучивал, потому что считаю её вкусовой. Ну вот сейчас, видимо, момент настал: уникальность в том, что это совершенно особая, особняком стоящая на фоне многочисленных исторических реконструкций биографии Христа попытка её реконструировать исключительно рационалистическими средствами, но в рамках концепции исключительности конкретно этой человеческой жизни. Попытка сделать так, что Христос остаётся Христом, но при этом будет показан именно как земной Йешуа. Это соотносится и с попытками редактирова-

ния Евангелий Львом Толстым, например, с целым рядом других попыток, но, скажем, Булгаков со своими евангельскими главами в «Мастере и Маргарите», которые никакие не евангельские на самом деле, немножко по другому разряду проходит. Потому что у него, во-первых, есть всё-таки момент условности этих глав (то есть мы не знаем, так ли это было на самом деле; они не верифицируются никаким знанием, объективным в рамках романа). Во-вторых, есть момент нарочитого разведения этих глав с сюжетом Евангелия. А здесь — наоборот. Назиров в общем основные, узловые моменты евангельского сюжета сохраняет, насколько мы можем судить. Но при этом жизнь показывает именно жизнью материальной, отсюда это троекратно звучащее в романе молчание в ответ на вопрос «Ты ли Он?»

М. С. Рыбина: Но и вообще, так сказать, эта сцена мне как-то напомнила то, что Ромэн Гафанович говорил о мистическом сюжете у Достоевского. То есть это — то, что может изобразить писатель, оставаясь...

С. С. Шаулов: ... в рамках реализма...

М. С. Рыбина: ... да, в рамках реализма, но при этом он делает значимый пропуск, значимую паузу, семантически наполненную.

С. С. Шаулов: Мне-то роман кажется уникальным в чём? Может быть, это — одна из самых ответственных попыток... Из тех, что я знаю, конечно. Я всё-таки специалист не по двадцатому веку, и тут я себе лазейку для бегства оставляю — если что, я не знал. Из того, что я знаю, может быть, это — самая ответственная попытка именно рационалистическим взглядом охватить исключительность евангельского события. Может быть, неоконченность романа связана с тем, что задача невыполнима. С позиции последовательного христианского сознания она невыполнима. Но это уже другой вопрос, это мы далеко слишком уйдём.

М. С. Рыбина: Вот вопрос: «реалистический» — это имеется в виду «позитивистский»?

С. С. Шаулов: Ну, я имею в виду, «рационалистический», остающийся, так сказать, «в лоне материализма». Потому что при всём том, что его интересовала религия, мистика и тому подобное, он всё-таки материалист, без сомнения, до самого конца жизни. Как говорит Валентина Васильевна, «... не мистик, не декадент, не романтик».

М. С. Рыбина: Хотя в романе, тем не менее, есть моменты, которые попадают под стилистику декаданса.

С. С. Шаулов: Ну, есть там эта сцена Иуды и Иродиады...

М. С. Рыбина: Да, вот это вот явно...

С. С. Шаулов: Это, мне кажется, литературная игра. Он же прекрасно понимал, куда это отошлёт читателя...

М. С. Рыбина: Мне тоже кажется, что это литературная игра, но при этом она используется...

С. С. Шаулов: Ну, используется, да.

М. С. Рыбина: Вот эта проекция . . . мне кажется, вообще, что в романе есть несколько сцен, которые всё равно оставляют возможность вот этой двойной интерпретации. Она тоже, так сказать, в духе концепции мистического сюжета.

С. С. Шаулов: Ну да, сон о крокодиле и казнь Иоанна . . .

М. С. Рыбина: Замечательно совершенно, но я всё-таки хотела спросить: есть какие-то прецедентные тексты? Я просто невежественный человек, с крокодилами есть что-то связанное?

И. В. Савельев: Я искал — ничего не обнаружил, никакой вообще связи . . .

С. С. Шаулов: Я тоже искал, не нашёл. (*И. В. Савельеву*) Понимаешь, они могут обнаружиться не там, где мы ищем. Мы ищем, скажем, в апокрифах, а это может быть какой-нибудь третьеразрядный французский писатель конца девятнадцатого века.

М. С. Рыбина: То есть всё-таки во Францию? (*смеется*)

С. С. Шаулов: Декаданс, конечно, сразу . . . Третьеразрядный какой-нибудь французский писатель конца девятнадцатого века с фельетоном, где, значит, фантастически обыгрывается . . . даже не с какой-нибудь повестью исторической или романом . . . Ну то есть интертекстуальный пласт тут может быть . . .

М. С. Рыбина: Тем интереснее, потому что декадентской литературы, понятно, много. Просто здесь было ощущение, что есть некий прецедентный текст.

С. С. Шаулов: Ну вот, кстати, о прецедентных текстах: я не библеист, разумеется, и не историк эпохи. Вот . . . моё знание обусловлено чем? Тем, что я читаю тот же самый курс за Назировым, стараясь опираться на его методичку, на его же лекции, естественно, что-то дополняю и читаю сейчас какие-то современные, может быть, не специальные, но учебные книги по этому вопросу. Я могу сказать, что в принципе, с моей точки зрения такого, может быть продвинутого дилетанта в этой области, роман Назирова действительно не противоречит современным историческим представлениям об этом периоде. То есть там именно установка на максимальную достоверность. Может быть, какие-то специалисты библеисты мне тут же скажут, что я дурак и что «здесь неправильно, здесь неправильно и здесь неправильно». Но вот на уровне, по крайней мере, читателя с квалификацией немного повыше средней, все это кажется чрезвычайно правдоподобным. В принципе, и суждение Валентины Васильевны о том, что библеисты тут не найдут объекта для критики, оно тоже всё-таки не дилетантское, потому что у неё докторская — этноконфессиональный синтез⁸ и, по крайней мере, библейских и коранических сюжетов и культурных традиции она касалась в этой докторской. Поэтому я и не знаю, как тут с прецедентными текстами . . .

Я ведь неслучайно спросил про апокрифы, потому что тексты Нового времени, воспроизводящие до некоторой степени функции и структуру древних апокрифов — это одно. А апокрифы евангельские, которые тут тоже есть и тоже используются, — это очень часто просто иной полюс культуры. Прецедентный текст тут, может быть, искать придётся в очень

⁸См.: Борисова В. В. Национальное и религиозное в творчестве Ф. М. Достоевского (проблема этноконфессионального синтеза). — Уфа, 1997.

широком диапазоне, очень . . . Конечно, там есть ещё подготовительные материалы, может быть, какие-то указания будут там, но я в них толком ещё не заглядывал. (*А. Р. Зарипов*) Ты заглядывал, Артём, кстати? Папка-то у тебя сейчас.

А. Р. Зарипов: Да.

С. С. Шаулов: Там что-то может быть указано.

А. Р. Зарипов: Ну да. Нет, вообще хотелось бы сделать оговорку, что действительно роман незавершён: согласно авторскому плану должно было быть три части — перед нами незавершённая первая часть романа. Материалы . . . скорее, замечания эстетического плана имеются. Сергей Сергеевич, уже мне как раз на это указывал, что Назиров пишет о «кафкизации» и «джойсизации» метода.

С. С. Шаулов. Подожди. Я указывал?

А. Р. Зарипов: Вы это место мне специально указывали, чтобы я посмотрел.

С. С. Шаулов: Может быть.

А. Р. Зарипов: Мне сейчас хотелось бы сказать о своём эстетическом впечатлении от романа, которое появилось, когда я его уже полностью набрал и прочёл. Потому что первое прочтение было неполноценным, я читал только отдельные главы, над которыми работал. Когда же я прочитал цельный текст, у меня было очень сильное ощущение, что роман — ну если можно так выразиться — научная деконструкция христианства. Комментарии, которые приводит писатель, разрушают какое-то ощущение тайны, вообще атмосферу Евангелия, поясняют понятия «Христос», «Мессия», как они возникли, как появились, то есть какому-то наивному сознанию, ну, в данном случае христианскому, верующему, не за что зацепиться. Всё как-то уничтожается, низводится до фактов, до исторической реконструкции. В итоге не за что зацепиться, и чувство какое-то очень тяжёлое, щемящее, сложное очень . . .

Роман именно поэтому прочитывается как художественное произведение, потому что на него есть реакция, но эта реакция — отторжение. Вот . . . если уже погружаться в сам текст романа, кажется, что это во многом история возникновения христианства, но с приведением очень большого количества мифологем, с пристальным интересом к исторической жизни, к социальной, причём, наверное, можно найти истоки подобных интересов в научной деятельности Назирова. Я с ним знаком только через его тексты, поэтому никакого его образа как эмпирического автора у меня совершенно . . .

С. С. Шаулов: Может быть, у тебя как раз самое чистое восприятие и есть.

М. С. Рыбина: Да.

А. Р. Зарипов: . . . не было. Формирование представлений об авторе и авторской мысли, конечно, происходило на фоне того, что очень сложно обнаружить какие-то христианские штампы в романе. Например, ничего нет о Сатане, вообще о спасении, какой-то, по моему, выпал большой очень пласт таких вот типичных для христианства, в том виде, в каком оно сложилось в первые века после Христа, в деятельности отцов церкви и т. д. Просто-напросто эти вещи вынесены за скобки романа, то есть роман является действительно фило-

софским, но в какой мере он является религиозным, для меня остаётся вопросом, который не знаю, как решить.

Л. А. Каракуц-Боролина: А надо?

М. С. Рыбина: Про крокодила хотела сказать реплику.

С. С. Шаулов: Что крокодил? Крокодил там плотоядный ...

М. С. Рыбина: Вторжение зла в мир.

С. С. Шаулов: Вторжение зла в мир ...

Л. А. Каракуц-Боролина: «Своей любви родила крокодила ...»

М. С. Рыбина: Просто после этого эпизода — я сейчас вновь не просматривала текст, но я помню, — там был момент перехода, ощущение, что после этого, после он заговорит.

С. С. Шаулов: После этого он и заговорит. То есть крокодил там — это какой-то очень сложный символ ...

М. С. Рыбина: А где он простой? (*смеется*)

С. С. Шаулов: Кстати, вот тут Любовь Анатольевна припомнила ... остальные не услышали, по-моему, соловьёвское «Своей любви родила крокодила ты здесь сама ...» (*Пауза*) Ну что, у меня ...?

Л. А. Каракуц-Боролина: Можно ещё одну мысль не в тему, как всегда. Просто как-то хотелось бы на этом тоже остановиться: как по-постмодернистски мы каждую книгу, которую обсуждаем вместе, обсуждаем сквозь призму той книги, которую каждый из нас читает сейчас. Я затрагиваю эту мысль в связи с тем, что меня попросили оппонировать одну диссертацию лингвистического свойства, но по романам, посвящённую языковой личности писателя Владимира Емельяновича Максимова, писателя диссидента, основателя, издателя «Нового континента».

С. С. Шаулов: А, всё понял.

Л. А. Каракуц-Боролина: К своему ... совершенно как-то мимо меня он прошёл как писатель, но я с удовольствием познакомилась с одним из его ключевых романов. Вот и что, ну и тоже я, к сожалению, не специалист, но тоже интересно было бы этим вопросом позаниматься, я так понимаю, что ведь вот текст Назирова относится предположительно к семидесятым, да? Там рубеж ...

С. С. Шаулов: Нет, там на некоторых тетрадках — он некоторые тексты помещал в тетрадках — стоит дата «1975»⁹. То есть в общем датировка законченных глав, видимо, не ранее 75-го года. Да? (*А. Р. Зарипову*)

А. Р. Зарипов: Угу.

Л. А. Каракуц-Боролина: Вот в этой связи (этот самый «Ковчег для незваных» — это 1976 год) возникает мысль, что этот период, конец 60-х — 80-ые — это момент какого-то специфического состояния общественного сознания или сознания интеллигенции именно по вопросам религии, как я понимаю. Там (я сейчас очень поверхностно это знаю, боюсь

⁹Точнее, на некоторых тетрадках указан год их выпуска из типографии.

поэтому попасть впросак) было письмо ряда представителей церкви, в том числе Якунина¹⁰, которых очень резко от всего отлучили вследствие этого письма, — письмо патриарху. Это пост-оттепельное ощущение, когда оттепельный энтузиазм, тон, который был во всех сферах, в том числе и в сфере религии, сменился апатией и пониманием того, что в общем-то ничего такого особенного не предвидится... Но в то же время интеллигенция, в том числе имеющая отношение к религии, как-то попыталась что-то делать. Я просто думаю, что это особенное совершенно время в том смысле, что каждая какая-то сфера, часть общества искала подходы к этому вопросу в меру своих интересов, своих способностей, тех методов, которыми владели...

Я возвращусь к Максиму: он именно писатель, его проза — явно публицистического толка, но в то же время он сам человек глубоко религиозный. Он ищет, так сказать, ответов на вопросы с этой точки зрения. Назиров ищет со своей точки зрения, именно как учёный, литературовед, несомненно, личность которого мы усматривали везде: в его газетных материалах, в ранней прозе и в такой прозе более крупного масштаба. Я просто ещё думаю, что, наверное, интересно было бы искать там в этом времени, ведь дневники ещё тоже не все открыты, да?

С. С. Шаулов: Ну, они все отсканированы. В принципе, их можно, так сказать, читать по запросу.

Л. А. Каракуц-Бородина: Интересно было бы их прочитать именно с точки зрения того, как вообще... вопрос именно не в плане такого научного что ли, научно-культурного интереса, а в смысле именно состояния общественной мысли, насколько он участвовал в каких-то дискуссиях, пытался ли с кем-то спорить... Извините, что длинно...

С. С. Шаулов: Это есть в дневниках, но надо их брать и читать. В принципе, ничего тут нет невозможного как раз. Как раз на декрет задача.

Л. А. Каракуц-Бородина: На ещё один?

С. С. Шаулов: Да. (*смеётся*)

Л. А. Каракуц-Бородина: Спасибо. Брожение там какое-то по вопросу религии было, и вполне возможно, что сделанное Назировым — отголосок этого или, по крайней мере, имеет с этим брожением какую-то связь.

С. С. Шаулов: Видимо, имеет. Хотя мне сложно говорить о 70-х в таком широком контексте: я их не настолько хорошо знаю. Мои знания о литературе 70-х — 80-х, конечно, фрагментарны. Что там, с моей точки зрения, было? Там был «Альтист Данилов» Орлова, была «Хромая судьба» Стругацких и их же «Град обречённый», такие довольно сложные тексты с мифологическим подтекстом. Эээ... Что ещё было... Здесь я иссякаю, но что-то там ещё у меня в голове вертится. Если такие литературные контексты, контексты мировоззренческих поисков искать, то, конечно, нам нужен специалист по этому периоду.

¹⁰Имеется в виду открытое письмо Г. Якунина и Н. Эшлимана Патриарху Алексию I от 13 декабря 1965. См. письмо и описание связанной с ним ситуации в: Данилушкин М. и др. История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. Том 1. 1917–1970. СПб.: Воскресение, 1997. С. 944–982.

Л. А. Каракуц-Бородина: Ну, я-то вот именно не о мировоззренческих, а именно конкретно религиозных, о том, что вообще делалось, что творилось именно с религией в стране в этот момент.

С. С. Шаулов: Интересный вопрос, безусловно.

Л. А. Каракуц-Бородина: Потому что есть такое ощущение и явно есть какие-то события, которые об этом говорят: в общий этот официально атеистический период был момент, который ознаменовался какими-то попытками что-то менять.

С. С. Шаулов: В научном смысле там, конечно, что-то было, какие-то попытки что-то менять, потому что, с одной стороны, если говорить о литературоведении, о гуманитарном знании, там появляется Бахтин со своим весьма своеобразным отношением к реальности, с проблемным своим материализмом, отсюда масса вопросов к бахтинистике по этому поводу, которые провоцируются регулярно какими-то вбросами типа публикации бесед с Дубакиным. Вот. Во-вторых, в семидесятые годы, появляется Аверинцев, так сказать, на широкой публике и не только он один, по-моему, и Библер же примерно тогда начинает. Кто ещё ... Панченко — смеховая культура Древней Руси и вся эта тема юродивости и прочего. Ну вот Рыбаков со своими штудиями. Интерес к этому возникает в то время. .. Насколько Назиров, так сказать, в струе этого интереса, я не знаю, это тоже надо сугубо изучать как-то. Вот. Какие у кого соображения ещё?

А. Р. Зарипов: Хотелось бы ещё привести два довода в пользу внутренней завершённости романа: первый и самый очевидный, который на поверхности, который, думаю, заметили все, — для романа очень значим топос дороги. То есть и первая глава называется «Трое на дороге» , и вообще все герои находятся в пути. А последняя строчка романа: «Перед сроком он взойшёл с ними на гору» , то есть как будто бы один топос, топос дороги и соответствующие ему сюжеты заканчиваются, а дальше перед нами уже гора, и следующая сцена должна быть сцена Нагорной проповеди.

С. С. Шаулов: У него немножко всё-таки переставлены сцены, так что тут, может быть, он её ... Но должна быть, да, наверное.

А. Р. Зарипов: В связи с этим тоже возникает ощущение, что если до этого все беседы Йешуа, которые приводятся в тексте, в Евангелии либо только упомянуты, как разговор с Предтечей, либо вообще неизвестны, как разговор со звездочётом. Дальше, если шла бы уже проповедь Йешуа, то Назирову фактически пришлось бы стать комментатором евангельского текста, и он, наверное, не хотел, брать на себя подобную ответственность. И именно здесь было бы, наверное, логичным поставить точку.

С. С. Шаулов: Я думаю, что тут дело не в ответственности во всяком случае потому, что она бы его не остановила: он в общем не испытывал священного трепета перед священным текстом.

М. С. Рыбина: Писать роман о Христе значит уже изначально становиться комментатором евангельского текста.

С. С. Шаулов: Но вот интересное соображение, на которое Артём наводит . . . Я понял сейчас, что Назиров, в общем сохраняя все евангельские события, тем не менее, описывает их с ракурсов, которые Евангелиями не дублируются. То есть принципиально с тех позиций, которых просто в Евангелии нет, не создаётся отношений дуближа между священным текстом и текстом романа. Это интересный момент, чисто такой структурный, я бы сказал.

М. С. Рыбина: В какой степени автор свободен, создавая художественное пространство? То есть что он должен учесть . . .

С. С. Шаулов: . . . художественное пространство, причём в заданных координатах.

М. С. Рыбина: . . . в заданных координатах, да.

С. С. Шаулов: В принципе, если говорить о локусах пространства в прямом смысле слова, там, значит, есть дом этого звездочёта — то, чего нет принципиально в Евангелиях ; там есть Дом Рыбы, этот самый храм — тоже абсолютно незнакомый евангельскому мифу. То есть Назиров как бы в этом мифе открывает моменты, не моменты даже, а точки расширения пространства . . .

И. В. Савельев: Заменяет даже что-то, вот Дом Рыбы, пещера с Рыбой, там, есть элементы . . . короче говоря, большой пласт появляется авторского вымысла, в том, что касается, по крайней мере, античной культуры, и того, что Христос знает . . .

С. С. Шаулов: Ну, в принципе опять же с исторической точки зрения, Иисус вполне мог быть знакомым с античной культурой до некоторой степени. То есть вряд ли он, скажем, стал бы читать Гомера, но то, что ему легко могли на пути попадаться люди, читавшие Гомера и способные его пересказать, — это бесспорно. Потому что это первый век, там уже полно греков, римлян, прочих всяких гоев, заполонивших наш Израиль, понимаешь.

М. С. Рыбина: «Понаехали!»?

С. С. Шаулов: И, кстати, ощущение «понаехали!» там было как раз в духе эпохи совершенно. Что-то он мог знать и, вполне возможно, мог даже как-то и . . . кстати, может тоже у кого-то шевельнётся, не знаю, мне кажется, вот этот разговор о судьбе со звездочётом имеет какой-то претекст апокрифический, причём древний. Вот. Я никак не могу вспомнить, немного просматривал у себя дома книжки . . .

И. В. Савельев: А я не уверен, потому что там обсуждаются вопросы гуманизма и так далее в таком контексте и ракурсе, который был бы невозможен даже в Средние века.

С. С. Шаулов: Нет, понятно, что речь не о перекличке философской проблематики. У меня ощущение, что я где-то читал текст той эпохи, условно говоря, про дискуссию Христа со звездочётом именно. Она, может быть, другого содержания была, но сюжет вот этот, мотив сюжетный, он где-то, по-моему, был . . .

М. С. Рыбина: А может, в фольклоре где-нибудь есть?

С. С. Шаулов: Чёрт его знает, не знаю.

М. С. Рыбина: Искать надо. (*смеётся*).

С. С. Шаулов: Искать надо, да. Когда мне этим заниматься?

Л. А. Каракуц-Бородин: Кому-то надо в декрет, как было сказано выше.

С. С. Шаулов: Я с удовольствием ушёл бы в декрет, тем более, что нынешнее законодательство это допускает.

Л. А. Каракуц-Бородина: И наше допускает?

С. С. Шаулов: Да, да, сейчас даже бабушки и дедушки могут. Ну ладно, мы уже переходим к вопросам декрета, я думаю, что запись можно на этом закончить. По-моему, очень неплохо поговорили.

Л. А. Каракуц-Бородина: Я записала много новых слов ...

(все уходят пить чай).

С. С. Шаулов: ... вообще складывается впечатление некой загадки ... То есть загадка была с самого начала, когда мы вошли, увидели: ба! сколько тут, оказывается, всего, а чего вот это всё так лежит? Теперь загадка эта усугубляется тем, что среди этого попадаются действительно высокочеловеческие вещи, ну хотя бы «Становление мифов...». Вот, если мне сложно оценить, скажем, «Звезду и совесть», то «Становление мифов...», на мой взгляд, — монография, которая должна стоять в одном ряду с работами, Фрейденберг, Лосева, Мелетинского — такого порядка вещь. Почему это не только не публиковалось, почему об этом даже не говорилось ничего? Ну вот этот эпизод с попыткой меня склонить к Гоголю¹¹: «У нас на кафедре нет ни одного гоголеведа!» У самого лежит десяток статей по Гоголю. Маше не дал, значит, лекцию по Корану, когда было надо. Такая вот странная закрытость даже от учеников ... Потому что я наталкивался на такую реакцию, скажем, своей мамы¹², а она всё-таки одна из ближайших учениц, когда я говорил: «Вот роман». — «Какой роман? У него роман?! Ничего себе! Как это я ничего не знала!?» Хотя между прочим ключевое понятие ее докторской — этот самый этноконфессиональный синтез — вообще-то им подсказано. Он, как я понимаю, помогал формулировать, разрабатывать поначалу, и в общем-то поговорить на эти темы, опираясь на свои наработки, в общем было бы логично. Тем более, что учеников он в общем допускал к себе достаточно близко, каждый, кто у него учился, был его дипломником, был у него дома несколько раз (и это между прочим очень нетипично на фоне современных отношений преподавателей и студентов). Иногда это могли быть многочасовые сидения, разговоры, с перерывами на покушать, покурить, потом править текст при тебе твой же, обсуждая ... Могли чуть ли не сутки пройти. У меня рекорд сидения у него — часов пять, наверное: я часов в пять вечером пришел, а потом в одиннадцатом часу ушел. А я знаю, что люди действительно иногда практически днями у него сидели. И при такой фактической близости с учениками, при допуске в квартиру, в семью (опять же все что-нибудь ели у Тамары Николаевны на кухне) полная закрытость интеллектуальной и духовной жизни. Мне тут чудится какая-то загадка.

М. С. Рыбина: Ну, всё-таки не совсем, мне кажется, полная закрытость интеллектуальной и духовной жизни. Это тоже, наверное, не совсем верно ...

С. С. Шаулов: Ну, может быть, я утрирую.

¹¹Это продолжение беседы за чаем. Речь идет о попытках Р. Г. Назирова дать С. С. Шаулову тему дипломной работы, связанную с Н. В. Гоголем.

¹²В. В. Борисовой.

М. С. Рыбина: ... потому что точно также доставались папки ... иногда. У Ирины Валерьевны Розиной есть воспоминание. Она как раз мне рассказывала о том, что у Ромэна Гафановича была целая папка по стихотворениям в прозе — я ее не видела. А она видела.

С. С. Шаулов: А что-то я её не помню в описи ...

М. С. Рыбина: Это папки, в которых учебник по литературоведению. Вот они там. Сейчас у меня опять получилась неудачная иллюстрация, то есть я хотела сказать о том, что и разговоры эти были ...

Ну быть дома и быть близким Ромэну Гафановичу — это, мне кажется, совсем не одно и то же. Действительно у него было радушие, желание кормить людей, какое-то действительно теплое отношение. Оно не свидетельствовало о близости нисколько. Я бы так сказала. У него действительно было ощущение, что ученики должны быть у него дома, то есть «мне так удобно с ними работать». При этом какие-то разговоры вполне серьезные с Ромэном Гафановичем были, кажется, у всех, кто с ним работал, но это единичные моменты. Он подсказывал, он давал направление, он всегда был снисходителен и давал возможность идти в своём направлении, даже если посмеивался и считал, что ты заблуждаешься в этот момент. Но какой-то настоящий разговор о том, что бы его интересовало — очень редкий случай. И в этом смысле, мне кажется, Сергей Сергеич прав, говоря о закрытости. Но это была закрытость по отношению почти ко всем.

С. С. Шаулов: Ну меня интересовало-то прежде всего ощущение загадки: оно есть только у меня? Загадки не какой-то исторической, а именно загадки психологической. В принципе, в 90-е годы ему никто не мешал публиковаться. Более того, на самом деле, столичные журналы его бы брали. И «Русская литература» могла бы его публиковать, и «ВопЛи», «Вестник МГУ» и т. д.

М. С. Рыбина: Я допускаю, что это, во-первых ... Может быть, Ромэн Гафанович считал, что он публикует то, что он хочет публиковать. То есть момент «собственного цензора». Ты его полностью отрицаешь, да? Вот такой внутренний цензор.

С. С. Шаулов: Я его полностью отрицаю, потому что ...

М. С. Рыбина: Это твое, конечно, право.

С. С. Шаулов: ... тогда подразумевалось бы, что есть тексты, которые он ранжирует по ценностному критерию ... Либо надо предположить какой-то запредельный уровень этого «внутреннего цензора».

М. С. Рыбина: А почему нет? Из «Становления мифов ...» он сделал сам выжимку. Именно выжимку, отбросив очень много. И он её опубликовал. Понимаешь, вот ему было интересно уже эту выжимку опубликовать, а не целиком весь комплекс ...

С. С. Шаулов: Ну, я тебя понял.

М. С. Рыбина: ... который нуждается тоже в доработке, в переработке. Он, значит, начнет править, будет отбрасывать. Ты не допускаешь, что у него элементарно уже сил на это было?

С. С. Шаулов: Не знаю.

М. С. Рыбина: Ну, в смысле, помимо всего прочего: сил, желания, интереса ...

С. С. Шаулов: Не знаю.

М. С. Рыбина: Я и говорила об этом: мы сейчас начнем очередную реконструкцию, и твоя имеет столько же права на существование, сколько и моя. Будет ещё с десятков, пятьдесят, сто человек, которые могут сделать тоже самое. У каждого будет свой Назиров. Что, в принципе, и происходит.

Л. А. Каракуц-Бородина: Извините, что встречаю. Вполне вероятно насчет цензора, мне кажется вполне вероятным. Я только что услышала от одной своей коллеги, которая до сих пор ходит в кандидатах наук, хотя там и докторантура была. Вроде бы как всё — и возраст, и уровень работы — говорит о том, что надо бы уже. . . Она сказала так: «Знаешь, стыдно защищать всякую фигню». А судя по тому, что защищается, на каких защитах иногда приходится бывать. . . В общем-то, что мне вам рассказывать? Вы тоже этот уровень видите сами.

Я сейчас сижу и вспоминаю, как (какой там у нас был, четвертый или пятый курс?), мы увидели это поздравительное объявление Ромэну Гафановичу в связи с защитой докторской. Почему-то я решила, что я могу его поздравить лично с этим всем. И он так сказал: «Ой, да эта такая чушь, эта такая ерунда!» Вот что-то такое прозвучало, это запомнилось. Такая искренняя досада у него была, досада, что вообще об этом говорят.

С. С. Шаулов: Ну, у этой защиты своеобразная история, я её знаю со вторых рук, поэтому не буду рассказывать. Может быть, непосредственные участники истории когда-нибудь сподобятся что-то по этому поводу сказать. Одна из центральных — это, кстати, Рима Ханифовна < Якубова >; ещё одна — Валентина Васильевна < Борисова >. Главный организатор и инициатор этой защиты вовсе не Ромэн Гафанович, а Гурий Константинович Щенников ... Ну, ладно, это отдельный вопрос.

М. С. Рыбина: Это уже не к нам.

А. Р. Зарипов: Можно кое-что, одно замечание? Для меня, например, даже научный стиль Назирова был очень непривычен, когда я в первый раз увидел верстку «Становления мифов ...» Мне казалось, что это какое-то вопиющее несоответствие привычным нормам научного стиля. Я слышал, Сергей Сергеевич давал определение Назирову, — точнее не он, а кто-то другой, — как «сардоническому» учёному. Для меня это было очень странным, раздражение какое-то на внешний мир, мне кажется, оно очень легко прочитывается. Есть оно и в романе, потому что комментатор, этот голос учёного в романе — это далеко не беспристрастный человек.

М. С. Рыбина: Ромэн Гафанович был как раз человеком довольно-таки страстным, он считал, например, что стиль исследователя должен «соответствовать» стилю анализируемого автора, стремиться к этому, по крайней мере ...

С. С. Шаулов: Но тут образ комментатора в романе имеется в виду.

А. Р. Зарипов: Да. Вам, как людям, знакомым с его личностью, это всё-таки, наверное, было как-то легче воспринять и было в порядке вещей. Для меня это было абсолютной

новостью и, мне кажется, что в какой-то период, опять же кажется, что он закрылся и жил действительно как-то своей внутренней жизнью. То есть все те работы, которые писались, писались для того, чтобы что-то узнать, что-то доказать, что-то исследовать, и когда он уже это делал для себя, не доводя уже до печати, он, возможно, просто считал задачу выполненной. . . А уже дальше, что будет, какова будет судьба текста . . . Он, может быть, даже не прилагал усилий или не хотел, или был как-то уже раздосадован на все происходящее вокруг него.

Л. А. Каракуц-Бородина: Не на внешний мир раздражение, может быть, а на условности его, на дураков. И тамещё была — это тоже мое личное ощущение — большая самоирония, наверное.

С. С. Шаулов: Ну, ты знаешь, вот самоиронии-то как раз, мне кажется, не хватало ему в жизни. Уж извините за непочтительность к учителю. Она могла быть иногда, так сказать, демонстративно высказана, эта самая самоирония, но внутри её, конечно, не было. Он к себе как раз очень серьёзно относился, мне кажется.

А. Р. Зарипов: У меня такое же ощущение.

С. С. Шаулов: Но это в данном случае . . .

М. С. Рыбина: . . . именно в силу серьезного отношения он не мог себе очень многие вещи позволить. Причём, я помню, вот приходил журнал, Ромэн Гафанович его тут же раскрывал и начинал возмущаться: «Зачем они меня правят» Мне кажется, что из печати выходили только те тексты, в которых он готов был . . .

С. С. Шаулов: . . . из его рук в печать?

М. С. Рыбина: Да, естественно, из его рук в печать выходили тексты, где он был готов ответить за каждую букву.

С. С. Шаулов: А как же тогда словарь сюжетов?

М. С. Рыбина: Ну, «Словарь сюжетов. . .»¹³ он же не довел до конца.

С. С. Шаулов: Но текст-то он сам в «Башкирскую энциклопедию» отдал!

М. С. Рыбина: Ой, Сергей, я не знаю обстоятельств . . .

С. С. Шаулов: И я не знаю.

М. С. Рыбина: . . . и какая была договоренность. Это опять-таки тоже нужно знать. Мы просто знаем, как это обстояло дело со статьями и со всеми в общем текстами, которые были на тот момент опубликованы. Они потом всегда выверялись.

С. С. Шаулов: Ну да. На самом деле, скажем, годов до восьмидесятых тут ещё были такие нюансы: далеко не всегда из печати-то выходили тексты, которые он посылал.

М. С. Рыбина: И это правда.

С. С. Шаулов: Одна из причин размолвки с Георгием Михайловичем Фридлендером как раз в том, что Фридлендер его «резал».

¹³Имеется в виду следующее издание: Назиров Р. Г. Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник. — Уфа, 2012. См. также рецензию на это издание: Комова Т. Д. Р. Г. Назиров. Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник // Назировский архив. 2014. № 1. С. 142 - 147.

М. С. Рыбина: Что-то ещё по поводу ... Это известные вещи, что Ромэн Гафанович часто откладывал текст.

Доклад, наверное, мог быть написан в последний момент. Я помню как раз свои сетования по поводу того «Ах! Уже! А ещё ничего нет!» Ромэн Гафанович: «У меня тоже ещё ничего нет». Доклад мог быть написан за вечер. Но статья писалась, потом откладывалась, то есть печаталась на машинке, откладывалась в стол и сколько-то там лежала.

С. С. Шаулов: Выдерживалась.

М. С. Рыбина: Хотя насчет доклада, который за ночь писался, у меня тоже есть сомнения, такое ощущение, что всё-таки нет.

С. С. Шаулов: Могла быть и поза?

М. С. Рыбина: Да, есть такое ... Ну потому что артистическая личность. Артистическая личность и эстет. Опять к вопросу о символистах и декадентах.

С. С. Шаулов: Не символистах, а сейчас скажу ... мистиках и романтиках.

М. С. Рыбина: Мистиках, декадентах и романтиках к вопросу о ... Да, было там тоже и это, наверное.

С. С. Шаулов: Было, да. Эстетство и декадентство.

М. С. Рыбина: Было.

С. С. Шаулов: Ну в общем мне кажется, было бы неплохо ещё как-нибудь на эту тему собраться и поговорить, может быть, не так ...

Роман «Звезда и совесть» и исторические события*

А. Л. Полян

Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова

Когда в Уфе проходила дискуссия о романе «Звезда и совесть», обсуждение практически не касалось вопроса о том, как преломляется в романе историческая действительность. Несколько выступавших уважительно отозвались об эрудиции автора. Проф. В. В. Борисова сказала: «Заметно его <Назирова> стремление к максимальной исторической достоверности. Я, кстати, думаю, что и современные библеисты и историки не смогут найти там <в романе «Звезда и совесть»> серьезных погрешностей».

Между тем, на наш взгляд, было бы интересно остановиться и на этом аспекте романа. Создавая роман о жизни Христа и тем самым вступая в заочный диалог с авторами, писавшими несколькими десятилетиями ранее (в первую очередь, с Булгаковым), Р. Г. Назиров явно предпринял определенные историко-культурные разыскания. В романе упоминается немало достоверных исторических деталей, топонимов, религиозных обрядов и т.д. — едва ли они появились в тексте романа, если бы автор не уделил историческому фону изрядного внимания.

На первый взгляд, перед нами стоит странная задача — читать роман, отмечая ошибки, — в общем, выступать не как читатель хорошей художественной литературы, а как рецензент дипломной работы или в лучшем случае как придирчивый редактор литературного произведения. Сразу оговоримся: роман Назирова — это хорошая проза, его интересно читать. Художественный текст не принято рассматривать с карандашом в руках, отмечая несуразности и анахронизмы. Однако мы сделаем это, и не только чтобы ответить на вопрос, найдут или не найдут библеисты и историки в романе Назирова погрешности.

В распоряжении у Назирова (в тех библиотеках, где он работал, возможно, в домашнем собрании книг) не могло оказаться большого количества современных работ по библеистике, истории иудаизма, истории Иудеи эпохи Второго Храма, истории сопредельных территорий. В годы, когда Назиров писал свой роман, такие исследования публиковались преимущественно за рубежом и, скорее всего, отсутствовали в отечественных библиотеках. Он мог пользоваться дореволюционными трудами по древней истории евреев (Д. А. Хвольсона, А. Я. Гаркави, С. М. Дубнова, Ю. И. Гессена и мн. др.), мог обращаться и к советским исследованиям 1920–70-х гг.: среди них были работы о Библии (Н. М. Никольского, И. П. Вейнберга, И. Ш. Шифмана, И. А. Крывелева, М. И. Шахновича), о Кумране — секте

*Искренняя благодарность автора — коллеге к.ф.н. Б. В. Орехову за предложение написать эту статью и за помощь в ее создании.

иудаизма времен Второго Храма (К. Б. Старковой, И. Д. Амусина¹ и др.), о древней истории евреев (П. К. Коковцова, И. И. Равребе, А. Б. Рановича) в т.ч. о самаритянах (Л. Е. Вильскера), о возникновении христианства (М. М. Кубланова), — однако огромное количество зарубежных, в т.ч. эмигрантских трудов оставалось вне поля зрения Назирова. В условиях, когда многие исследования недоступны, исторические неточности неизбежны.

Собственно, «позитивная» часть нашего сообщения заключается в двух составляющих: в попытке указать на источники, которыми мог пользоваться Назиров при написании романа (насколько это возможно: понятно, что он мог с кем-то консультироваться, мы не знаем в точности его круга чтения и т.п.), и в попытке проследить — опять-таки, насколько это возможно — стратегию Назирова в обращении с историческим материалом.

Начнем с небольшого исторического введения. Древнюю историю евреев в Палестине принято делить на четыре периода: период завоевания Земли Обетованной, период Первого Храма, период Вавилонского плена и период Второго Храма.

Первый Храм был построен в Иерусалиме царем Соломоном в X в. до н. э. и разрушен в 586 г. до н. э., когда город был захвачен войсками Нововавилонского царства. Наиболее знатные и богатые жители Иудеи были уведены вавилонянами в плен. Оттуда их потомкам было разрешено вернуться несколькими десятилетиями спустя, когда власть в регионе перешла от Нововавилонского царства к Персии. В 520-х гг. до н. э. был вновь отстроен Иерусалим и восстановлен Храм. Второй Храм просуществовал на пару веков дольше, чем первый: его разрушили в 70 г. н. э. римляне, подавляя восстание в регионе (в еврейской традиции за ним закрепилось название «Великое восстание», а Иосиф Флавий называет его иудейской войной). За это время в регионе сменяются трое властителей: Персия, наместники Александра Македонского и их наследники и Рим.

Таким образом, описываемое в романе время — начало I в. н. э. — относится к последним десятилетиям эпохи Второго Храма.

Второй Храм — это эпоха столкновения евреев с западной цивилизацией. В отличие от предшествующих контактов, которые были спорадическими и достаточно мирными, в эту эпоху произошел захват Ближнего Востока Западом. Покоренным народам греки навязывали свой образ жизни и свои верования. Для большинства политеистических религий региона это было выполнимым требованием: в святилищах ставились статуи греческих богов и Александра Македонского (император требовал поклонения себе как божеству). Однако для монотеистов-евреев это оказалось неприемлемо. Действие вызывало противодействие: наследники полководцев Александра, эллинистические правители, предпринимали агрессивные попытки вмешаться во внутреннюю жизнь Иудеи, в том числе и в религиозный культ. И это, естественно, вызывало крайне резкую реакцию со стороны евреев.

Как бывает в таких случаях, общество, находящееся под давлением, раскололось на несколько групп. Собственно, в последние века Второго Храма в иудаизме не было мейнстрима и от-

¹В цитируемой далее автором статье «Дитя в корзине» Р. Г. Назиров прямо опирается на работу И. Д. Амусина «Кумранская община» (М., 1983). — прим. ред.

клонений: было несколько самых разных течений — и трудно сказать, кто был влиятельнее и многочисленнее.

Некоторые старались эллинизироваться, принять греческую культуру и образ жизни — например, посещать гимнасий и заниматься борьбой. При этом об ассимиляции в религиозном плане речи не шло. Заметим, в романе Назирова сказано совершенно верно: это те, кто принадлежал к храмовой элите. Действительно, среди первосвященников того времени, имена которых (имя вообще для еврейской религии — крайне важный компонент) в принципе являются своего рода символом, были Менелай и Ясон.

Остальные группы были менее аккультурированы.

Были т. н. перушим ('отколовшиеся') — от этого слова произошло греческое «фарисеи», а в среде самого течения возник раввинистический иудаизм, развившийся в то состояние, которое мы имеем сегодня. Они стремились минимизировать контакт с эллинистической властью, в центре их внимания находились другие вопросы (толкование Писания, религиозный закон и т.п.). В среде непосредственных преемников фарисеев велись дискуссии о законе, которые в дальнейшем составят Талмуд.

Были группы — например, zeloty, которые старались всеми силами оказать сопротивление эллинистической власти. Зелоты делали это, скажем так, террористическими методами того времени.

Наконец, кто-то шёл по пути «внутренней эмиграции» — это были ессеи и хасидеи, создававшие что-то вроде монашеских общин. Они уходили от мира и селились отдельно. Одна из самых известных отшельнических общин — Кумран (правда, неизвестно точно, к какому течению она принадлежала). Греки были очень впечатлены образом жизни ессеев, называли их терапевтами и считали ессейские общины философскими школами. При этом они совершенно не поняли этого феномена: ессейские общины — это не Ликей и не Стоя, это не философские школы, собиравшие интеллектуальную элиту.

Все эти взаимоотношения описаны в романе вполне достоверно.

Для иудаизма Второго Храма характерна идея прекращения пророчества — и главный герой романа Назирова говорит о себе: «Я не Мессия, не Илия и не пророк», после чего следует авторское разъяснение: «Последнее означало, что он не принадлежит к сонму великих пророков древности, воскресения и прихода которых евреи ждали перед явлением Мессии».

Несколько странно описан национальный контекст тогдашней Иудеи: среди различных народов упоминаются арабы и отдельно бедуины (бедуины — это группа арабских племен). Наименование «арабы» звучит неожиданно (в историографии этого периода не принято употреблять термин «арабы»), однако по существу автор прав: жившие в то время в регионе набатеи и итуреи — этнические арабы.

В 14-й главе романа фигурирует «арабское племя мандеев», которое живет «по сей день в океане ислама». Действительно, мандеи жили в мусульманском окружении, но они — не арабское племя, а религиозное течение, которое в результате долгого существования в виде

отдельной общины стало и этнической общностью. Это гностики (слово «мандеи» происходит от глагола 'знать', как и греческое слово «гностик»), пользующиеся одним из диалектов арамейского языка. Кроме арамейского (мандейского), они используют говорят и по-арабски — не будучи арабского происхождения. Вероятно, говоря о мандеях, Назиров черпал сведения оттуда же, откуда и авторы статьи «Мандейцы» из энциклопедии «Народы и религии мира» :

«Говоря в настоящее время на арабском языке, М., тем не менее, выделяются среди окружающего мусульманского населения некоторыми культурными особенностями, образуя отдельную этноконфессиональную группу»².

Отметим еще несколько неточностей и анахронизмов.

Автор, видимо, не различает термины «Иудея» и «Израиль». Изначально за ними были закреплены следующие значения. Еврейское царство (правителями которого были Саул, Давид и Соломон) распалось при потомках Соломона надвое. Северное царство называлось Израиль, южное — Иудея. Израиль был больше, богаче и сильнее, Иудея — меньше, но гораздо значительнее в религиозном плане: ее столицей был Иерусалим, в котором находился Храм. В дальнейшем термин «Израиль» стал употребляться для обозначения всего еврейского народа.

Во 2-й главе читаем: *«Во имя Грядущего за мною я пойду на Город Могил, и тогда Ахав с Иезавелью исчезнут, как летучая трава пустыни, гонимая хамсином»*. За этой фразой стоит представление, что хамсин — это вид ветра. На самом деле это наполненный песком застойный воздух, то есть отсутствие³ ветра.

В 3-й главе описывается утро в еврейской общине — *«утренняя дойка верблюдиц, блеяние овец, лай собак...»* С точки зрения еврейского религиозного закона, верблюды некошерны (ритуально непригодны), некошерно и их молоко.

Там же: *«Язычники пустыни уже искали своего Бога, и в лице Иоханана, которого они называли Яхья, им открылся истинный пророк Аллаха (Аллах — то же самое, что еврейский Элох, Бог)»*. Насколько мы знаем об арабском язычестве, Аллах был лишь одним из богов, не единственным и даже не верховным. Форма «элох»-явно самостоятельная попытка автора романа или его консультанта образовать форму единственного числа от стандартного наименования Бога — Элоѓим (правильная сингулярная форма — Элоаѓ).

«Малка Машиах, Царь-Помазанник». Автор приводит здесь арамейскую конструкцию, но приводит ее неверно: должно быть «малка мешиха»⁴ (определенный артикль -а должен быть постпозитивно прибавлен к обоим словам).

²Народы и религии мира. М., 1998. С. 764.

³В «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона» дается другое определение, которое, видимо, и послужило источником для Назирова: «Хамсин — южный жгучий сухой ветер, наблюдаемый в Египте, одинакового происхождения с подобными ему ветрами: самумом и сирокко». — прим. ред.

⁴В «Краткой еврейской энциклопедии», которая была в личной библиотеке Назирова, дается такая транскрипция: «(машиах, буквально ' помазанник')». — прим. ред.

Далее: *«Может быть, среди алчущих великого слова были и самаритяне, презиравшая часть еврейского народа (ибо Самария не считала Храм подлинным местом пребывания Бога), но в таком случае они скрывали своё имя. Иудеи ненавидели их сильнее, чем язычников»*. Неизвестно, считались ли самаритяне частью еврейского народа, и тем более неизвестно, кто кого сильнее ненавидел. Исторически самаритяне — особая иудейская секта: из всего библейского текста самаритяне признают только первые шесть книг (Пятикнижие Моисеево и книгу Иисуса Навина). История их конфликта с иудеями была следующая. Когда иудеи возвратились из Вавилонского плена и стали восстанавливать Храм, самаритяне предложили свое участие и помощь — но получили отказ. Оскорбившись, они послали персидскому царю донос на иудеев, где высказывались соображения, что иудеи затеяли восстановление Храма и городских стен Иерусалима только для того, чтобы отложиться от Персии. Это заморозило строительство Храма и стен на несколько лет — и сильно осложнило отношения иудеев и самаритян. В эпоху Второго Храма конфликты продолжались: в 108 г. до н. э. еврейский царь Гиркан I пошел войной на самаритян, разрушил их храм на горе Геризим и присоединил Самарию.

Далее: *«Но всё же в «баптизме», крещении, есть нечто, совершенно неизвестное евреям: обряд совершается под открытым небом, в водах священной реки»*. Это не так: обряд омовения в иудаизме должен происходить в проточной воде. Это может быть как в резервуаре с проточной водой, находящемся в крытом помещении, так и в реке или проточном озере.

«Летом дождей не бывает, осень очень тёплая (октябрь не холоднее июня)». Это неверно: ранняя осень теплая — но середина и конец осени прохладные. Октябрь определенно холоднее июня: в горных районах (например, в Иерусалиме) вечерами и ночами — небольшие плюсовые температуры.

«Евреи всегда без трепета умирали за правую веру!» Вообще, мученичество, как и аскетизм, иудаизму категорически не свойственны. Однако в эллинистические времена появляются отдельные случаи мученичества (например, описанный во 2-й Маккавейской книге). В любом случае, это «всегда»-явное преувеличение, речь не может идти о традиции, истоки которой — в глубокой древности.

В 5-й главе описывается встреча субботы: *«Семья и гости возлегли вокруг застланной скатерти, Йешуа прочёл молитву над бочонком вина и разлил его по щербатым кубкам с грубо изображённой виноградной лозой — эмблемой Израиля. Сам он вина пить не стал»*. Пить вино Йешуа и не мог, будучи назореем (назореем запрещалось прикасаться к ритуальной нечистоте, стричь волосы и пить вино). Непонятно, почему виноградная лоза названа эмблемой Израиля. Может быть, Иудеи? Впрочем,⁵ эмблемой Иудеи виноградная лоза тоже не была.

⁵В популярной литературе можно найти утверждение, что «У евреев виноградная лоза символизирует народ Израиля как божьих избранников, а изображенная вместе с фиговым деревом — мир и изобилие.». Серьёзного обоснования этой точки зрения мы не нашли, но предполагаем, что она может опираться на те же источники, что и Назиров. — прим. ред.

В той же главе используется слово «гой» в значении 'иноверец'. Это современное значение, которое появляется сравнительно поздно. В Библии этим словом называются народы, имеющие свою территорию, т.е. оседлые (в т.ч. и еврейский народ после завоевания им Палестины).

В 6-й главе предпринимается попытка объяснить прозвище Иуды Искариота: «*Иудей, из колена Иссахара*». Этимологизация слова «Искариот» через имя Иссахар — остроумная гипотеза, но неверная. Искариот — это «иш керайот / керийот», человек из Керайот / Керийот (местности на севере Палестины). Кроме того, ко времени, в которое происходят описываемые в романе события, колена Иссахара уже не осталось. Дело в том, что Северное царство (Израиль) было в 722 г. до н. э. захвачено ассирийцами, которые практиковали депортации покоренных народов. Жителей Израиля (10 колен, среди которых и колена Иссахара) переселили куда-то в Месопотамию, где они и ассимилировались.

В 7-й главе герои забираются в пещеру, которая именуется «Домом Рыбы»:

— *Это Дом Рыбы, — ответил Симон, — и во всей Галилее только сорок человек знают это убежище: несколько жителей Каны и рыбаки с берега.*

<...>

И стало видно, что на стене, покрытой грязными подтёками, есть большое примитивное изображение рыбы.

— *Это тайный знак рыбацкого союза, — сказал Андрей. — Дед мой Аарон знал эту тайну и передал её мне. Но вот уже пятнадцать лет как союз больше не собирается.*

— *Но почему рыба? И когда сделано это изображение?*

— *Ты живёшь над морем Галилейским и ещё задаёшь такие вопросы, — усмехнулся Андрей. — Рыба кормит нас, и все мы её дети. А этому изображению не меньше, как трижды семьдесят лет, ибо дед мой увидел его ребёнком, и оно тогда уже было старым.*

<...>

На севере страны, вокруг галилейского моря, необычайно богатого рыбой, когда-то процветал культ бога-Рыбы.

Это представляется авторским домыслом (как и магический лошадиный череп, надетый на шест, из 4-й главы⁶). У семитских народов было, по-видимому, отрицательное или, по крайней мере, настороженное отношение к рыбе (в семитских языках термины для обозначения рыб, в т.ч. гипероним 'рыба', плохо этимологизируются), и едва ли рыба могла быть их священным символом: это категорически не свойственно региону. Какое-никакое рыбоводство в Палестину принесли только греки.

⁶В другой работе автор выстраивает недостающие звенья: «Иудейские ратники Ксеркса носили шлем устрашающего характера: то была кобылья пасть, из которой лицо воина смотрело так же, как лицо Геракла — из пасти убитого им Немейского льва. Таким образом, лошадиная голова должна была не только отпугивать духов, но и устрашать врагов в битве, как и голова Медузы на щитах греческих воинов» (Назирова Р. Г. Череп на шесте. Международные параллели к одному сказочному мотиву // Фольклор народов РСФСР: Сборник статей. Уфа, 1982. С. 33—43. С. 39). Однако нет доказательств, что иудеи использовали лошадиные черепа, надетые на шесты, в качестве оберега или еще с какой-либо целью.

В другом своем тексте-«Дитя в корзине и приметы избранников. Опыт реконструкции этнографического субстрата мифов» — автор романа предполагает существование специфического «рыбьего» культа Иисуса Навина, который повлиял на евангельское повествование: *«В фольклоре об Иисусе историческая фактичность стирается, предание впитывает в себя элементы запретных «сельских мифов», неканоническую традицию об Иисусе Навине, сыне рыбы (Йеишу бен Нун), который в народном сознании галилейских северных окраин оставался тайным советником Моисея»*. Это остроумная и красивая гипотеза (прозвище или патроним Бин Нун действительно имеет значение 'сын рыбы'), но, к сожалению, мы ничего не знаем о легендах об Иисусе Навине, связанных с рыбами (и еще маленькое замечание: в библейском тексте Иисус Навин — советник и преемник Моисея, что вроде бы никем не подвергалось сомнению. Непонятно, чем же примечательно в этом отношении «народное сознание галилейских северных окраин»).

Однако вернемся к тексту романа. Далее мы встречаем такую фразу: *«Он вспомнил, что говорится в Писании о Левиафане, рыбе длиною в сто локтей и с хвостом, подобным ливанскому кедру»*. Такой хвост в Писании упоминается, но не у Левиафана, а у Бегемота (эти два чудовища описываются одно за другим в книге Иова). Сама по себе связь Левиафана с христианским символом рыбы придумана красиво, но при этом, видимо, не имеет собственно исторической базы.

Интересны несколько эпизодов, которые несомненно являются анахронизмами, однако их введение отражает немалую историческую эрудицию автора и, видимо, специальные исторические разыскания, предпринятые им. Есть даже вероятность, что эти анахронизмы внесены в текст намеренно.

Речь идет о следующих эпизодах :

В 3-й главе романа говорится о библейских пророках: *«Их сила - внелогическое мышление в масштабах целых наций; из совокупного мышления народов и рождается пророческий дар, т.е. всемирноисторическая интуиция»*.

На самом деле, для библейских пророков универсализм (который станет важной составляющей евангельской идеологии) не характерен: все они обращались только к еврейскому народу, передавая ему волю Бога, возвещая его судьбу и призывая его предпринять те или иные действия. Исключением может быть только Иона, который проповедовал корабельщикам-иноверцам и жителям Ниневии, ассирийцам, — но текст книги Ионы достаточно поздний и, возможно, пародийный.

Таким образом, на эпоху создания библейских текстов проецируются тенденции, характерные для евангельской эпохи.

В последующих примерах на начало I в. н. э. переносятся более поздние явления.

В 3-й главе описываются герои романа: *«На лбу его виднелся миниатюрный тефиллин, укрепленный на голубой ленте; этот кожаный ящичек с выписанными из Писания изречениями на листочке лучшего пергамента, служил и амулетом, и признаком набожности. У его спутников тефиллины были крупнее и бросали тень на пол-лица; только первый, в*

полугреческой одежде, не носил тефиллина. Фарисеи считали всех, кто не носит тефиллина, презренными невеждами, людьми».

Постоянное ношение тефиллин на лбу действительно было принадлежностью одного из течений иудаизма, но не во времена Второго Храма, а в более поздний период — раввинистический. Этот обычай был связан с талмудическим законоучителем раббаном Гамлиэлем (III в. н. э.), и у Назирова фигурирует «Гамалиил сын Симона» (это некая вольная трактовка, Шимоном звали не отца, а сына Гамлиэля).

В 8-й главе герои обсуждают Одиссею (скорее всего, и это художественная условность: едва ли палестинские евреи в начале I в. н. э. были знакомы с Одиссеей) :

«- А помнишь, как Одиссей в шею [библейский термин - бездна] отталкивал тень своей родной матери? — беспощадно продолжал Йешуа.

— Ему нужно было услышать прорицание Тиресия! — вскричал хозяин.

— Нужно? Очень нужно? Нужнее голоса матери? Нужнее, чем добро?»

Иудаизм того времени совершенно не был матриархальным, а еврейство в библейские времена и, видимо, и в I в. н. э. передавалось по отцу. Передача еврейства по матери — более поздний, талмудический закон.

В этой же беседе об Одиссее есть ещё одно примечательное место :

«— Так почему же «Одиссея» нравится тебе?

— Там немало правды о жизни. Эллы думают, что это сказка, но там скрыта и подлинная мудрость. Я люблю то сказание, где царица Навсикая отпускает морехода на родину, хотя и полюбила его.

Йешуа показал на стенную роспись, и все посмотрели тоже.

— Она нашла его на берегу моря, накормила и одела его. Она хотела бы стать его женой, но у него уже была жена и дети, и родной дом. И она снарядила ему корабль и подарила ему свободу, а выше этого дара нет ничего. И она сделала счастье из своего несчастья.

— Учитель, раз она отпустила жениха, то, наверное, впала в кручину.

— Нет, Симон, ты не понял. Она стала счастлива его свободой. Такие женщины угодны Господу. Будь таким же, как Навсикая: даруй свободу тому, кого любишь, и не думай о себе».

Это обсуждение заставляет вспомнить историю из талмудической литературы об известном мудреце рабби Акиве (II в. н. э.). Он родился в бедной пастушеской семье и был человеком неучёным, однако очень хотел изучать Тору, и жена согласилась ждать его, пока он не получит образования, прождала его 14 лет — и была счастлива его свободой.

В том же разговоре главный герой высказывает следующую идею :

«Но как отвратительно слышать, — с силой сказал Йешуа, — о кровавом избиении глупых женихов! Ведь они даже и не думали, что мореход остался жив. В чём же была их вина?»

В Талмуде есть дискуссии по поводу различных пассажей Библии. Эти дискуссии велись по поводу целого ряда вопросов: во-первых, объясняется, что, собственно, сказано в библейском тексте, во-вторых, из библейского текста выводятся всякие разные законы. Один из текстов, на который я хочу обратить внимание, — это повествование о пророке Елисе (Элише). Он идёт вместе со своим учеником Илиёй (Элиягу) и встречает детей, которые дразнят пророка, называя его плешивым. Разгневанный пророк подает знак — и по его воле из ближайшего леса выбегают медведи и загрызают детей. Талмуд (трактат Сота, 46б–47а) пытается объяснить этот факт — и предлагает различные версии: дети были зачаты во грехе, дети не соблюдали ни одной заповеди, Элише было очевидно, что будь у этих детей когда-нибудь потомство — потомство будет не более праведным, и т.д. Как предполагает современный исследователь Е. Левин, за этими вычурными версиями стоит осмысление понятия вины: мудрецы Талмуда приписывают детям страшные грехи, потому что иначе непонятно, за что Елисей так жестоко с этими детьми обошёлся. Если уж их постигла такая страшная кара — значит, было за что. Из чего рождается такое объяснение? Из представления, что кара, несоизмеримая с наказанием, аморальна. Е. Левин утверждает, что постановка вопроса, содержащая какую-то этическую установку («насколько так морально поступать по отношению к другому человеку?»), являлась абсолютно новой по отношению к Библии и выработалась в иудаизме под влиянием многовековой напряжённой рефлексии над библейскими текстами. Я не вполне согласна с этим тезисом (мне кажется, кажется, эта установка взята в том числе и под влиянием извне), но в любом случае, отличие древних текстов от текстов рубежа эр несомненно: понятие индивидуальной ответственности человека за свои поступки (а не ответственности детей за отцов, человека за род и т.п.) и моральности поведения по отношению к другим людям появляется только на рубеже эр. Может быть, это общетипологическая особенность: Одиссея и библейские тексты (оба — многослойные памятники, создававшиеся крайне долго) складывались приблизительно в одно время.

Можно привести и другие примеры. Не раз в Библии происходит следующее: один из праотцов (два раза — Авраам, один — Исаак), переселившись в другую страну, выдаёт свою жену за сестру, чтобы избежать зависти царя и связанных с этим опасностей. Каждый раз при этом божья кара падает на царя, который собирается взять в жёны эту женщину. Современного читателя тревожит прежде всего вопрос вины: в чем виноват этот царь, за что его постигла кара? Библия таким вопросом не задаётся — но им задаётся, опять-таки, талмудическая литература.

Трудно сказать, насколько показательны такие совпадения. Возможно, они случайны. Или являются свидетельством того, что автору были более доступны исследования, посвященные раввинистическому периоду, — и он смоделировал предшествующий период по образцу более позднего. Возможно, мы пытаемся увидеть в тексте дополнительный смысл, которого автор туда не заложил. Однако можно предположить и другое (к сожалению, это не доказуемо и не опровержимо): возможно, перенося идеи и обычаи талмудической эпохи

на более раннее время — первую треть I в. н. э., Назиров преследует определенную цель. Например, стремится показать, что раннее христианство и раввинистический иудаизм гораздо ближе друг к другу, чем кажется. Или что более достоверных источников о раннем христианстве, чем еврейские талмудические источники, не существует.

Последний раздел статьи мы хотели бы посвятить теме, которая едва ли важна для анализа художественного мира романа, — морфологической и фонетической передаче древнееврейских слов. Это нужно, чтобы предположить, каковы могли быть источники Назирова: по фонетической передаче часто нетрудно установить, через какое посредство до автора дошло то или иное слово.

Начнем со следующего примера. В 5-й главе упоминается нееврейский помощник, который совершает для евреев в субботу определенные действия, которые запрещено совершать евреям (например, разжигает огонь, чтобы подогреть пищу). Такой помощник назван в романе «шаббат-гой». Словосочетания «шаббат-гой» в приведенном виде в указанную эпоху быть не могло. Оно появилось в идише (это было составное слово, составленное из двух слов-гебраимов) тысячелетия на полтора позже, и звучало иначе: «шабес-гой». Если бы такое словосочетание существовало в современном иврите, порядок расположения элементов был бы другим: «гой-шабат».

Видимо, автор (, его мать была еврейского происхождения⁷, и наверняка, будучи юным, автор общался с родственниками-носителями идиша) взял известное ему из восточноевропейской еврейской культуры слово «шабес-гой» и попытался вернуть ему библейское произношение.

Еще три слова приведены автором в ашкеназском произношении (наверное, услышаны в речи на идише):

1. «— *Бас-Кол! Бас-Кол!* — в суеверном ужасе зашумели евреи. Они побледнели, многие схватились друг за друга, и голоса звучали испуганно» (гл. 3). В начале н. э. это словосочетание (оно встречается в Мишне, в трактате «Авот») звучало как «Бат-кол» или «Бат-коль». Возможно, слово «бас-кол» автор помнил из детства: оно есть в знаменитой еврейской песне, которая поется на идише с вкраплениями древнееврейского и украинского, — «Катерина-молодица».

2. «*Сам же был прозван с тех пор Исроэл (боровшийся с Богом)*» (гл. 8) Вновь перед нами немотивированное ашкеназское произношение: должно быть «Исраэл» или «Исраэль».

3. «*самого, которое отчасти изложил Иоханану и отчасти Мардухаю из Вавилона*». Мардухай — это диалектное ашкеназское произношение, должно быть «Мордехай».

Из современного арабского берется слово «кефье» (точнее, кефия) — большой мужской платок. Едва ли евреи Палестины начала I в. н. э. пользовались именно этим словом.

В одном из эпизодов появляется арабский стражник-телохранитель Иоанна Крестителя, и произносит слово «эль Наби». Автор снабжает этот эпизод замечанием: «Арабское «наби»

⁷Б. В. Орехов, С. С. Шаулов Очерк научной биографии Р. Г. Назирова // Назировский архив, 2015, № 2. С. 78–79.

означало то же самое, что еврейское «неби» (пророк)» (Гл. 2). На самом деле, существительное 'пророк' с определенным артиклем звучит на как ан-наби. На иврите же 'пророк' — «нави» (с фрикативным [v]).

В фонетической передаче слов автор довольно непоследователен, в этом не просматривается никакой авторской логики. Кажется, вид транслитерации обусловлен тем, откуда автору были известны те или иные слова.

С одной стороны, есть что-то напоминающее транслитерацию Синодального перевода, то есть прошедшее греческое посредство: там исчезают все шипящие и гортанные, а также происходит ещё ряд других фонетических трансформаций. Я думаю, что такого происхождения слово «гамала» («Иуда из Гамалы», гл. 1) город, который на иврите называется Гам-ла. Есть довольно много и других слов, пришедших через греческое посредство, например, «Енгадди» (Эйн-Геди) и еще ряд топонимов.

Но при этом есть и «Йешуа» (на иврите должно быть «Йеґошуа»), которое иногда образует неестественное сочетание: «Йешуа бар Иосиф». Бар — это арамейское слово 'сын' (показатель патронима), а два имени — на иврите, и если первое звучит как «Йешуа», то второе должно иметь вид «Йосэф»: «Иосиф» — очевидно греческий вариант этого имени. Точно так же из Синодального перевода взяли Симон (ивр.-Шимґон) и Илия Фесвитянин (пророк Илия, на иврите его имя звучит как Элияґу ґа-Тишби).

Вероятно, источником здесь могли стать Синодальный перевод Библии и другие грекоязычные тексты — например, сочинения Иосифа Флавия (он был доступен в советское время и популярен среди людей, интересующихся еврейскими сюжетами).

С другой стороны, в тексте встречаются настоящие еврейские слова, знание которых совершенно не очевидно. Например, это слово канаим — 'ревнители'. Автору делает честь филологическая точность: слово приведено не как «канаимы» (как часто обращается с похожими словами Синодальный перевод), а в правильной форме множественного числа (ед.ч. «канай»). Другой пример — слово «шеол», неоднократно упоминающаяся в Библии наполненная водой бездна, которая находится где-то глубоко под землей. Назиров воспроизводит оригинальный вид этого слова, избегая греческого влияния (Ш не переходит в С), хотя почему-то присваивает ему женский род, что совсем неправильно. Возможно, эти слова взяты автором из отечественных работ по библеистике и кумранистике.

Попытка сохранить древнееврейское звучание предпринята автором и в именах «Йешуа» (см. выше), Йешуа Нун (правильно — Йеґошуа бин Нун, в синодальном переводе — Иисус Навин), «Бар-Рабба» (в синодальном переводе-Варрава).

Более детальное изучение этого вопроса могло бы пролить свет на список источников, которыми пользовался Р. Г. Назиров при написании романа. Несомненно, их было немало: чтобы написать «Звезду и совесть», автор проштудировал большой корпус древних текстов и исследовательской литературы. К сожалению, несмотря на это роман изобилует неточностями и анахронизмами-хотя, как мы постарались показать, в этих анахронизмах можно уловить определенную логику.

Трудно реконструировать картину мира еврея, который жил в Палестине в начале I в. н. э. Но мы считаем, что представление о том, чем жил такой человек, что было для него свято, чего он хотел и чего боялся, как была устроена его повседневная жизнь, передано в романе достаточно достоверно.

Библиография

Библиография

Дополнения к библиографии Р. Г. Назирова

Опубликованные труды о Р. Г. Назирове

1. Шаулов С. С. Черты утопии и дистопии в рассказе Р. Г. Назирова «Утро в городе солнца» [Текст] // Литературная Россия Башкортостана в XXI веке. — Вып. 2 / отв. редактор и составитель: д. ф. н., проф. В. В. Борисова. — Уфа: Лайм, 2015. — С. 104–123.
2. Шаулов С. С. Литературные суждения в дневниках Р.Г.Назирова [Текст] // Литературная Россия Башкортостана в XXI веке. — Вып. 2 / отв. редактор и составитель: д. ф. н., проф. В. В. Борисова. — Уфа: Лайм, 2015. — С. 93–104.

Правила для авторов

Рукописи в машиночитаемом виде представляются в редакцию по электронной почте nevmenandr@gmail.com. Во избежание недоразумений авторам предварительно следует ознакомиться со статьёй о принципах и целях издания (2013 № 1) до того, как посылать текст на рассмотрение редакции. Непрофильные статьи приняты к публикации не будут.

Ссылки на литературу оформляются в виде постраничных сносок. Фамилия автора цитируемой работы выделяется курсивом. Между названием работы и местом издания, а также между годом издания и страницами тире не ставится.

Вместе с представляемым в редакцию текстом следует прислать и сведения об авторе, включающие фамилию, имя, отчество, аффилиацию.

Вопрос о публикации в журнале будет рассмотрен после внутриредакционного рецензирования.

Публикация в журнале бесплатная.

НАЗИРОВСКИЙ АРХИВ

Цена: 14 руб. 50 коп.